

Санкт-Петербургский государственный университет

КОБЗЕВА Дарья Андреевна

Выпускная квалификационная работа

**Категория эвиденциальности в болгарском языке и способы ее
выражения в переводах на русский, английский и македонский языки
(на материале современной художественной прозы)**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5831.2020 «Славянские языки и
литературы»

Научный руководитель:
старший преподаватель,
Кафедра славянской филологии,
к.ф.н. Мосинец Анастасия Геннадьевна

Рецензент:
профессор,
Софийский университет
имени святого
Климента Охридского
Алексова Красимира Славчева

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Категория эвиденциальности в болгарском языке	9
1.1 Категория эвиденциальности в современной лингвистике	9
1.1.1 История изучения категории эвиденциальности.....	11
1.1.2 Наиболее распространенные современные классификации категории эвиденциальности	14
1.2. Категория эвиденциальности в болгарском языке	17
1.2.1 К вопросу о появлении и развитии эвиденциальных форм в болгарском языке	18
1.2.2 Употребление болгарских эвиденциальных форм в ранних письменных источниках	20
1.2.3 Эвиденциальные формы в болгарской лингвистике XX-XXI вв.....	23
1.2.4 Эвиденциальность и модальность	28
1.2.5 Ренарратив в болгарском языке – образование и употребление	32
1.2.6 Конклюдив в болгарском языке.....	38
1.2.7 Дубитатив в болгарском языке.....	44
1.2.8 Статус адмиративных форм в болгарском языке	51
1.3 Выводы	54
Глава 2. Болгарские эвиденциальные формы и их перевод на русский, английский и македонский языки	57
2.1. Эвиденциальные формы болгарского языка в художественной прозе	57
2.1.1 Ренарратив	57
2.1.2 Конклюдив	62
2.2 Перевод эвиденциальных форм.....	66
2.2.1 Перевод эвиденциальных форм на русский язык.....	66
2.2.1.1 Перевод форм ренарратива на русский язык.....	66
2.2.1.1.1 Перевод формами изъявительного наклонения.....	66
2.2.1.1.2 Сложное предложение	71
2.2.1.1.3 Конструкции с вводными словами.....	74
2.2.1.1.4 Конструкции с модальными речевыми частицами (ксенопоказателями)	77

2.2.1.1.5 Конструкции с модальными словами.....	79
2.2.1.2 Перевод форм конклюдива на русский язык.....	80
2.2.1.2.1 Конструкции с модальными словами.....	81
2.2.1.2.2 Сложное предложение	83
2.2.1.2.3 Перевод формами изъявительного наклонения без лексических маркеров предположения	85
2.2.1.3 Выводы	87
2.2.2 Перевод эвиденциальных форм на английский язык.....	88
2.2.2.1 Перевод формами изъявительного наклонения без добавления лексических маркеров.....	89
2.2.2.2 Сложные предложения и синтаксические конструкции	92
2.2.2.3 Перевод болгарских эвиденциальных форм грамматическими и лексическими средствами, выражающими модальность.....	95
2.2.2.4 Выводы.....	101
2.2.3 Перевод эвиденциальных форм на македонский язык	102
2.2.3.1 Перевод форм ренарратива	102
2.2.3.1.1 Перфект I.....	102
2.2.3.1.2 Перевод ренарратива другими временными формами изъявительного наклонения	109
2.2.3.1.3 Синтаксические конструкции со вспомогательным глаголом <i>сум</i> и причастием на <i>-н/-т</i> (перфект III).....	112
2.2.3.1.4 Перфект II	113
2.2.3.2 Перевод форм конклюдива	116
2.2.3.2.1 Перфект I.....	117
2.2.3.2.2 Перевод другими временными формами изъявительного наклонения	120
2.2.3.2.3 Синтаксические конструкции со вспомогательным глаголом <i>сум</i> и причастием на <i>-н/-т</i> (перфект III).....	121
2.2.3.3 Выводы	122
2.3 Выводы	123
Заключение.....	127
Список сокращений	131
Список источников	131
Список использованной литературы	132

Приложения..... 141

Введение

Данная выпускная квалификационная работа посвящена рассмотрению функционирования категории эвиденциальности в болгарском языке и анализу способов перевода болгарских эвиденциальных форм на русский, английский и македонский языки.

Категория эвиденциальности определяется исследователями как указание говорящим на источник полученной им информации, передаваемой в сообщении [Козинцева 1994]. Типологический анализ позволил ученым выявить следующие типы источников информации, которые в разных языках могут выражаться с помощью различных грамматических средств: прямая засвидетельствованность, пересказ информации, полученной с чужих слов, а также логическое умозаключение или предположение [там же 1994: 95].

В болгарском языке категория эвиденциальности грамматикализована и представлена четырьмя различными глагольными формами. Прямая засвидетельствованность выражается с помощью глагольных форм изъявительного наклонения, в то время как косвенная эвиденция в болгарском языке передается с помощью специальных форм ренарратива, конклюдива и дубитатива, восходящих к перфекту изъявительного наклонения. В русском и английском языках эвиденциальность не является самостоятельной грамматической категорией, и разные типы источников информации могут выражаться с помощью различных лексических, синтаксических и лексико-синтаксических средств. В македонском языке, как и в болгарском, исследователи выделяют эвиденциальность в отдельную грамматическую категорию, где эвиденциальные значения передаются формами, совпадающими с формами перфекта изъявительного наклонения.

Актуальность исследуемой темы объясняется непрерывным интересом ученых к употреблению глагольных форм с эвиденциальным значением в болгарском языке и наличием споров о том, какие формы следует включать в данную категорию, а также об отношении членов категории между собой. Актуальна и сопоставительная часть работы, т. к. тема перевода данных форм

на русский, английский и македонский языки недостаточно исследована (наиболее полно данная тема представлена на материале русского и английского языков).

Предметом исследования является категория эвиденциальности в современном болгарском языке и способы перевода эвиденциальных значений на русский, английский и македонский языки.

Объектом исследования выступают эвиденциальные глагольные формы, представленные в текстах болгарской художественной литературы, и их переводческие соответствия в переводах рассматриваемых произведений на русский, английский и македонский языки.

Цель работы состоит в анализе глагольных форм косвенной эвиденции в прозаических произведениях современных болгарских писателей, а также в выявлении способов перевода данных форм, на русский, английский и македонский языки. Для исследования нами были проанализированы эвиденциальные формы и их переводческие соответствия в русском, английском и македонском языках на следующем материале:

- роман Д. Талева «*Железният светилник*» и его перевод на русский язык («Железный светильник»), выполненный Н. Н. Поповым, а также перевод данного романа на английский язык («*The Iron Candlestick*»), переводчицей которого является М. Alexieva;
- сборник рассказов Г. Господинова «*И други истории*» и его перевод на английский язык («*And Other Stories*»), переводчики А. Levitin и М. Levy; переводы некоторых рассказов из сборника на русский язык были выполнены различными переводчиками;
- роман Г. Господинова «*Естествен роман*» и его перевод «Естественный роман», осуществленный на русский язык переводчицей и литературоведом М. Ширяевой, перевод этого романа на английский язык («*Natural Novel*»), выполненный Z. Hristova, а также перевод данного произведения на македонский язык («*Природен роман*»), переводчик Н. Маџиров;

- роман А. Баева «*Светата кръв*» и его перевод на македонский язык («*Светата кръв*»), осуществленный переводчиком Б. Георгиевым;
- сборник рассказов З. Евтимовой «*Пернишки разкази*» и его перевод на македонский язык («*Пернички раскази*»), выполненный Д. Крстевским.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. рассмотреть исследования, посвященные категории эвиденциальности, в современной мировой лингвистике и выявить типологическую характеристику болгарской эвиденциальной системы;
2. представить точки зрения лингвистов по вопросам образования, развития и использования эвиденциальных форм в болгарском языке;
3. собрать языковой материал из романов Д. Талева «*Железният светилник*», А. Баева «*Светата кръв*», Г. Господинова «*Естествен роман*» и сборников рассказов Г. Господинова «*И други истории*» и З. Евтимовой «*Пернишки разкази*» и на их основе рассмотреть контексты, в которых данные формы употребляются;
4. определить состав исследуемых форм и описать их семантику и контексты употребления;
5. сравнить формы языка оригинала с их переводами на русский, английский и македонский языки для выявления способов передачи на данные языки эвиденциальных значений, выражаемых в болгарском специальными глагольными формами.

Теоретической основой исследования послужили работы Р. О. Якобсона, В. А. Плуногяна, А. Айхенвальд, Н. А. Козинцевой и др. о признании эвиденциальности специфической категорией в лингвистике, труды Ю. С. Маслова, И. Куцарова, Г. Герджикова, К. Алексовой, Р. Ницоловой, и др. ученых о функционировании эвиденциальности в болгарском языке, исследования Е. В. Падучевой, О. А. Кобриной, Р. П. Усиковой, М. М. Макарецва и др. о способах выражения эвиденциальности в русском, английском и македонском языках.

В работе использованы описательный метод, методы сплошной выборки и статистического подсчета.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, списка источников, списка использованной литературы и приложений, включающих полную таблицу эвиденциальных форм в болгарском языке и таблицы по распределению ренарративных и конклюдивных временных форм в рассмотренных болгарских произведениях. В первой главе дан обзор литературы, в которой рассматривается история изучения эвиденциальности в мировой лингвистике и наиболее известные типологические классификации эвиденциальных систем в различных языках. Отдельно в первой главе представлена эвиденциальная система болгарского языка: история изучения эвиденциальных форм в болгарском языке, образование и употребление форм ренарратива, дубитатива и конклюдива; приведены взгляды исследователей на статус адмиративных форм и на соотношение эвиденциальности и эпистемической модальности. Вторая глава посвящена анализу употреблений эвиденциальных форм в рассмотренных произведениях, а также выявлению способов перевода болгарских глагольных форм с эвиденциальным значением на русский, английский и македонский языки.

Глава 1. Категория эвиденциальности в болгарском языке

1.1 Категория эвиденциальности в современной лингвистике

Категория эвиденциальности (засвидетельствованности) как самостоятельная грамматическая категория глагола, имеющая значение «указание источника сведений о сообщаемом факте», впервые была выделена Р. Якобсоном [Якобсон 1972: 101-102].

До обширных исследований функционирования эвиденциальности в разных языках, в европейском языкознании эта категория считалась специфической чертой болгарского языка, где события, свидетелями которых говорящий не являлся, передаются особыми грамматическими формами «пересказывательного наклонения» [Козинцева 2007:13]. В современной лингвистике от этого термина отказались, и исследователи выделяют такие формы в отдельную грамматическую категорию.

Эвиденциальность предполагает отражение отношения говорящего к содержанию сообщения, а именно уточняет источник передаваемой информации. Данное знание маркируется специальными лексическими, морфологическими или синтаксическими средствами. В качестве таких средств может выступать экспликация источника информации: источником может служить прямое свидетельство (собственные наблюдения говорящего, чувственное восприятие факта) или не прямое, косвенное свидетельство (информация, полученная от других лиц, логическое умозаключение) [Козинцева 2007: 14-16].

В лингвистике для обозначения данной категории существует много различных терминов, помимо эвиденциальности: «очевидность / неочевидность», «засвидетельствованность / незасвидетельствованность», «инференциальность / неинференциальность», «конфирмативность / неконфирмативность», «медиатив», «имперцептив», «дистантность», «заглазность», «метарепрезентация» и др. Однако термин

«эвиденциальность» является общим для всех перечисленных категорий, так как он включает в себя и случаи очевидности, пересказывательности, конформативности и т.д. [Козинцева 1994: 93].

Эвиденциальность с точки зрения носителей европейских языков, рассматривалась как «экзотическая» и «редкая» категория, но исследования показали, что отсутствие её грамматического маркирования в большинстве языков Западной и Центральной Европы является особенной лингвистической чертой этого ареала [Плунгян 2011:347].

Черты грамматического выражения эвиденциальности наблюдаются во многих языковых ареалах (далее представлено по [Плунгян 2011: 347-350]):

1. Евроазиатский ареал, включающий языки Балканского полуострова (за исключением новогреческого), Малой Азии; регион, именуемый “Great evidential belt” («большой эвиденциальный пояс»), включающий Кавказ, Южную Азию, Поволжье и Южную Сибирь. В данном регионе эвиденциальность представлена шире всего: «пояс» включает в себя большое количество языков из разных языковых семей, напр., южнославянские, тюркские, иранские, финно-угорские, абхазо-адыгейские и другие языки.
2. Северная Сибирь и циркумполярная область Евразии, включающая в основном самодийские языки и некоторые другие.
3. Прибалтийский ареал (литовский, латышский языки и не родственный им эстонский).
4. Языки индейцев Северной, Центральной и Южной Америки, с которых началось изучение эвиденциальности европейскими лингвистами как специфической категории, которая передает незнакомый тип мышления и культуры. Данный ареал можно назвать одним из самых богатых по концентрации различных типов и способов маркирования эвиденциальности.

5. Австралия и Новая Гвинея. Черты эвиденциальности в данных регионах представлены неравномерно, но их наличие в языках этого ареала не подвергается сомнению.

Болгарский язык с точки зрения выражения эвиденциальности и адмиративности является одним из языков с наиболее развитой грамматикализацией [Плунгян 2003: 324]. Типологически болгарский язык принадлежит к «большому эвиденциальному поясу» евроазиатского ареала.

Следует отметить, что в разных языках эвиденциальность реализуется по-разному. В одних языках она выражается через форму глагола (например, итальянский, славяно-балканские, тибетский, албанский, иранский, таджикский языки), в других – с помощью специальных аффиксов (шорский, чувашский, индейские языки семьи помо и др.), в третьих – с помощью определенных частиц, присоединяемых к глаголам (японский, северо-ирокезский и пр.) [Кобрина 2006: 88-91].

В древнерусском языке также присутствовали маркеры чужой речи как показатели эвиденциальности, которые сохранились и в современном русском литературном языке. Они существуют в виде частиц *де*, *мол*, *дескать*, этимологически восходящих к глаголам речи третьего лица единственного числа (*де* – аорист от *делать* со значением ‘говорить’, *мол* – прошедшее время от глагола ‘молвить’, *дескать* – стяжение формы *де* и глагола *сказать* [Молошная 1991: 63]. Данные формы отсылают к источнику информации как в прямой, так и в косвенной речи, но в современном русском языке считаются устаревшими и редко употребляются носителями языка.

1.1.1 История изучения категории эвиденциальности

Несмотря на то, что грамматическая категория эвиденциальности была выявлена учеными сравнительно недавно (первые исследования появились в 1960-1980-х гг., а более подробное описание данной категории началось в конце 1980-х гг.), ее изучение имеет довольно длинную предысторию.

Существование эвиденциальных противопоставлений в тюркских глаголах было впервые замечено М. Кашгари в «Собрании тюркских языков» в XI в. [Плунгян 2011: 351]. Позднее близкие категории эвиденциальности значения адмиратива, которые некоторые исследователи относят к одной из граммем эвиденциальности, было описано французским филологом-балканистом О. Дозоном, который в XIX в. проанализировал особые формы, выражающие эмоциональность в албанском языке. Для описания данных форм он первым употребил термин «адмиратив», который позже получил широкое распространение в научных работах [Плунгян 2011: 352].

В современной лингвистике термин «эвиденциальность» появляется в работах Ф. Боаса. Изучая языки американских индейцев, он первый в начале XX в. описал функционирование данной категории в языке квакиутль и в других языках Северо-Западного побережья Америки. Автор вводит термин “evidential”, называя им не грамматическую категорию в современном понимании, а одну из её граммем. Для исследователя особенно важно было подчеркнуть обязательный грамматический характер функционирования эвиденциальности в языках индейских племен, что отличало эти языки от европейских языков [Плунгян 2011: 352].

Вслед за Ф. Боасом эвиденциальность в своих трудах анализировали ученые Э. Сепир, М. Сводеш и др., изучавшие языки американских индейцев. Несмотря на то, что специфика проявлений эвиденциальности понималась учеными достаточно ясно, сформированного терминологического аппарата не было, поэтому многие лингвисты относили показатели выражения данной категории к особому типу «наклонений» (подобная ситуация наблюдается и в ранних работах по болгарскому языку [Андрейчин 1953; Дёмина 1959; Маслов 1981; Теодоров-Балан 1887]).

Основы типологического изучения современной категории эвиденциальности были положены Р.О. Якобсоном в работе «Shifters, verbal categories and the Russian verb» [Якобсон 1957]. В данной статье автором была описана категория, также названная «evidential» (в русском переводе –

«засвидетельствованность»)), указывающая на источник полученных сведений о некотором факте. В работе рассматриваются следующие способы получения информации: 1) от другого лица (quotative, hearsay event), 2) догадки и предположения (presumptive evidence), 3) собственный опыт говорящего (memory evidence) и 4) сны (revelatory evidence) [Якобсон 1972:135]. Согласно концепции Р.О. Якобсона, категория эвиденциальности относится к шифтерам (т.е. к языковым единицам вторичного уровня значимости, которые маркируют указание на речевой акт или на его участников). Эвиденциальность учитывает сообщаемый факт (narrated event), факт сообщения (speech event) и передаваемый факт сообщения (narratedspeechevent) [Якобсон 1957: 11]. Автор находит место данной категории в ряду других глагольных категорий, подчеркивая, что данная категория характерна для типологически разнородных языков, как, например, болгарский и языки американских индейцев. Именно в труде Р. О. Якобсона эвиденциальность впервые рассматривается отдельно от понятия «наклонение».

В том же году параллельно выходит статья французского ираниста Ж. Лазара, в которой рассматривается глагольная система таджикского языка, где присутствуют грамматикализованные показатели эвиденциальности. Таджикский язык входит в «большой эвиденциальный пояс», и в своей работе автор указывает, что функционирование данной категории в таджикском языке в корне отличается от системы, описанной Ф. Боасом и его коллегами. Для описания данной категории Ж. Лазар вводит термин «медиатив», который понимается исследователем шире, чем «эвиденциальность» у Р.О. Якобсона. Медиатив – это любая форма отражения ситуации, которая не основана на личном опыте говорящего и его представлениях о мире. Со временем термин «медиатив» начали широко использовать для описания систем балканского типа, особенно это характерно для французской традиции [Плунгян 2011:354].

Толчком к сопоставительному изучению эвиденциальности послужил симпозиум в Беркли 1981 г., посвященный проблемам филологии. Одними из организаторов данного симпозиума были ученые, занимающиеся индейскими языками – У. Чейф и Дж. Николс. На этой конференции участники впервые сравнивали выражение эвиденциальности в различных языках, рассматривали их природу и употребление. Результаты конференции были изложены в сборнике статей [Evidentiality 1986] и повлияли на развитие изучения эвиденциальности как отдельной грамматической категории — многие последующие исследования опирались на классификации, предложенные лингвистами в статьях, вошедших в данный сборник [Плунгян 2011: 355].

После выхода сборника [Evidentiality 1986] интерес к эвиденциальности возрос, многие ученые попытались применить универсальную классификацию эвиденциальных значений к языкам Центральной Европы и Азии. Именно в это время исследователи снова обратились к терминам «медиатив» Ж. Лазара и «адмиратив» О. Дозона, более углубленно начали рассматривать соотношение модальности и эвиденциальности. Все это послужило материалом для статей и обширных фундаментальных научных работ, напр. [Плунгян 2011; Храковский 2007; Aikhenvald 2004; Dendale 2001; DeLancey 2001; Guentcheva 1996 и др.], которые раскрывают выражение данной категории в различных языках.

1.1.2 Наиболее распространенные современные классификации категории эвиденциальности

Поскольку категория эвиденциальности выражается в различных языках по-разному, были предприняты попытки классифицировать типы эвиденциальных систем. Одним из первых подобную типологию предложил в своей статье Т. Гивон [Givón 1982], в которой рассматриваются языки киньяруанда (банту), шерпа (тибето-бирманский) и юте (шошотская ветвь юто-ацтекских языков). Можно сказать, что это был первый опыт

типологического описания – в работе автор сравнивает только три языка, и предложенная им система была в дальнейшем дополнена и модифицирована другими исследователями.

Более обширной классификацией явилась классификация Т. Уиллетта [Willet 1988], где исследователь анализирует 38 языков, принадлежащих к различным семьям и группам. В ней выделяются три типа свидетельства: 1) “direct” – засвидетельствованное, в которое включено “attested” – воспринятое органами чувств, 2) “reported” – репортативное, пересказ событий или действий и 3) “inferring” – конклюдентное, на основании результата или причинно-следственной связи [Макарцев 2013: 58].

Следует отметить, что в классификации Т. Уиллетта уже присутствует болгарский язык, и автор подчеркивает, что в нем выделяются все три основных “типа свидетельства” – засвидетельствованность, пересказ и конклюдентив. Однако в работе не выделены различные подтипы засвидетельствованности: так, в рамках прямого засвидетельствования описан один вид форм, возможное деление на визуальные/сенсорные формы не представлено [Макарцев 2013: 62].

Подробный типологический анализ категории эвиденциальности на грамматическом уровне был предложен А. Ю. Айхенвальд в монографии [Aikhenvald 2004], где автор рассматривает типы систем в зависимости от количества граммем эвиденциальности, наблюдаемых в определенном языке. В работе выделены системы с двумя возможностями (простейший случай), с тремя, четырьмя и пятью возможностями. Классификация А. Ю. Айхенвальд с учитываемыми параметрами представлена в таблице [по Aikhenvald 2004]:

Количество параметров	Индекс	Набор семантических параметров
	A1	Firsthand and Non-firsthand
	A2	Non-firsthand versus ‘everything else’
	A3	Reported (or ‘hearsay’) versus ‘everything else’

2	A4	Sensory evidence and Reported (or 'hearsay')
	A5	Auditory (acquired through hearing) versus 'everything else'
3	B1	Direct (or Visual), Inferred, Reported
	B2	Visual, Non-visual sensory, Inferred
	B3	Visual, Non-visual sensory, Reported
	B4	Non-visual sensory, Inferred, Reported
	B5	Reported, Quotative, and 'everything else'
4	C1	Visual, Non-visual sensory, Inferred, Reported
	C2	Direct (or Visual), Inferred, Assumed, Reported
	C3	Direct, Inferred, Reported, Quotative
5	D1	Visual, Non-visual sensory, Inferred, Assumed and Reported

Согласно этой классификации, болгарский язык относится к типу A1, где разграничиваются первичная и непервичная информация [Aikhenvald 2004: 288], т.е. к языкам, где существует два ряда маркированных форм, а нейтральные формы отсутствуют [там же: 40].

При таком методе классификации в один и тот же класс попадают системы с различными граммемами, поэтому В. А. Плунгян предложил свою классификацию в работе [Плунгян 2011]. Исследование отталкивается от «базовых» эвиденциальных систем, к которым относятся тернарные системы, т. е. те, в которых представлены и противопоставлены три релевантные граммемы: показатель прямого доступа, непрямого личного доступа (инферентив), неличного доступа (репортатив) [Плунгян 2011: 368]. Базовые тернарные системы не являются самыми распространенными, к ним относятся системы языка кечуа, литовского языка и др.

Другие типы эвиденциальных систем являются либо редуцированными, либо расширенными по отношению к базовым тернарным системам. К системам бинарного типа относятся те, в которых присутствует обобщенный показатель инферентивности, который противопоставляется показателю

прямой засвидетельствованности или немаркированной форме. Такие системы наиболее распространены и представлены в языках евроазиатского ареала [Плунгян 2011: 369].

В качестве одной из разновидностей бинарных систем может выступать модифицированная бинарная система, в которой представлено более двух граммем эвиденциальности, но противопоставление прямого личного доступа, непрямого личного доступа и неличного доступа в ней отсутствует [Плунгян 2011: 369]. К таким системам автор относит и эвиденциальную систему болгарского языка.

В системах расширенного типа представлены дополнительные противопоставления и показатели, кроме инферентивных и репортативных. К таким относятся визуальные, сенсорные, партиципантные значения, присутствующие в зоне прямого доступа; презумптивные, показатели «общих истин» и иные, находящиеся в зонах непрямого доступа [Плунгян 2011].

1.2. Категория эвиденциальности в болгарском языке

Глагольная система современного болгарского языка отличается разнообразием грамматических категорий, форм и значений. Наиболее сложную структуру имеют категории модальности и эвиденциальности. Болгарский язык типологически принадлежит к евроазиатскому ареалу эвиденциальности. Для языков этого ареала характерно то, что формы косвенной эвиденциальности в них образованы на основе перфекта изъявительного наклонения [Ницолова 2007: 124].

Специфика болгарского языка на уровне эвиденциальной системы состоит в том, что она располагает четырехчленной системой форм (более богатой по сравнению с другими языками ареала), где присутствует индикатив и три вида форм опосредованной эвиденции (конклюдив,

ренарратив, дубитатив), формы которых в некоторых лицах и числах омонимичны.

1.2.1 К вопросу о появлении и развитии эвиденциальных форм в болгарском языке

Первые научные упоминания о глагольных формах с пересказывательным значением относятся к XIX в., однако они были представлены только отдельными высказываниями. Более пристально ученые начали изучать данные формы только во второй половине XX в.

Ряд лингвистов, начиная с Б. Цонева, считают, что эвиденциальные формы в болгарском языке появились под влиянием турецкого языка. Основанием для такого утверждения служит совпадение морфологической формы болгарских пересказывательных форм с аналогичными формами в турецком языке [Дёмина 1959: 313]. Л. Андрейчин, в свою очередь, отмечал, что образование в болгарском языке форм со значением пересказа было связано с расширением функций болгарского перфекта под влиянием употребления перфекта в турецком языке [Андрейчин 1952: 40]. К. Мирчев относит начало процесса расширения функций перфектных форм к XIV в., что в дальнейшем привело к образованию системы форм ренарратива [Мирчев 1953: 48].

Г. Герджиков в труде [Герджиков 1984] предполагает, что развитие эвиденциальной системы болгарского языка проходило в 4 этапа: 1) транспозиция перфекта в сферу аориста в нарративе, при котором опосредованная информация передается на базе умозаключения, обобщения, чужой информации; 2) разделение информации на два модуса (опосредованный и непосредственный); 3) разграничение конклюдивных и пересказывательных форм, при котором перфектные формы для пересказа утрачивают вспомогательный глагол *съм* в 3 л. ед. и мн.ч.; 4) образование «недоверчивого модуса» с добавлением пересказывательной формы глагола *съм* (*бил*) к формам ренарратива [цит. по Алексова, материалы лекций по

болгарской филологии]. Также Г. Герджиков исключает влияние турецкого языка на болгарский в развитии эвиденциальных форм из-за многочисленных различий между эвиденциалами в болгарском и турецком языках и относит грамматикализацию болгарской эвиденциальности к XII-XIII вв. [Герджиков 1984: 259].

Р. Ницолова в работе [Ницолова 2006] подробно описывает, как эвиденциальные формы могли появиться в глагольной системе болгарского языка. По мнению автора, развитие данных форм в болгарском языке из перфекта обусловлено его темпоральной ориентацией, поскольку перфект обозначает результат действия, который существует в момент речи без привязки к определенной временной локализации в прошлом. Кроме перфекта в болгарском языке также существуют аорист и имперфект, характеризующие действия, интервал отсчета которых находится в прошлом, и в старославянском языке все три времени обозначали действия, которые говорящий мог воспринять или не воспринять. Со временем аорист и имперфект стали передавать лишь воспринятые говорящим действия, т.е. те, при употреблении которых говорящий обозначал, что источником передаваемой информации является его личное восприятие [Ницолова 2006: 39]. Перфект же, не отсылая к определенному интервалу в прошлом, обозначает действие как совершившийся факт, что позволяет использовать формы перфекта для передачи невоспринятых действий. Именно с помощью связи прошедшего перфектного действия с моментом речи могла сформироваться опосредствованная несвидетельская эвиденция, при которой возможно выразить несвидетельское отношение говорящего к действию [Ницолова 2003: 111].

В статье [Ницолова 2006] также рассматриваются возможные временные этапы развития эвиденциальных форм в болгарском языке: исследовательница относит появление новых перфектоподобных форм к XII—XIII вв. и делит развитие эвиденциальной системы болгарского языка на 2 стадии. Первую стадию характеризует появление новых форм, которые

противопоставлялись изъявительному наклонению и обобщенно выражали опосредованную засвидетельствованность со значениями невосприятости, пересказывательности и конклюдентности, подобно перфекту в турецком языке. Вторая стадия, по мнению Р. Ницоловой, наблюдается в языке дамаскинов XVII-XVIII вв., где двучленная эвиденциальная система (индикатив и опосредованная эвиденция) разделяется на четырехчленную формально, с помощью присутствия или отсутствия вспомогательного глагола *съм*, и семантически, где опосредованное собственное знание и умозаключение противопоставляются информации, полученной от третьего лица [Ницолова 2006: 39].

1.2.2 Употребление болгарских эвиденциальных форм в ранних письменных источниках

В письменных источниках формы ренарратива впервые зафиксированы в *«История славянобългарска»* Паисия Хилендарского (1762). В XVII-XVIII вв., когда в Болгарии развивалась дамаскинская литература, парадигма форм для выражения пересказа в болгарском языке уже сложилась окончательно, и эти формы активно употреблялись в народной речи, откуда они проникли в *«История славянобългарска»* [Андрейчин 1977: 90]. В этом произведении несвидетельское повествование передается с помощью ренарративных форм, где они используются в основном в главах об истории болгарского народа. Автор разграничивает контексты употребления индикатива и ренарратива, например, при переводе трудов Ц. Барония и М. Орбини П. Хилендарский последовательно заменяет аористные формы оригиналов болгарскими пересказывательными формами.

Следует отметить, что в некоторых случаях наблюдается единичное употребление форм аориста изъявительного наклонения вместо ожидаемых форм ренарратива. Эти отклонения могут быть связаны: 1) с передачей событий, изложенных в религиозных книгах (традиция библейского повествования требовала использования индикатива); 2) с сохранением

П. Хилендарским цитат и прямой речи (несмотря на то, что их графическое оформление иногда отсутствовало); 3) с невнимательностью автора, так как единичное немотивированное присутствие изъявительных аористных форм в одном предложении с формами пересказа может объясняться механическим проникновением в текст форм оригинала [Андрейчин 1977: 93-94]. В то время употребление в тексте индикативных и пересказывательных форм определялось исключительно автором. В современном литературном языке сохраняется практика изложения исторических событий в ПФ, использованная П. Хилендарским в своем произведении [Андрейчин 1977: 95].

В творчестве другого народного будителя – Софрония Врачанского – также можно проследить употребление ренарративных форм в болгарском литературном языке на раннем этапе его становления. В произведении *«Житие и страдания грешного Софрония»* (1805) регулярно проявляются основные закономерности использования изъявительного наклонения и ренарратива в народной речи. Поскольку текст повествует о событиях, действительно происходивших в жизни автора, в произведении преобладает индикатив, однако в случаях, когда речь идет о фактах или событиях, свидетелем которых С. Врачанский не был, употребляются эвиденциальные формы со значением пересказа.

Употребление глагольных форм ренарратива также представлены в произведениях С. Врачанского *«Неделник»* и *«Езоповите басни»*, входящих во «Второй видинский сборник» (1802). В *«Неделник»* события из Евангелия представлены, с одной стороны, в переводах некоторых отрывков из первоисточника, которые передаются во временах изъявительного наклонения, а с другой стороны, в пересказе самого С. Врачанского, следующем за этими переводами, где он свободно пользуется ренарративными формами [Андрейчин 1977: 99-101]. Таким образом, С. Врачанский разграничивает два плана повествования.

«Езоповите басни» написаны в жанре, близком к народным сказкам, чем объясняется принципиально другой подход автора к содержанию текста, нежели в «Неделник». Начиная повествование с употребления пересказывательных форм, С. Врачанский, однако, в дальнейшем использует формы изъявительного наклонения: *«Един волк угладнял и ходил да тражи ястие. Случи се на едно място, та чу како плачеше едно малко дете, а една баба му думаше...»* [Андрейчин 1977: 103]. Реже весь текст выдержан либо во временах индикатива, либо в ренарративе. Народные сказки в болгарском языке обычно передаются в ренарративных формах, поэтому удивителен переход автора к изъявительным формам. Это может быть объяснено тем, что перед автором был письменный, а не устный текст, или тем, что переводчик психологически переживал описываемые события вместе с героями [Андрейчин 1977: 104]. С точки зрения языковой грамотности, этот переход не является оправданным, и другие авторы, переводившие в дальнейшем Эзопа (П. Р. Славейков, Ал. Балабанов, Т. Сарафов), пользовались только формами пересказывательного наклонения [Андрейчин 1977: 104].

В произведениях одного из первых болгарских беллетристов Любена Каравелова исследователи отмечали частое употребление *-л-* форм и связывали его с русским или сербским влиянием, поскольку Л. Каравелов провел много времени в России и Сербии и первоначально публиковал значительную часть своих повестей на русском или сербском языках [Андрейчин 1977: 106]. В прозе Л. Каравелова можно отметить два способа повествования: 1) рассказчиком является сам автор (например, в повестях *«Българе от старо време»*, *«На чужди гроб без сълзи плачат»*, *«Je ли крива судбина»*, *«Мамино детенце»*, *«Нено»* и др.); 2) рассказчиком является другое лицо, непосредственный участник или свидетель описываемых событий (повести *«Турски паша»*, *«Войвода»*, *«Неда»*, *«Наказао је бог»*, *«Главчо»* и др.). Если рассказчик – автор, то употребляются формы ренарратива, в то время как во втором случае используются формы

индикатива (исключая события, непосредственным свидетелем которых рассказчик не был, тогда в тексте употребляется ренарратив) [Андрейчин 1977: 108]. Данная последовательность в употреблении глагольных форм, по мнению Л. Андрейчина, показывает, что автор понимал особое значение пересказывательных форм и пытался самостоятельно разобраться в вопросе их употребления [Андрейчин 1977: 108].

Исследователями отмечалось, что Л. Каравелов в произведениях не разграничивал пересказывательные формы аориста и имперфекта. Причина обнаруживается в особенностях копривштенского диалекта, в котором отсутствует причастие имперфекта на *-л*, употребляющееся в восточно-болгарских говорах и в литературном языке, поэтому формы, образованные от основы аориста, используются как для передачи аориста, так и имперфекта [Андрейчин 1977: 117].

Несвидетельское авторское повествование Л. Каравелова не нашло последователей среди болгарских писателей. Его современники, например, В. Друмев и И. Блысков, чувствовали, что употребление изъявительных глагольных форм придает рассказу живость и более соответствует природе художественного творчества. После публикации романа И. Вазова «*Под игото*» такой способ повествования закрепился и стал традиционным для болгарской литературы [Андрейчин 1977: 118-119].

В дальнейшем к вопросу возникновения, развития и употребления перфектоподобных форм для выражения пересказа в болгарском языке обращались различные ученые и исследователи, точки зрения которых будут рассмотрены далее.

1.2.3 Эвиденциальные формы в болгарской лингвистике XX-XXI вв.

Впервые на наличие специальных форм для передачи чужой речи в болгарском языке обращает внимание А. Теодоров-Балан. В статье [Теодоров-Балан 1887] говорится о существовании в болгарском языке глагольных форм, параллельных изъявительным, которые выражают

одинаковые временные значения и употребляются либо в прямой, либо в косвенной речи. При этом употребляя ту или иную форму, говорящий показывает, является ли действие, выраженное данной формой, его личным опытом или он передает это с чужих слов [Дёмина 1959: 315]. В дальнейшем именно А. Теодоров-Балан предложил систему классификации глагольных форм по четырем наклонениям, одно из которых – пересказывательное.

Вслед за работами А. Теодорова-Балана были опубликованы другие научные труды, в которых подробно рассматривался вопрос о наличии в болгарском языке пересказывательных форм. Так, Ю. Трифонов в работе [Трифонов 1905] уделяет большое внимание употреблению форм перфекта при передаче событий с чужих слов. Он первый отметил, что для форм «косвенного высказывания» характерно опущение вспомогательного глагола в 3-м лице ед. и мн. ч. [Дёмина 1959: 316]. Ю. Трифонов также включает в категорию «воспринятого и невоспринятого действия» формы, обозначающие предполагаемое действие, и говорит о формах «*за съмнение и обезсилване*», которые впоследствии назовут недоверчиво-неодобрительными формами или дубитативом [Трифонов 1905: 170].

Первым ренарративные формы и случаи их употребления всесторонне описал Л. Андрейчин, который рассматривал формы для пересказывания чужих слов в системе изъявительного наклонения, уделяя внимание вопросам образования форм «*за преизказване*» и «*за по-силно преизказване*», выявлению системы временных эквивалентов. Кроме того, он отмечает употребление перфектных временных форм для выражения предполагаемого действия, однако включает эти формы в систему пересказывательных времен, упоминая о различных оттенках в категории наклонения [Дёмина 1959: 320].

Й. Пенчев в работе [Пенчев 1976] рассматривает в составе изъявительного наклонения болгарского языка такие категории, как «способ высказывания» и «источник высказывания» (термины впервые введены Л. Андрейчиным [Андрейчин 1953]). В категории «способ высказывания»,

исследователь выделяет «личные» и «неличные» утверждения, к которым относятся подкатегории «прямое высказывание» и «пересказывание» соответственно [Пенчев 1976], т.е. в его работах эвиденциальные (точнее, ренарративные) формы остаются в системе индикатива.

В. Станков, как и Й. Пенчев, обращается к изъявительному наклонению и выделяет в нем три разновидности – свидетельский (лично утвердительный), нейтральный и пересказывательный индикатив и использует в своей работе [Станков 1967: 335] термин «способ высказывания» вслед за Л. Андрейчиным. Оба лингвиста (Й. Пенчев и В. Станков) не включают в системы болгарских глагольных времен в своих работах дубитативные эвиденциальные формы.

Одним из первых среди лингвистов неболгарского происхождения вопрос об эвиденциальных формах в болгарском языке изучил Ю. С. Маслов, который поддержал точку зрения А. Теодорова-Балана о пересказывательном наклонении. Он, как и Ю. Трифонов и Л. Андрейчин, выделяет формы «нейтрального» и эмфатического («недоверчиво-неодобрительного») пересказывания, а также рассматривает конклюдив в рамках отдельного предположительного наклонения [Маслов 1981: 271-278]. Однако Ю. С. Маслов не включает в систему форм для пересказа временные формы будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем, отмеченные Л. Андрейчиным, в связи с отсутствием примеров употребления подобных форм [Маслов 1956: 312].

В своей работе [Дёмина 1959] Е. И. Дёмина утверждает, что ренарративные формы, с точки зрения выражаемого ими отношения действия к действительности, могут быть обозначены как наклонения вторичной оценки, поскольку существуют формы для пересказывания не только форм изъявительного, но также повелительного и условного наклонений, т.е. видит в этих формах не одно, а три наклонения [Дёмина 1959: 341].

Г. Герджиков считает, что глагол в болгарском языке обладает такой грамматической категорией как *«изказване на действието»*, в которой он

отмечает четыре модуса: удостоверительный (*удостоверителен*) – индикатив, умозаключительный (*конклузивен*) – конклюдзив, пересказывательный (*ренаративен*) – ренарратив и недоверчивый (*недоверчив*) модус – дубитатив [Герджиков 1982: 31]. Категория «*изказване на действието*» не является наклонением, т.к. она выражает отношение говорящего к высказыванию о каком-либо действии и к связи между высказыванием и реальностью, в то время как категория наклонение подразумевает отношение говорящего к самому действию и его связи с реальностью [Герджиков 1982: 29]. Г. Герджиков вводит термин «заангажированности» говорящего, в основе которого лежат две оппозиции – пересказывание / непересказывание и субъективность / несубъективность [Герджиков 1982: 25]. Эти оппозиции показывают отношение говорящего к высказыванию, а не к реальному акту или действительности, в связи с этим, по его мнению, эвиденциальные формы не могут быть выделены в самостоятельное наклонение.

И. Куцаров в работах, посвященных проблеме пересказывания, вводит самостоятельную морфологическую категорию «вид высказывания» [Куцаров 1993, 1997], которая строится на формально-семантической привативной оппозиции пересказывание / непересказывание, где прямое высказывание является немаркированным членом. В данной морфологической категории семантическое содержание основывается на отношении говорящего к высказыванию. Автор не выделяет ренарративные формы в самостоятельное наклонение, т.к. значение пересказывания в болгарском языке совместимо в рамках одной и той же словоформы со значениями маркированных модальных граммем [Куцаров 1993: 101].

Эвиденциальность и адмиратив рассматривает в своих работах З. Генчева, используя для эвиденциалов термин «медиатив», который подразумевает опосредованность выражения информации [Guentcheva 1996]. Опосредованность предполагает, что между говорящим и информацией есть определенная дистанция, выражающаяся различными глагольными формами,

т.е. при использовании медиатива автор дистанцируется от нее и не дает собственную оценку истинности утверждаемой информации [Guentcheva 1996: 55]. Медиатив, согласно позиции автора, может включать как пересказ, так и умозаключение на основе каких-либо фактов или событий, и значение неожиданности факта для говорящего, свойственное адмиративу.

К исследованию эвиденциальности в болгарском языке, и особенно к конюзиву, дубитативу и адмиративу, обращается К. Алексова в своих работах [Алексова 2003, 2004, 2015, и др.]. Следуя за Г. Герджиковым, она принимает теоретическую модель и положения о четырех модусах высказывания и оперирует как терминологией Г. Герджикова, так и общепринятой в современной лингвистике терминологией эвиденциальности по причине ее распространенности и узнаваемости в научной литературе, хотя и подчеркивает, что данная терминология не отражает специфику данного языкового явления в болгарском языке в полной мере [Алексова 2015]. Автор рассматривает в своих статьях функционирование эвиденциалов в болгарском языке, уделяет внимание их семантике, категориальному статусу, сферам употребления, взаимодействию с другими глагольными категориями, вопросам омонимии форм перфекта индикатива и аориста конюзива, а также вопросам преподавания данных глагольных категорий иностранным студентам.

Р. Ницолова посвятила много теоретических работ эвиденциальности в болгарском языке. Она, как и Г. Герджиков, признает эвиденциальность самостоятельной глагольной категорией и использует его модель внутренней организации категории – четырехчленной, содержащей одну непосредственную (индикатив) и три опосредованные формы эвиденции (ренарратив, дубитатив, конюзив) [Ницолова 2008]. При определении эвиденциальности Р. Ницолова рассматривает в первую очередь источник информации (собственная/чужая, личный опыт/общий фонд знаний, прямая/опосредованная информация); способ получения информации

(сенсорное восприятие, эндофорное восприятие психических процессов говорящего, умозаключение или чужая речь) [Ницолова 2008: 334].

Е. Тырпоманова рассматривает эвиденциальность и адмиратив как балканизм, присущий болгарскому и албанскому языкам [Тырпоманова 2015]. Автор подчеркивает, что важной чертой балканской эвиденциальности является наличие в системе дубитатива, в котором вторичная информация оценивается как недостоверная. Сравнивая выражение эвиденциальности в различных языках, она отмечает, что в болгарском языке эвиденциалы требуют обязательного выражения соответствующих значений, в отличие от адмиратива, который остается не до конца развитой категорией с рядом временных и семантических ограничений (в отличие от адмиратива в албанском языке) [Тырпоманова 2015: 202].

1.2.4 Эвиденциальность и модальность

Эвиденциальность и модальность в мировой лингвистике

Одним из наиболее сложных и обсуждаемых вопросов, связанных с эвиденциальностью, является проблема соотношения эвиденциальности и модальности. Эпистемическая модальность – оценка говорящим высказывания с точки зрения достоверности, которая является одним из аспектов субъективно-модальных значений [Козинцева 2007: 26].

По этому вопросу в лингвистике существует множество точек зрения, от полярных до компромиссных, однако мы приведем здесь три наиболее распространенные (цит. по [Ницолова, 2006: 28, Ницолова 2007: 109]):

1. Модальность и эвиденциальность существенно различаются между собой, т.е. находятся в дизъюнкции (в таком случае следует говорить об эвиденциальности в узком смысле).

Например, подобное утверждение выдвигает Ф. де Хаан в работе [DeHaan 1999]. По мнению исследователя, эвиденциальность и эпистемическая модальность различаются на трех уровнях: а) семантически

— эвиденциальность только отсылает к источнику информации, в то время как эпистемическая модальность выражает отношение говорящего к информации; б) синтаксически — в некоторых языках, напр., в албанском, эвиденциальность и модальность требуют разных маркеров отрицания [Макарцев 2013: 43]; в) по происхождению — морфемы для выражения эвиденциальности могут отличаться по происхождению от эпистемических морфем [DeHaan 1999: 3]. Однако несмотря на разграничение Ф. де Хааном эвиденциальности и эпистемической модальности, он не разделяет их целиком – обе категории используют понятие свидетельства, но оперируют им по-разному.

2. Эвиденциальность включает в себя достоверность знания говорящего (тогда следует говорить об эвиденциальности в широком смысле слова), или наоборот, эпистемическая модальность включает в себя эвиденциальность, т.е. оба понятия находятся в отношении инклюзии.

Так, Т. Гивон [Givón 1982], Т. Willet [Willet 1988], J. Bybee [Bybee 1985] и др. относят эвиденциальность к группе значений в рамках эпистемической модальности. В их работах эпистемическая модальность рассматривается как комплекс информации: а) об оценке степени достоверности высказывания с точки зрения говорящего и б) об источниках высказывания, произносимого говорящим, что подразумевает значение эвиденциальности.

3. Эвиденциальность и модальность частично пересекаются (конклюзивные, презумптивные компоненты и инференциальная эвиденциальность).

В данном подходе исследователи (напр. К. фон Финтель и А. С. Джиллис [VonFintel, Gillies 2007]) утверждают, что источник информации, к которому отсылает категория эвиденциальности, в некоторых случаях оказывает влияние на уверенность говорящего, т.е. эпистемическая модальность может зависеть от источника информации. При такой трактовке эвиденциальность и эпистемическая модальность могут иметь точки

соприкосновения, и в определённых ситуациях накладываться друг на друга [Von Fintel, Gillies 2007: 38-39].

Соотношение эвиденциальности и модальности в болгарском языке

Вопрос соотношения эвиденциальности и эпистемической модальности актуален и для исследователей, занимающихся болгарским языком. В современных исследованиях категории эвиденциальности в болгарском языке можно выделить две позиции, которые зависят от восприятия семантики эвиденциальности как грамматической категории:

- Семантика эвиденциальности состоит в указании источника информации (напр. в работах [Р. Ницолова 2008] и [Е. Търпоманова 2015]), и эвиденциальность и эпистемическая модальность частично пересекаются.
- Эвиденциальность — инвариантный для категории признак «ангажированности» говорящего, связанный с достоверностью высказывания [Герджиков 1984, Алексова 2003], благодаря чему можно говорить об их инклюзии.

В своих трудах [Ницолова 2003, 2006, 2007, 2008] Р. Ницолова часто обращается к вопросу соотношения эвиденциальности и эпистемической модальности. Она считает, что в болгарском языке данные категории частично пересекаются, что наблюдается в нескольких эвиденциальных формах. Индикатив обозначает сильную уверенность говорящего в правдивости полученных им знаний, поскольку они основаны на его личной перцепции или на общем опыте, что, по её мнению, отражает некоторый модальный оттенок. Адмиратив выражает удивление говорящего внезапно обнаруженным в момент речи фактом, при этом его когнитивное состояние резко меняется из незнания на знание. Это позволяет исследовательнице сделать вывод о том, что значение адмиратива скорее эпистемически модальное, чем эвиденциальное. Пересечение эвиденциальности и

эпистемической модальности наблюдается в дубитативе, который обозначает сильное сомнение говорящего в истинности передаваемой речи, и в конклюдиве, выражающем слабое несвидетельское знание. Соответственно, в эвиденциальных формах болгарского языка находит отражение как и источник передаваемой говорящим информации, так и то, насколько данная информация соответствует действительности [Ницолова 2003: 110].

К. Алексова утверждает, что глагольные категории эвиденциальности можно рассматривать как средство выражения эпистемической модальности, т. е. языковая модальность включает в себя эвиденциальность [Алексова 2004]. Для подтверждения данного тезиса автор обращает внимание на значимость разделения эпистемической и эпистемологической (эвиденциальной) модальности, и подчеркивает, что, по ее мнению, это не два отдельных типа языковой модальности, а два подтипа эпистемической категории: первый тип — говорящий судит о достоверности высказывания с точки зрения абстрактного логического мышления, второй тип — говорящий судит о достоверности утверждения с его позиции в реальном мире [Алексова 2004: 4]. В качестве лексических средств для выражения эпистемической модальности (первого типа) служат различные модальные слова и выражения, такие как *разбира се, несъмнено, навярно, вероятно, може би, изглежда* и др., в качестве морфологических средств — категории, выражающие степень вероятности, напр. «утвердительная модальность» в турецком языке или предположительные (презумптивные) формы в болгарском. Для второго типа (эпистемологической (эвиденциальной) модальности) характерно то, что достоверность высказывания зависит от говорящего: обусловлена связью с реальным миром источника сообщаемой информации, свидетельской/несвидетельской позицией говорящего, тем, опирается ли говорящий на чужую информацию или на собственное умозаключение и т. д. Ко второму типу можно отнести ренарративные, конклюдивные и дубитативные формы, т. е. формы, которые показывают

степень достоверности высказывания с точки зрения говорящего [Алексова 2004: 5].

1.2.5 Ренарратив в болгарском языке – образование и употребление

В болгарском языке значение передачи информации с чужих слов выражается эксплицитно, т.е. с помощью специальных морфологических средств – пересказывательных форм, выделяемых некоторыми исследователями в особое наклонение – пересказывательное [Маслов 1981: 193]. Пересказывательные или ренарративные формы употребляются в тех случаях, когда говорящий хочет подчеркнуть, что передает информацию с чужих слов, по книгам, легендам и др. источникам; когда говорящий не согласен с чужим мнением; когда не был свидетелем описываемых событий или был свидетелем, но не помнит, тем самым выражая некоторую отстранённость от истинности информации, т. е. не несет ответственности за достоверность передаваемых фактов [Маслов 1981: 270].

Ренарративные формы активно употребляются в современном болгарском литературном языке во всех видах и жанрах повествовательного текста, но чаще всего в формах пересказа передаются сказки, легенды, анекдоты и т. п. Последовательность употребления форм ренарратива в подобных текстах является яркой отличительной чертой сказочного или анекдотического стиля [Маслов 1981: 277].

Ренарратив широко используется в историческом повествовании, стремящемся к наибольшей точности и объективности (научная и научно-популярная историческая литература и др. жанры). Данными формами, в первую очередь, передаются конкретные факты, известные автору на основе документов, описаний, мемуаров и др. источников [Маслов 1981: 277]. Если речь идет о крупных общеизвестных событиях, могут использоваться формы изъявительного наклонения, даже если говорящий не был свидетелем событий, тем самым подчеркивается достоверность передаваемой

информации: *Втората световна война завърши през 1945 г.* [цит. по Ницолова 2006: 31].

В народной поэзии и фольклоре пересказывательные формы также встречаются довольно часто, но при этом могут употребляться вместе с формами изъявительного наклонения без существенного различия в семантике [Маслов 1981: 277].

В повестях, романах и др. произведениях нефольклорно-беллетристического повествования ренарратив употребляется редко. Если автор не фигурирует в тексте сам в качестве очевидца или участника, обычно используются формы изъявительного наклонения. Там, где вводится «рассказчик» как посредник между автором и описываемыми событиями, закономерно появляются ренарративные формы. Однако если рассказ ведется от 1-го лица, проводится строгое разграничение между тем, что автор наблюдал лично, и тем, что узнал со слов других действующих лиц [Маслов 1981: 277].

Для передачи информации, полученной с чужих слов, в библейских текстах, как и для описания общеизвестных исторических событий, используются формы изъявительного наклонения [Ницолова 2007: 176; Шанова 2014: 120].

Девяти глагольным формам изъявительного наклонения действительного залога соответствуют только пять форм ренарратива. За исключением аориста, каждая ренарративная форма соответствует двум формам глагола изъявительного наклонения; так, *нóсел съм, нóсел* соответствует формам настоящего времени и имперфекта, *бил съм нóсил, бил нóсил* – перфекту и плюсквамперфекту, *щял съм да нóся, щял да нóси* соответствует формам будущего времени и будущему в прошедшем, *щял съм да съм нóсил, щял да е нóсил* – будущему предварительному и будущему предварительному в прошедшем. Данный синкретизм объясняется тем, что при передаче чужой информации рассматривается только отношение между

интервалом действия и интервалом референтности, темпоральный план высказывания не учитывается [Ницолова 2008: 361].

Среди исследователей эвиденциальности также спорным остается вопрос, существуют ли в болгарском языке ренарративные формы для повелительного наклонения, ср. *Чети повече!* - *Да съм четял повече!* (Читай больше! - [X сказал], чтобы я больше читал). Такие формы как *да съм четял* выражают волеизъявление третьего лица, а не говорящего, и предложение с этими формами скорее носит декларативный, а не императивный характер [Ницолова 2006: 29].

Пересказывательное настоящее время и имперфект (*Преизказно сегашно и преизказно минало несвършено време*)

Ренарративные формы для пересказа настоящего времени и имперфекта изъявительного наклонения образуются с помощью причастия имперфекта на -л основного глагола и вспомогательного глагола *съм*, который в форме 3 л. ед. и мн. ч. отсутствует. Отрицательная форма образуется с помощью отрицательной частицы *не*:

<i>нóсел (-а, -о) съм</i>	<i>нóсели сме</i>	<i>не съм нóсел (-а, -о)</i>	<i>не сме нóсели</i>
<i>нóсел (-а, -о) си</i>	<i>нóсели сте</i>	<i>не си нóсел (-а, -о)</i>	<i>не сте нóсели</i>
<i>нóсел (-а, -о)</i>	<i>нóсели</i>	<i>не нóсел (-а, -о)</i>	<i>не нóсели</i>

Для некоторых глаголов III спряжения, отдельных глаголов I и II спряжения (напр., *държа* – *държал съм, държал, мълча* – *мълчал съм, мълчал* и др.) причастие аориста может совпадать по форме с причастием имперфекта. Кроме того, причастие аориста может употребляться вместо имперфектного, т. к. в западных диалектах и граничащих с ними восточных отсутствует причастие имперфекта, напр.: *Марин пял често тази песен* вместо *Марин пеел често тази песен* [Ницолова 2008: 365].

Поскольку одна форма соответствует двум формам изъявительного наклонения, её временное значение определяется по контексту. Так, в первом примере ренарративная форма представлена в контексте настоящего времени и описываемая ситуация актуальна на момент речи персонажа, в то время как во втором предложении форма ренарратива передает состояние и чувства героя, которые он испытывал в прошлом: *Казват, че някъде между Сливен и село Марен още имало свободна българска земя. Нейният Стефан иска прошка, казва, че бил болен, че не искал да ѝ пише, да не я кара да страда* [цит. по Маслов 1981: 274].

Пересказывательный аорист (*Преизказно минало свършено време*)

Данная глагольная форма соответствует аористу изъявительного наклонения и является самой употребительной формой в поступательном движении рассказа в системе форм для пересказа.

Пересказывательный аорист образуется из сочетания причастия аориста на -л спрягаемого глагола и вспомогательного глагола *съм*, который опускается в 3 лице. С помощью отрицательной частицы *не* образуются отрицательные формы:

<i>нóсил (-а, -о) съм</i>	<i>нóсили сме</i>	<i>не съм нóсил (-а, -о)</i>	<i>не сме нóсили</i>
<i>нóсил (-а, -о) си</i>	<i>нóсили сте</i>	<i>не си нóсил (-а, -о)</i>	<i>не сте нóсили</i>
<i>нóсил (-а, -о)</i>	<i>нóсили</i>	<i>не нóсил (-а, -о)</i>	<i>не нóсили</i>

Пересказывательный аорист передает завершённые в прошлом действия, информация о которых получена с чьих-то слов: *И като издумал тези думи, змеят грабнал светулката и я спуснал в шъпата ѝ. Рукнали сълзи от очите на девойчето. Размърдали се устните и щом светулката издъхнала – то се вкаменило* [цит. по Ницолова 2008: 367].

Формы 1 и 2 лица аориста в ренарративе совпадают с формами перфекта изъявительного наклонения и с конклюдивными формами аориста, поэтому иногда пересказывательное значение формы можно определить только из

контекста. Так, в приведенных ниже примерах представлена форма перфекта индикатива 1 л. ед. ч. (1) и форма аориста конклюдива (2), которые по форме совпадают с ренарративным аористом [цит. по Алексова 2003а]:

(1) *Чел съм отдавна тази книга и не мога да си спомня някои подробности.*

(2) *Явно съм си изгубил ключовете.*

Пересказывательный перфект и плюсквамперфект (Преизказно минало неопределено и преизказно минало предварително време)

Данная ренарративная форма соответствует двум формам изъявительного наклонения – перфекту (*съм носил*) и плюсквамперфекту (*бях носил*). Образуется из сочетания причастия имперфекта *бил*, вспомогательного глагола *съм*, который в формах 3-го лица отсутствует, и аористного причастия спрягаемого глагола. Отрицательная форма образуется с помощью присоединения отрицательной частицы *не* к положительной глагольной форме в ренарративе.

<i>нóсил (-а, -о) съм бил (-а, -о)</i>	<i>нóсили сме били</i>
<i>нóсил (-а, -о) си бил (-а, -о)</i>	<i>нóсили сте били</i>
<i>нóсил (-а, -о) бил (-а, -о)</i>	<i>нóсили били</i>
<i>не съм бил (-а, -о) нóсил (-а, -о)</i>	<i>не сме били нóсили</i>
<i>не си бил (-а, -о) нóсил (-а, -о)</i>	<i>не сте били нóсили</i>
<i>не бил (-а, -о) нóсил (-а, -о)</i>	<i>не били нóсили</i>

Пересказывательный перфект и плюсквамперфект передают состояния или действия, которые имели место как в прошедшем временном плане, так и в момент говорения, или как результат, связанный с настоящим моментом. Кроме того, данная ренарративная форма совпадает с формой аориста дубитатива, поэтому для определения временного значения формы следует обращаться к контексту. Так, первый пример представлен ренарративной формой плюсквамперфекта, а второй — дубитативным аористом [цит. по Ницолова 2008: 368]:

(1) *Никой не вярвал, щото никой не бил виждал такава кифла;*

(2) ... съжбяляваше, че не можела да ги почерти с кафе, защото захарта ѝ се била свършила.

Пересказывательное будущее время и будущее в прошедшем (Преизказно бъдеще време и преизказно бъдеще в миналото)

Синкретичные пересказывательные формы будущего времени и будущего в прошедшем образуются из сочетания причастия имперфекта на -л от глагола *щя*, вспомогательного глагола *съм*, опускаемого в 3 л. ед. и мн. ч., и основного глагола в форме настоящего времени с частицей *да*. Отрицательная форма образуется с помощью неизменяемого причастия имперфекта глагола *нямам* и спрягаемого глагола в настоящем времени с частицей *да*:

<i>щял съм да нoся</i>	<i>нямало да нoся</i>
<i>щял си да нoсиш</i>	<i>нямало да нoсиш</i>
<i>щял да нoси</i>	<i>нямало да нoси</i>
<i>щели сме да нoсим</i>	<i>нямало да нoсим</i>
<i>щели сте да нoсите</i>	<i>нямало да нoсите</i>
<i>щели да нoсят</i>	<i>нямало да нoсят</i>

Отрицательные формы также могут быть образованы присоединением отрицательной частицы *не* к положительным формам. В подобных формах глагол *щя* до сих пор сохраняет значение «хотеть, желать»: *не съм щял (-а, -о) да нoся, не си щял (-а, -о) да нoсиш, не щял (-а, -о) да нoси, не сме щели да нoсим, не сте щели да нoсите, не щели да нoсят* [Ницолова 2008: 368].

Редко встречаются формы ренарратива будущего времени, образованные с помощью частицы *ще*, настоящего времени вспомогательного глагола *съм*, который отсутствует в 3 л., и причастия имперфекта основного глагола: *ще съм носел (-а, о), ще си носел (-а, о), ще носел (-а, о), ще сме носели, ще сте носели, ще носели* [Ницолова 2008: 368].

Поскольку данная форма соответствует двум формам изъявительного наклонения, её значение определяется по контексту: *Че щяла да изсече*

гората, че общинските приходи пресъхнали, той ли ще мисли за това! Та вий казвате, че той щял да се венчава идущата неделя? Само така я пускала старата – ще дойдели тази вечер да ни искат прошка [цит. по Ницолова 2008: 369].

Пересказывательное будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем (*Преизказно бъдеще предварително и преизказно бъдеще предварително в миналото*)

Ренарративные формы для будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем образуются из сочетания причастия имперфекта глагола *щя*, частицы *да* и перфекта спрягаемого глагола с вспомогательным глаголом *съм*. Отрицательная форма образуется с помощью неизменяемого причастия имперфекта глагола *нямал*, частицы *да* и перфекта основного глагола.

<i>щял съм да съм нóсил (-а, -о)</i>	<i>щели сме да сме нóсили</i>
<i>щял си да си нóсил (-а, -о)</i>	<i>щели сте да сте нóсили</i>
<i>щял да е нóсил (-а, -о)</i>	<i>щели да са нóсили</i>
<i>нямало да съм нóсил (-а, -о)</i>	<i>нямало да сме нóсили</i>
<i>нямало да си нóсил (-а, -о)</i>	<i>нямало да сте нóсили</i>
<i>нямало да е нóсил (-а, -о)</i>	<i>нямало да са нóсили</i>

Данная форма ренарратива встречается в текстах редко: *Децата щели вече да са пристигнали, но влакът имал закъснение. Писателят нямало да е написал този роман, ако съдбата не го била отвела в Африка* [цит. по Ницолова 2008: 370].

1.2.6 Конклюдив в болгарском языке

История изучения конклюдива в болгарском языке

Конклюдив является частью четырехчленной эвиденциальной системы болгарского языка, который обозначает «слабое, незасвидетельствованное знание, базирующееся на общем опыте данного общества или на собственном умозаключении на основе известных фактов» [Ницолова 2006: 28].

Первое научное объяснение конклюдива (другие термины: умозаключительные, предположительные, субъективные, нарративные, нейтральные, перфектовидные формы, силлогистический констатив, силлогистический нарратив, инференциал и пр.) было предложено Ю. Трифоновым. Он первым подчеркнул значение конклюдива: говорящий передает действие на основе умозаключения или предположения [Трифонов 1905: 168]. Вместо термина «предположительное время», употреблявшегося ранее учеными, он предлагает использовать термин «невоспринятое время», которое в дальнейшем выделяет в отдельную морфологическую категорию.

Рассуждая о месте конклюдива в болгарской глагольной системе, Л. Андрейчин сначала рассматривал его как разновидность пересказывательных форм [Андрейчин 1944], но в более поздних работах он выделяет конклюдив как один из видов категории «основание высказывания» (личный опыт или опосредованное свидетельство), находящейся в подчинении категории «способ высказывания» (авторское, прямое или косвенное) [Андрейчин 1976: 345].

В трудах Ю. С. Маслова конклюдив впервые представлен среди модальных граммем болгарского глагола в качестве пятого наклонения – предположительного. Автор отмечает, что формы предположительного наклонения, с одной стороны, близки к пересказывательным формам, а с другой – к перфекту изъявительного наклонения, на основе которого развилась система пересказывательного и предположительного наклонений [Маслов 1981: 193]. Он включает в парадигму конклюдива временные формы для глаголов несовершенного вида: прошедшее-настоящее (настоящее время

и имперфект), плюсквамперфект, будущее и будущее в прошедшем [Маслов 1981: 271].

Е. И. Дёмина также обращает внимание на конклюдивные формы в болгарском языке и в труде [Дёмина 1959] называет их «формами предполагаемого действия». Доказывая грамматическую самостоятельность конклюдивных форм и противопоставляя их формам изъявительного наклонения, она поддерживает идею Ю. С. Маслова об обособлении этих форм в отдельное наклонение «за счет переосмысления уже существующих языковых средств» [цит. по Куцаров 1994а: 48]. В дальнейшем именно ею был предложен термин «конклюдив» в работе [*Към историята на модалните категории на българския глагол*] (1970).

Многие исследователи поддерживают утверждение, что в парадигме конклюдива существуют только те времена, чей интервал референтности находится в прошедшем временном плане: имперфект, аорист, плюсквамперфект, будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем [Ницолова 2008: 353]. Но не все лингвисты согласны с данной классификацией. Например, И. Куцаров, выделяющий конклюдив как отдельное наклонение, расширяет парадигму конклюдива, включая в неё дубитатив в качестве форм репортативного конклюдива [Куцаров 1994а: 171].

Г. Герджиков также расширяет парадигму конклюдива, включая в его состав адмиративные формы непрошедшего временного плана как особое эмоционально-экспрессивное употребление умозаключительного модуса, при котором предпочитают формы без вспомогательного глагола *съм* в 3 л. ед. и мн. ч. [Герджиков 1984: 147]. Характеризуя место конклюдива в глагольной системе болгарского языка, Г. Герджиков отмечает, что он является одним из четырех модусов речи, обладающим такими признаками как «непересказывательность» и «субъективность» [Герджиков 1984: 24].

Дискуссионным вопросом также остается связь значения конклюдива с истинностью передаваемой информации. Существует несколько точек зрения исследователей по данному вопросу [цит. по Алексова 2016]:

- По мнению Г. Герджикова, субъективность и опосредованность информации на базе собственного умозаключения является причиной различных оценок достоверности высказывания [Герджиков 1984];
- Р. Ницолова утверждает, что при употреблении конклюдива говорящий высказывает собственное мнение, что означает, что “говорящий считает, что выраженная в высказывании пропозиция **p** является истинной в одном из возможных миров, который не обязательно должен совпадать с реальным миром” [Ницолова 2008: 354]. Исследовательница подчеркивает, что эвиденциальные пресуппозиции связаны с истинностью высказывания не напрямую, а опосредованно, указывая источник информации [Ницолова 2008: 334];
- Согласно Зл. Генчевой, высказывания, где присутствует конклюдив, не содержат оценки истинности информации [Генчева 1996];
- К. Алексова также подчеркивает, что в инвариативном значении конклюдив не включает в себя прямую оценку говорящим истинности информации в высказывании, которое основывается на его собственном умозаключении, но в конкретной ситуации говорящий может выразить различную степень уверенности в правдивости утверждения [Алексова 2016].

Конклюдивные формы омонимичны ренарративу в 1 и 2 л. ед. и мн. ч., но в 3 л. ед. и мн. ч. отличаются от них наличием вспомогательного глагола *съм*. Также конклюдивные формы полностью совпадают с парадигмой перфекта индикатива, но при этом выражают значение предположения или умозаключения. Св. Иванчев в [Иванчев 1984] предлагает объединить конклюдивные формы с перфектом индикатива в единую морфо-семантико-функциональную категорию, которая в своем полном виде функционирует как конклюдив, и только часть с аористным причастием функционирует как традиционный перфект, конкурирующий с аористом [Иванчев 1984: 32].

Г. Герджиков предлагает различать перфект изъявительного наклонения и конклюдивный аорист с помощью следующего метода: если форму *чел е*

можно заменить на *четял е* или *чел е бил* и др. при незначительном изменении темпорального плана, то перед нами умозаключительный аорист (конклюзивный А), в обратном случае – перфект индикатива [Герджиков 1984: 229]. Р. Ницолова, в свою очередь, подчеркивает, что во многих случаях сложно определить, какая форма используется в конкретном употреблении – форма перфекта индикатива или аориста конклюзива. Исследовательница считает, что значение современного перфекта в индикативе в болгарском языке связано со свидетельской позицией говорящего – либо субъект действия и говорящий совпадают, либо мы понимаем, что говорящий все же был свидетелем действия, выраженного в предложении формами перфекта [Ницолова 2007].

Конклюзив в современном болгарском языке – образование и употребление

Конклюзив может выражать два значения источника информации: умозаключительный (инференциальный) и неумозаключительный. В обоих случаях говорящий делится со слушателем опосредованной, несвидетельской информацией, он не был свидетелем описываемых событий, но при умозаключительном значении употребленные формы подразумевают, что говорящий сообщает слушателю свое мнение, во втором случае – свое знание, но «слабое», несвидетельское знание [Ницолова 2008: 354].

К. Алексова в [Алексова, материалы лекций по болгарской филологии] выделяет следующие употребления конклюзива: 1) умозаключение говорящего, который не был свидетелем действия; 2) говорящий не являлся свидетелем события, но использует информацию, полученную с чужих слов, для выражения своего собственного утверждения или обобщения; 3) широко распространенное утверждение или обобщение, к которому присоединяется говорящий и представляет в качестве своего мнения, хотя и не был свидетелем описываемого события; 4) говорящий является свидетелем определенного явления, но для подчеркивания субъективного,

эмоционального характера восприятия данного события использует конклюдивные глагольные формы вместо индикатива [Алексова, материалы лекций по болгарской филологии].

Конклюдивные формы в болгарском языке могут употребляться для передачи полученной с чужих слов информации, при условии, что говорящий включает её в общий фонд знаний и представляет её как собственное субъективное утверждение [Алексова 2016]. Использование конклюдива вместо ренарратива при передаче информации с чужих слов показывает меньшую дистанцированность говорящего от передаваемой информации, однако в сознании носителей болгарского языка они «существенно не различаются с точки зрения дистанцированности» [Ницолова 2006: 34]. К. Алексова считает, что конклюдив употребляется вместо ренарратива только в косвенной речи, когда в главном предложении находится глагол речевой деятельности, а в придаточном — глагол в плане прошедшего [Мосинец, Алексова 2019: 22].

При употреблении конклюдивных форм на значение умозаключения или предположения, сопровождающегося некоторой степенью уверенности говорящего в своих догадках, могут указывать различные лексические маркеры, например, вводно-модальные слов *значи, следователно, вероятно, може би, едва ли, без съмнение, сигурно, май, по всяка вероятност* и др. [Куцаров 1994: 201; Мосинец 2018: 211]. Также конклюдивным формам часто сопутствуют предикаты со значением ментальной деятельности (умозаключения, предположения, догадки): *смятам, считам, мисля, предполагам*; безличные глаголы и конструкции *изглежда, струва ми се, смята се, счита се*; глаголы и выражения, показывающие результат рассуждения или заключение: *това означава, че, излиза, че* и др. [Тырпоманова 2015: 141, Мосинец 2018].

Как мы упоминали ранее, исследователи выделяют следующие временные формы конклюдива в болгарском языке: формы имперфекта, аориста, плюсквамперфекта, будущего в прошедшем и будущего

предварительного в прошедшем. Образование болгарских конклюдивных форм по лицам и числам представлено в таблице:

Имперфект (1)	Аорист (2)	Плюсквамперфект (3)	Будущее в прошедшем (4)	Будущее предварительное в прошедшем (5)
<i>нóсел (-а, -о) съм</i>	<i>нóсил (-а, -о) съм</i>	<i>бил съм нóсил (-а, -о)</i>	<i>щял съм да нóся</i>	<i>щял съм да съм нóсил (-а, -о)</i>
<i>нóсел (-а, -о) си</i>	<i>нóсил (-а, -о) си</i>	<i>бил си нóсил (-а, -о)</i>	<i>щял си да нóсиш</i>	<i>щял си да си нóсил (-а, -о)</i>
<i>нóсел (-а, -о) е</i>	<i>нóсил (-а, -о) е</i>	<i>бил е нóсил (-а, -о)</i>	<i>щял е да нóси</i>	<i>щял е да е нóсил (-а, -о)</i>
<i>нóсели сме</i>	<i>нóсили сме</i>	<i>били сме нóсили</i>	<i>щели сме да сме нóсим</i>	<i>щели сме да сме нóсили</i>
<i>нóсели сте</i>	<i>нóсили сте</i>	<i>били сте нóсили</i>	<i>щели сте да нóсите</i>	<i>щели сте да сте нóсили</i>
<i>нóсели са</i>	<i>нóсили са</i>	<i>били са нóсили</i>	<i>щели са да нóсят</i>	<i>щели са да са нóсили</i>

Употребление временных форм конклюдива в контекстах можно проследить на следующих примерах, приведенных в работе [Ницолова 2008: 357-360].

(1) Знаем само, чем към нея са се числели крайдунавските северяни или северци...

(2) Столът си стоеше там. Сигурно не са успели да го изкарат през вратата, прекалено широк е, внасях го през прозореца.

(3) Данните от топонимията потвърждават факта, че до средата на IX в. вече са се били наложили славянските местни названия.

(4) Може би и самата мома е щяла да падне, ако нашият човек не подскочил бързо напред и не я подхванал под мишниците.

(5) Войските са щели да са превзели отдавна крепостта, ако е имало кой да ги преведе през тайния подземен тунел.

1.2.7 Дубитатив в болгарском языке

История изучения дубитатива в болгарском языке

Передача событий с чужих слов может быть «нейтральной», когда говорящий формами ренарратива указывает только на то, что он передает чужое, а не собственное утверждение, не выражая сомнения, недоверия или несогласия с передаваемыми событиями, но и может иметь дополнительный модальный оттенок недоверия [Маслов 1981: 271]. «Недоверие» говорящего следует понимать как некоторую сдержанность говорящего по отношению к информации в высказывании, при этом сдержанность может колебаться от слабого сомнения до полного отрицания. Во всех случаях их объединяет негативная эпистемическая оценка говорящим достоверности опосредованной информации [Мосинец, Алексова 2019: 23].

Такие формы называются эмфатическими или «недоверчиво-неодобрительными» (по Ю. С. Маслову), формами «для более сильного пересказывания» (по Л. Андрейчину), дубитативом (Р. Ницолова, К. Алексова, А. Г. Мосинец, Е. Тырпоманова), недоверчивым (инверитативным) модусом (Г. Герджиков) и др. И. Куцаров считает эти формы пересказывательными для форм предположительного наклонения [Куцаров 1994: 127].

Впервые научное определение дубитативным формам дал Ю. Трифонов (1905) – «*формите за изразяване на съмнение и отслабване*», а первое подробное описание данных форм было представлено в исследованиях Е. И. Дёминой (1959).

Формы дубитатива вводят действие, первичная констатация которого приписывается говорящим другому лицу, но выражение отрицательного отношения к содержанию утверждения является неизменным и отличительным признаком дубитативных форм [Дёмина 1959: 353]. Исследовательница отмечает, что особенно часто данные формы употребляются при «передразнивании», позволяя выразить яркие эмоционально-экспрессивные оттенки отношения говорящего к полученной

информации: несогласие, недоверие, возмущение, иронически-пренебрежительное, насмешливое отношение к ней. Следует отметить, что при подобном «передразнивании» говорящий, как правило, «передразнивает» слова своего собеседника, обращаясь либо к нему самому, либо высмеивая утверждения лица, не присутствующего при разговоре [Дёмина 1959: 354].

Место дубитатива в глагольной системе болгарского языка является темой активных дискуссий, и ученые придерживаются разных точек зрения по этому вопросу:

- Дубитатив принадлежит к отдельной категории восприятости / невосприятости действия [Трифонов 1905: 190].
- Дубитатив, как и ренарратив, является одним из способов косвенного высказывания [Андрейчин 1976].
- Дубитатив вместе с ренарративом образуют отдельное наклонение [Теодоров-Балан 1887; Маслов 1981; Андрейчин 1953].
- Дубитатив и ренарратив вместе представляют вторичное изъявительное наклонение, наклонение вторичной оценки [Дёмина 1959: 360] или сверхнаклонение [Иванчев 1976: 353].
- Дубитатив и конклюдив вместе образуют отдельное наклонение [Куцаров 1994].
- Дубитатив является одним из четырех модусов речи, т. е. является членом категории эвиденциальности – недоверчивым модусом. Это наиболее семантически нагруженный член классификации, поскольку содержит два положительных дифференциала – «пересказывательность» и «субъективность», в то время как остальные члены категории (ренарратив и конклюдив) обладают только одним положительным признаком [Герджиков 1984: 25, Алексова 2015].
- Дубитатив является одним из четырех эвиденциалов, который характеризуется модальным признаком «сомнение» и эвиденциальным

признаком «пересказывательность», и выражает самую сильную дистанцированность говорящего от информации [Ницолова 2007: 158].

Необходимо отметить, что все исследователи признают модальный характер дубитативных форм. Спорным вопросом является грамматический статус дубитатива с точки зрения эвиденциальных значений. Здесь мнения исследователей зависят от того, как они рассматривают соотношение эвиденциальности и модальности в целом. При определении эвиденциальности как отсылки к источнику информации в высказывании, ученые рассматривают дубитативные формы как эвиденциальные стратегии или эпистемические расширения (напр. А. Айхенвалд) [Алексова 2015]. При утверждении, что эпистемическая модальность и эвиденциальность частично пересекаются, дубитатив является одной из граммем, которая находится на пересечении данных грамматических категорий (напр., в работах Р. Ницоловой). При признании эвиденциальной системы полностью модальной (т.е. при инклюзии), дубитатив принадлежит к четырехчленной глагольной эвиденциальной категории и представляет собой грамматическое средство для выражения модальности в болгарском языке, т. к. различные употребления дубитатива включают в себя эпистемическую оценку говорящего достоверности высказывания (напр., данная позиция обосновывается в работах К. Алексовой) [Алексова 2015].

Другим дискуссионным вопросом является образование дубитативных форм: образуются ли они от конклюдивных форм с помощью пересказывания вспомогательного глагола *съм* и его опущения в 3 л. ед. ч. и мн. ч. (*четял съм* (К, 1 л. ед. ч.) - *четял съм бил*(Д, 1 л. ед. ч.), *четял е*(К, 3 л. ед. ч.) - *четял бил* (Д, 3 л. ед. ч.)) или от ренарративных форм с помощью добавления причастия *бил*, образованного от глагола *съм* (*четял съм* (Р, 1 л. ед. ч.) - *четял съм бил*(Д, 1 л. ед. ч.), *четял* (Р, 3 л. ед. ч.) - *четял бил* (Д, 3 л. ед. ч.)). При первой точке зрения вспомогательный глагол *съм* получает пересказывательную форму (*бил*), что указывает на системные отношения эвиденциальных граммем на семантическом и формальном уровнях: два эвиденциала со

значением субъективности (конклюдив и дубитатив) противопоставлены по признаку “пересказывание” индикативу и ренарративу [Алексова 2015а]. Поддержка второй точки зрения означает, что именно причастие *бил* является носителем семантического плана субъективной эпистемической модальности [Алексова 2015а].

Также исследователи занимаются вопросом омонимии эвиденциальных форм, т. к. дубитативные формы аориста могут совпадать с ренарративными формами перфекта и плюсквамперфекта. Некоторые исследователи, напр., Р. Ницолова, описывают данное явление как синкретизм [Ницолова 2008: с. 346]. К. Алексова, следуя теории Г. Герджикова, утверждает, что при омонимии данных форм наблюдаются два различных проявления синкретизма – «бидетерминантность» и «бипартиципальность». Совпадение между собой ренарративных форм перфекта и плюсквамперфекта является следствием принципа компенсации, который выражается нейтрализацией признаков парадигмы для целей доминирующей категории, что приводит к сокращению количества членов парадигмы [Алексова 2015а]. При положении, что эвиденциальность – главная доминирующая категория, происходит нейтрализация признака «опосредованность» для категории времени. В таком случае омонимию можно обозначить как бидетерминантность, а совпадающие парадигмы как бидетерминанты [Алексова 2015а].

Омонимия дубитативного аориста с бидетерминантами – ренарративным перфектом и плюсквамперфектом – представляет другой тип синкретизма – бипартиципальность, в результате которого, по мнению исследовательницы, возникла сама категория эвиденциальности. Перенос употребления перфекта в сферу аориста для передачи опосредованной информации – первый этап создания данной категории, вследствие чего некоторые формы (такие как *чел съм*, *чел си*, *чел е*) обнаруживаются в двух парадигмах – перфекте индикатива и аористе конклюдива [Алексова 2015а]. Такой механизм образования косвенных эвиденциалов, при наличии

бидетерминантности (омонимии перфекта и плюсквамперфекта ренарратива) приводит к бипартиципальности в плане выражения: с одной стороны, дубитативный аорист, а с другой – ренарративный перфект и плюсквамперфект [Алексова 2015а].

Дубитатив в современном болгарском языке – образование и употребление

Употребление глагольных форм дубитатива может сопровождаться лексическими модификаторами, выражающими субъективную оценку говорящего достоверности полученной информации, и может быть представлено с помощью следующих моделей [цит. по Алексова 2016а]:

1. предложно-именные конструкции типа *според* + именная группа;
2. предикативное употребление наречий с оценочным значением, напр. *странно, меко казано, нелепо* и др.;
3. частица *уж* + дубитативная глагольная форма;
4. употребление дубитативных форм с глаголами, означающими обман (*заблуждавам, лъжам*), ложную перцепцию (*привижда ми се и пр.*), клевету (*наклепам*);
5. глагол речевой деятельности + сущ. во мн. ч., напр. *глупости*;
6. оценочные прилагательные + сущ. с семой 'слух';
7. фразеологические сочетания со значением недостоверности, напр., *бабини деветини*;
8. местоимения или наречия + сущ. моральной оценки (*наистина безмерна наглост* и др.).

В качестве лексических и лексико-грамматических маркеров дубитатива можно выделить глагольные выражения, выражающие неодобрение, возмущение и гнев по типу *видите ли/видиш ли, (я) гледай ти, представи си/представете си, представяш ли си/представяте ли си, моля ти се*, междометия, призванные показать иронию и несогласие с полученной

информацией, *напр. ха-ха, хе-хе* и д.р., а также частица *как не* [Алексова 2016: 10].

Нейтральный пересказ (ренарратив) отличается от дубитатива не только интонацией, но и выбором морфологических форм для передачи описываемых событий. Эти формы образуются добавлением к нейтральным ренарративным формам причастия *бил*, которое употребляется и в формах 3 л. ед. и мн. ч. В парадигме дубитативных форм отсутствуют формы для перфекта и плюсквамперфекта, т. к. в болгарской морфологии не допускается двукратное использование одной и той же морфемы или формы с другим значением в той же аналитической форме [Ницолова 2008: 370].

Образование временных форм дубитатива в болгарском языке представлено в следующей таблице:

Настоящее время / имперфект (1)	Аорист / перфект / плюсквамперфект (2)	Будущее время / будущее в прошедшем (3)	Будущее предварительное / будущее предварительное в прошедшем (4)
<i>бил съм нѳсел (-а, -о)</i>	<i>бил съм нѳсил (-а, -о)</i>	<i>ѳял съм бил да нѳся</i>	<i>ѳял съм бил да съм нѳсил (-а, -о)</i>
<i>бил си нѳсел (-а, -о)</i>	<i>бил си нѳсил (-а, -о)</i>	<i>ѳял си бил да нѳши</i>	<i>ѳял си бил да си нѳсил (-а, -о)</i>
<i>бил нѳсел (-а, -о)</i>	<i>бил нѳсил (-а, -о)</i>	<i>ѳял бил да нѳси</i>	<i>ѳял бил да е нѳсил (-а, -о)</i>
<i>били сме нѳсели</i>	<i>били сме нѳсили</i>	<i>ѳели сме били да нѳсим</i>	<i>ѳели сме били да сме нѳсили</i>
<i>били сте нѳсели</i>	<i>били сте нѳсили</i>	<i>ѳели сте били да нѳсите</i>	<i>ѳели сте били да сте нѳсили</i>
<i>били нѳсели</i>	<i>били нѳсили</i>	<i>ѳели били да нѳсят</i>	<i>ѳели били да са нѳсили</i>

Употребление различных временных форм дубитатива можно проследить на следующих примерах:

(1) *Сърцето на Агата заби, той без туй си дишаше тежко, защото казваха, че бил имал астма...*

(2) *Разправяха ми, че като съм бил зяпал (П/Пл) на сцената, момичето най-напред зяпнало от изненада, после се било разплакало (А), най-сетне – като съм бил помлъкнал (П/Пл) – станало и зяпало.*

(3) *Щял бил да издири и кой какво е превзел от селската мера и хрсталака... Щял бил да ти отнеме и нивето там при Сухата бара.*

(4) *Ако не съм го бил послушал, щял съм бил да съм си счупил вече главата [цит. по Дёмина 1959: 354-356; Ницолова 2008: 372, 375].*

В отличие от нейтральных форм ренарратива, дубитативные формы не используются в последовательном повествовании. Обычно они встречаются в отдельных высказываниях, главным образом, в разговорной речи, в экскламативных или эмоционально маркированных высказываниях [Ницолова 2007: 157]. К. Алексова замечает, что дубитативные формы часто могут быть заменены ренарративными, если контекст или интонация говорящего выражает сомнение или недоверие [Алексова, материалы лекций по болгарской филологии]. Исходя из данных наблюдений, мы можем сделать вывод, что сфера употребления дубитативных форм в болгарском языке ограничена.

1.2.8 Статус адмиративных форм в болгарском языке

Говоря об адмиративе (другие термины: *инопинатив* (Л. Андрейчин), *екскламатив* (Св. Иванчев)), исследователи не приходят к единому мнению ни касательно его форм, ни значения, ни его места в глагольной системе.

Впервые термин «адмиратив» появился в трудах Ю. Трифонова (1905), а позднее более подробно рассматривался в работе Г. Вайганда (1925). По мнению исследователя, на возникновение болгарского адмиратива повлиял албанский язык, в котором у адмиратива есть временные парадигмы настоящего времени, перфекта, имперфекта и плюсквамперфекта. Албанский адмиратив образуется с помощью инверсии и сращения составных элементов перфекта, и он обозначает различные нюансы неиндикативной эвиденциальности, чем отличается от болгарского адмиратива [Ницолова

2008: 376]. Кроме того, албанский адмиратив часто используется в речи и не имеет таких строгих семантических ограничений, как в болгарском и турецком языках. Турецкий адмиратив, в свою очередь, находится в некоторой типологической близости с болгарским адмиративом. В обоих случаях он встречается в разных «эмоциональных» предложениях, выражающих как удивление, иронию, презрение, так и комплименты. В отличие от албанского, в турецком и болгарском языках адмиратив употребляется довольно редко [Ницолова 2008: 377].

Существует несколько точек зрения исследователей болгарской эвиденциальной системы относительно грамматической сущности адмиратива:

- Некоторые исследователи считают, что адмиратив – это перфект изъявительного наклонения с опущением вспомогательного глагола *съм* в 3 л. ед. и мн. ч., который употребляется вместо настоящего времени (Г. Вайганд, Б. Цонев, Ал. Теодоров-Балан). Сторонники данной точки зрения не выделяют адмиратив в самостоятельное наклонение.
- По концепции Ю. С. Маслова, адмиратив — это одно из непересказывательных значений ренарратива [Маслов 1981: 273].
- Адмиратив – это специфическое, эмоционально-экспрессивное употребление форм умозаключительного модуса, при котором вспомогательный глагол может опускаться в 3 лице [Герджиков 1984: 111; Алексова, 2003]. Г. Герджиков рассматривает два варианта адмиратива: более экспрессивный с опущением глагола *съм* и менее экспрессивный – с его наличием.
- Другие лингвисты (Л. Андрейчин, И. Куцаров, Р. Ницолова и др.) утверждают, что адмиратив представляет собой транспозитивное употребление ренарратива с непересказывательным значением [Ницолова 2008: 377].

- Говоря об омонимии некоторых адмиративных и ренарративных форм, Е.И. Дёмина предлагает выделить адмиратив в самостоятельное наклонение, или в группу форм, относящихся к изъявительному наклонению [Демина 1959: 329].

Среди исследователей нет единого мнения и по составу глагольных времен, употребляемых в адмиративе. Исходя из узкого определения адмиратива, которое используется в современных типологических исследованиях, можно считать, что у адмиратива есть всего две временные формы, при которых интервал референциальности совпадает с моментом говорения – это формы, совпадающие с пересказывательным настоящим временем/имперфектом и пересказывательным аористом [Куцаров 1982; Ницолова 2008].

Формы адмиратива образуются от аористного или имперфектного причастия на *-л-* и вспомогательного глагола *съм*, отсутствующего в 3 л. ед. и мн. ч.:

<i>нóсел (-а, -о) съм</i>	<i>нóсил (-а, -о) съм</i>
<i>нóсел (-а, -о) си</i>	<i>нóсил (-а, -о) си</i>
<i>нóсел (-а, -о)</i>	<i>нóсил (-а, -о)</i>
<i>нóсели сме</i>	<i>нóсили сме</i>
<i>нóсели сте</i>	<i>нóсили сте</i>
<i>нóсели</i>	<i>нóсили сме</i>

Формы болгарского адмиратива выражают удивление, неожиданность, иногда восхищение говорящего, вызванные наблюдаемыми явлениями или сообщаемыми фактами. Для их употребления безразлично, как это действие стало известно говорящему – с чужих слов, путем умозаключения или из собственного опыта. Формой адмиратива он лишь выражает свое эмоциональное состояние, появившееся вследствие «открытого» им факта [Дёмина 1959: 327]. Это можно увидеть на основе следующих примеров: (1) говорящий непосредственно наблюдает за происходящим действием или его

результатом, (2) информация была получена с чужих слов, (3) на основе вывода говорящего:

(1) Я, ти вече си станал!; (2) Нали и папа е търговец – на спирт. А пък спирт се правел от царевица и картофи. Представете си – чак сега научих това; (3) Едва тогава усещам мокрота вътре в крака – ботушът е нагизнал в кръв. Един момент на загубено съзнание – помня го; это значи де била причината... [цит. по Дёмина 1959: 327, Ницолова 2008: 379].

Адмиратив в болгарском языке используется редко, встречается только в восклицательных предложениях, которые характеризуются восклицательной интонацией и использованием лексических маркеров, передающих эмоциональность и контакт с собеседником, например, *я, значи, виж, гледай*, междометия *ау, аха, брей* и др. [Ницолова 2008: 380]. Так как адмиратив чаще употребляется с глаголами состояния, круг используемых глаголов ограничен. Так, согласно статистическим данным И. Куцарова, в художественной литературе в 78 % случаев используется глагол *съм*, в 11 % – глагол *имам* и только в оставшихся 11 % – другие глаголы [Куцаров 1999: 430].

Большинство современных исследователей (К. Алексова, Р. Ницолова, Е. Търпоманова и др.) не причисляют адмиратив в качестве самостоятельной граммы к категории эвиденциальности. Эта точка зрения принимается и в данной работе.

1.3 Выводы

В данной главе мы дали краткий обзор истории изучения данной категории в современной лингвистике, привели классификации типов эвиденциальных систем, предложенных исследователями эвиденциальности, а также рассмотрели взгляды лингвистов по вопросу соотношения эвиденциальности и модальности.

Болгарский язык принадлежит к большому балкано-азиатскому ареалу эвиденциальности, и для языков, входящих в него, характерна грамматикализация эвиденциальности с помощью образования специальных глагольных форм на основе перфекта изъявительного наклонения. Специфика болгарского языка состоит в том, что он располагает богатой четырехчленной системой эвиденциальных форм, выражающих различные значения: индикатив, ренарратив, который используется для передачи информации с чужих слов, дубитатив, маркирующий неодобрительное отношение говорящего относительно передаваемой информации, и конклюдив, который выражает предположение или умозаключение говорящего по наличным признакам.

Эвиденциальные формы в болгарском языке имеют временные парадигмы аналитических форм, в составе которых присутствует аористное или имперфектное причастие и вспомогательный глагол *съм*, который в некоторых формах опускается. Также для некоторых временных форм характерно наличие причастия *бил*, образованного от глагола *съм*, или причастия *щял* для форм, ориентационный момент которых находится в будущем временном плане. В главе была дана краткая характеристика появления и развития данных форм в болгарском языке, приведены примеры употребления эвиденциальных (в основном ренарративных) форм в ранних болгарских письменных источниках, рассмотрена история изучения данных глагольных форм исследователями, занимающимися болгарским языком, и представлены взгляды лингвистов на состав и положение эвиденциальных форм в системе болгарского языка. Также в работе были описаны адмиративные формы, статус которых является дискуссионным в современных исследованиях болгарской эвиденциальной системы.

Отдельно нами была рассмотрена семантика косвенных эвиденциалов в болгарском языке (ренарратива, конклюдива и дубитатива), приведены их временные формы, условия их употребления и лексические маркеры, которые могут сопровождать данные формы в тексте. Для каждой из

граммам эвиденциальной системы представлены теоретические положения исследователей относительно рассматриваемого эвиденциала (значение, условия употребления), а также обозначены спорные вопросы, например, мнения исследователей относительно временной парадигмы данных форм или омонимии эвиденциальных форм в болгарском языке.

Глава 2. Болгарские эвиденциальные формы и их перевод на русский, английский и македонский языки

2.1. Эвиденциальные формы болгарского языка в художественной прозе

В рассмотренных болгарских произведениях нами было выявлено 1644 эвиденциальных формы, из которых формы ренарратива составляют 1506 употреблений. Чаще всего болгарские авторы использовали пересказывательный аорист – 753 словоформы. Нами были зафиксированы и другие временные формы ренарратива: формы перфекта и плюсквамперфекта – 44, будущего и будущего в прошедшем – 11 (в романе *«Железният светилник»* данные временные формы отсутствуют).

Следующими по частотности употребления эвиденциальными формами, представленными в нашем материале, являются формы конклюдива, которые составляют 138 словоформ. Чаще всего болгарские авторы использовали формы имперфекта и аориста — 38 и 58 словоформ соответственно, однако конклюдивные формы плюсквамперфекта и будущего или будущего в прошедшем также были выявлены в нашей выборке (по 1 употреблению).

Формы дубитатива не были выявлены в рассматриваемом материале, что подтверждает наблюдение, представленное в [Мосинец, Алексова 2019], что дубитативные формы редко употребляются в современной художественной литературе.

Далее мы более подробно рассмотрим различные эвиденциальные формы, представленные в болгарских художественных произведениях.

Распределение употреблений эвиденциальных форм (1644) в материале		
Ренарратив	Конклюдив	Дубитатив
1506 — 91,6 %	138 — 8,4 %	0 — 0 %

2.1.1 Ренарратив

Формы ренарратива являются самыми употребительными формами косвенных эвиденциалов в болгарском языке. Наш материал показал, что наиболее частотными среди них являются ренарративные формы, относящиеся к 3 л. ед. ч. (1242) и к 3 л. мн. ч. (243). Формы 1 л. ед. ч. в тексте используются в единичных случаях (9 случаев), формы 2 л. ед. и мн. ч. – 11 и 2 словоформы соответственно. Формы ренарратива 1 л. мн. ч. в анализируемых произведениях не зафиксированы.

Наиболее употребительной эвиденциальной формой в рассмотренных нами произведениях выступает ренарративная форма аориста (далее – А) 3 л. ед. ч. (633 употребления), выражающую завершённое в прошлом действие. Так, в следующем примере автор использует ренарратив А для передачи ряда действий, пересказ которых герой произведения подслушал на улице: «...и тя разбрала къде живее оная, отишла там, хванала я и я завлякла в къщи при мъжа си...» (Г. Господинов, «Естествен роман», с.131).

В следующем предложении ренарративным А пересказывается судьба прадеда героини романа «Железният светилник» Султаны. Она не была свидетелем описываемых событий, и только слышала о его жизни со слов родственников: «Синът му, Огнен, който по чудо се спасил от смърт, прибрал с бащините си овчари каквото останало от стоката и се върнал в Преспа» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 57).

Формы настоящего времени или имперфекта (далее Н или И) являются вторыми по частотности в нашем материале и составляют 700 словоформ. Наиболее частотной из них является форма 3 л. ед. ч. – 559 употреблений.

Так, в рассказе «Сляпата Вайша» автор сообщает о буднях главной героини рассказа, один глаз которой мог видеть прошлое, а другой – будущее. Форма И сообщает читателям о регулярности и повторяемости этих действий, а ренарратив создает художественный эффект «сказочности» повествования: «Рядко излизала от къщи, а в двора ходела с протегнати ръце, блъскала се в черешата, деряла се из къпините и събаряла грънците под сайванта» (Г. Господинов, «И други истории», с. 73).

В следующем примере рассказчик пересказывает слухи о родителях Виолеты, героини романа «Светата кръв» и использует формы И мн. ч.: *«Разправяха какви ли не неща за Кузман и Отел - че вампирясали и нощем излизали от гробовете си, вселявали се във Виолета и нея дяволите я хващали от време на време»*(А. Баев, «Светата кръв», с. 20).

В целом, формы А в нашем материале преобладают, однако следует отметить, что из 596 форм ренарратива, употребленных в прозе Г. Господинова, 293 — это формы Н или И, 272 — формы А, т. е. такое соотношение форм аориста и имперфекта в ренарративе не типично для нашего материала, в котором чаще употребляются формы аориста, что может быть обусловлено художественным стилем автора.

Наш материал также показал употребление ренарративных форм перфекта и плюсквамперфекта (44 словоформы). Разграничение форм перфекта и плюсквамперфекта (далее П) затруднено из-за омонимии эвиденциальных форм. В основном формы данного времени представлены формами 3 л. ед. ч. (41). Например, нами были выявлены формы П, которые выражают результат действия, произошедшего ранее момента повествования:

«... отвътре го блъснала миризмата на три препълнени пепелника с фасове, бил поканил предната вечер колеги...» (Г. Господинов, «И други истории», с. 5).

«Така и го намерили - с цигара в ръка, която била опърлила пръстите му, преди да угасне: клюмнална перваза като замръзнал жерав» (А. Баев, «Светата кръв», с. 101).

«Някога градчето било известно с това, че в него хората развъждали камили <...> но последната камила била умряла някъде през шейсетте» (Г. Господинов, «И други истории», с. 85).

Следует отметить, что в рассмотренном нами материале также были выявлены немногочисленные ренарративные формы будущего времени и будущего в прошедшем. Данные эвиденциальные формы представлены в

выборке формами 3 л. ед. ч. и мн. ч. — 9 и 2 употребления соответственно. Так, в рассказах З. Евтимовой ренарратив будущего времени используется для передачи намерения героя совершить какое-либо действие, о котором читатель узнает с чужих слов:

«Само една английска шевна машина не продавала, защото ако съвсем изпаднала, щяла да я заложу» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 52).

«Божо каза, че утре щял да свали овците по-рано към село»(З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 107).

В последнем примере семантика незасвидетельствованного действия передается и лексически – с помощью главной части сложноподчиненного предложения, где присутствует глагол речевой деятельности.

Были выявлены и отрицательные формы Б в ренарративе (в романе Г. Господинова). В произведении эти формы передают неосуществленное действие, будущее по отношению к моменту повествования: *«Чак по-късно разбрахме, че дъщеря му избягала преди две години в Италия и него вече никога нямало да го направят директор»*(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 131).

В нашем материале также представлены примеры употребления различных глагольных форм, выражающие категорию лица. Нами были выявлены редкие формы 1 л. ед. ч. (9 случаев). Использование данной словоформы всегда определено контекстом: при ренарративе говорящий «снимает с себя ответственность» за достоверность передаваемой информации, однако обычно он является свидетелем событий, происходящих непосредственно с ним, поэтому формы 1 л. ед. ч. в ренарративе употребляются редко и требуют особого контекста. Так, в следующем примере эта форма употребляется, так как в момент действия, о котором повествует рассказчик, он находился в неменяемом состоянии: *«Няколко часа съм бил мъртъв. Точно така се изрази жена ми. Нищо не помня. <...> Погледнал съм я, без да я позная, ти не ме позна, разбираш ли; аз съм отвърнал: госпожо, вие не сте моята майка, аз я помня»* (Г. Господинов,

«Естествен роман», с. 84). Формой ренарратива подчеркивается, что говорящий не помнит о своих действиях и об этом разговоре, и пересказывает этот случай, произошедший с ним, со слов его жены.

В следующем примере говорящий пересказывает слухи о себе и использует ренарративную форму 1 л. ед. ч., чтобы подчеркнуть дистанцированность от передаваемой информации: «...*те хубаво го бѣзикали другите, дето ми имал доверие и бѣхтел заради мене, пѣк аз тука сѣм си развявала опашката*» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 97). Пересказывая чужие слова о себе формой ренарратива, говорящий подчеркивает свое несогласие с этими слухами и тем самым пытается донести это до собеседника.

В нашем материале также представлены формы немногочисленные 2 л. ед. и мн. ч. (11 и 2 употребления соответственно). Контекст использования данных форм авторами различен: так, в романе «Естествен роман» форма 2 л. употребляется для фразы-переспроса: говорящий указывает на источник информации – собеседника, при этом сомневается в достоверности этой информации: «*Нали казваше, че си ги чел*» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 74).

В рассказе «Киселец» З. Евтимовой героиня рассказа мысленно обращается к человеку, с которым ее связывают много воспоминаний. Их общение давно прекратилось – говоря о событиях, которые произошли с этим героем, она использует ренарративные формы 2 л. ед. ч, поскольку не была их прямым свидетелем, но знает о его действиях: «*Толкова богат си станал, че си купил баира. Целия Хвърлен. Оградил си го със зид и вече никој не можел да припари там*» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 82).

Общая статистика употребления ренарративных форм в рассмотренных романах и рассказах представлена в следующей таблице:

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
1 л. ед.ч.	3	6	-	-
2 л. ед.ч.	3	8	-	-
3 л. ед.ч.	559	633	41	9

1 л. мн.ч.	-	-	-	-
2 л. мн.ч.	-	2	-	-
3 л. мн. ч.	135	103	3	2
Всего	700	752	44	11

Соотношение форм реннаратива в каждом из анализируемых произведений отображено в таблицах в Приложении 2.

2.1.2 Конклюдив

Формы конклюдива, употребленного в произведениях, составляют 138 словоформ. Наиболее частотными являются формы 3 л. ед.ч., а именно формы аориста (58) и формы имперфекта (38). В нашем материале было выявлено 5 употреблений формы 2 л. ед. ч, а также 19 редких конклюдивных форм 1 л. ед. ч. Формы 1 и 2 л. мн. ч. не представлены в рассмотренных нами текстах. Следует отметить, что в нашем материале были также обнаружены по 1 временной форме конклюдивного плюсквамперфекта и будущего в прошедшем, что подтверждает вывод Р. Ницоловой о редком использовании данных форм носителями болгарского языка [Ницолова 2008: 355].

Конклюдив широко представлен в рассматриваемом материале. В большинстве случаев на умозаключение или предположение указывают лексические маркеры, указывающие на степень уверенности говорящего в сообщаемой информации. Присутствуют как модальные слова, выражающие неуверенное предположение (*може, вероятно, види се и др.*), так и лексемы, маркирующие уверенность (*очевидно, трябва, сигурен* и т. д.), напр., *«Вероятно Хемингуей е изглеждал така. Не, Хемингуей би трябвало да е галил поне тигър»* (Г. Господинов, *«Естествен роман»*, с. 79).

«Училището беше до самата порта, ниска, приземна постройка; преди, види се, е служила за плевня или нещо подобно» (Д. Талев, *«Железният светилник»*, с. 156).

Однако необходимо отметить, что в нашем материале также представлены примеры, где лексические маркеры, указывающие на умозаключение, отсутствуют. В этом случае значение предположения выражается только формой глагола. Так, в следующем примере говорящий выражает сомнение относительно цели посещения им Аврама Немтура, который предлагал главному герою работу в своей ремесленной лавке:

«Нему [на Аврам Немтур] наистина му требва човек в дюкяна. Но той е имал и друга некаква цел» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 262).

В следующих примерах герой рассуждает о мыслях, чувствах и действиях незнакомого человека, предполагает, что определенные события произошли в его жизни и повлияли на его судьбу: *«На всичко отгоре адски му напомняш някаква жена, която е забутал толкова дълбоко в паметта си, че не си е позволявал да мисли за нея вече 38 години. И колкото повече мисли и отпива от мастиката, защото той междувремени си е взел шишето, толкова по-ясно му става как всичко е минало покрай него като ей този влак»* (Г. Господинов, «И други истории», с. 35).

Больше всего конклюдивных форм нами было выявлено в романе «Светата кръв» А. Баева (53 употребления). В данном произведении, где повествование идет от первого лица, присутствуют редкие форм 1 л. ед. ч. аориста и имперфекта (4 и 10 употреблений соответственно), с помощью которых передается неуверенность и сомнения главного героя. Употребление таких форм требует определенного контекста. Так, в следующих предложениях представлены размышления героя о ситуациях, произошедших в его жизни – в первом примере он рассуждает о возможных причинах ухода возлюбленной, а во втором сомневается в том, что их встреча произошла на самом деле: *«Може би съм проявил слабост, като съм потърсил опора в друг, а не в нас самите. Сигурно съм я разочаровал»* (А. Баев, «Светата кръв», с. 99).

«Взех да се питам дали пък не съм сънувал Четирите годишни времена» (А. Баев, «Светата кръв», с. 53).

Конклюдивные формы 1 л. ед. ч. также звучат из уст другого персонажа романа, учителя литературы Бориса Конова, когда в руки главного героя попадает его дневник: *«Не знам дали самото й лице се променяше, или това, което аз съм съзирал в него. По-скоро е второто. Може би Виолета си е била една и съща от самото начало, но аз съм я възприемал различна заради собствената си заблуда»* (А. Баев, «Светата кръв», с. 82).

Конклюдивные формы 2 л. ед. ч. мы находим в рассказах «Пернишки разкази» З. Евтимовой. Например, в следующем предложении данная форма используется для выражения предположения о прошлом собеседника: *«Сигурно в предишния си живот си била законодател»*(З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 69).

В другом примере герой рассказа, которому пытаются продать кларнет, высказывает свое недовольство по поводу внешнего вида инструмента и предполагает, что могло быть тому причиной: *«Виж какъв е боклук, като че си копал с него на нивата и са го настъпвали кравите – изрече погнусено кръчмарят»* (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 69).

Что касается временных форм, в нашем материале преобладают формы Н/И и А. Так, в следующих примерах говорящий использует конклюдивные формы Н/И, рассуждая о литературных произведениях:

«Значи е можелои тя да се скрие. Ако Никола е билтам нейде, крит в шубраците, можеше да я спре. Ама нито той я спира, нито тя се спира. Излиза, че го е нямало Никола» (А. Баев, «Светата кръв», с. 36).

«Сигурно така се е чувствал вързаният за мачта Одесей, докато го е оглушавала песента на сирените» (А. Баев, «Светата кръв», с. 23).

«Господин учителю, може би Гергана не е очаквала, че везирът ще тръгне да я задиря?» (А. Баев, «Светата кръв», с. 37)

Формы конклюдивного А являются самыми употребительными в рассмотренных нами произведениях (75 словоформ):

«Имам чувството, че съвсем се е чалнал» (А. Баев, «Светата кръв», с. 35).

«Може би е ненавиждал Виолета, като е прехвърлял несъзнателно

собствената си вина върху нея; може би точно това **е взривило** любовта им, **изпепелило я е** и от нея **е останала** само черната пепел на нагона за власт над другия»(А. Баев, «Светата кръв», с. 107).

Наболее редкими являются формы будущего времени и плюсквамперфекта – они представлены единичными случаями. В следующем примере говорящий высказывает свое предположение относительно письма, найденного у погибшего героя. Формой конклюдива Б выражается сомнение о намерении этого человека выбросить данное письмо: «*Тапата беше запечатана с восък. Сякаш е щял да я хвърли в реката*» (А. Баев, «Светата кръв», с. 102).

В другом предложении говорящий размышляет о встрече своих родителей, после возвращения его отца с войны. Форма П передает результат действия на момент в прошлом, однако говорящий не уверен в том, что это произошло на самом деле: «*Ама дали точно така е било и откъде е намерила сили да го прегърне, като току-що е била принадлежала, не знам, пък и не е важно*»(А. Баев, «Светата кръв», с. 26).

Также следует подчеркнуть, что зафиксированные в нашем корпусе конклюдивные формы достаточно часто употребляются в контексте сравнения и сопровождаются различными модальными словами (напр., *сякаш*) и модальными конструкциями (*като че* и др.), напр.:

«*Да, и другият мустакат чичко - Джон Баримор в Двадесети век, **сякаш** векът от самото начало се е бил забързал към края си...*» (А. Баев, «Светата кръв», с. 20).

«*Нищо, нищичко не се бе променило в Гърбавия, **като че ли** е живял по един и същи начин - и с Виолета, и след това, без нея*»(А. Баев, «Светата кръв», с. 29).

Общая статистика употребления конклюдива в нашем материале представлена в следующей таблице:

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
1 л. ед.ч.	12	7	-	-
2 л. ед.ч.	3	2	-	-

3 л. ед.ч.	38	58	1	1
1 л. мн.ч.	3	2	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	5	6	-	-
Всего	61	75	1	1

Более подробно статистика конклюдивных форм в анализируемых произведениях отображена в таблицах в Приложении 2.

Далее мы рассмотрим способы перевода эвиденциальных форм на русский, английский и македонский языки.

2.2 Перевод эвиденциальных форм

2.2.1 Перевод эвиденциальных форм на русский язык

2.2.1.1 Перевод форм ренарратива на русский язык

В отличие от болгарского языка, в котором категория эвиденциальности представлена как грамматическая категория, в русском языке факт сообщения маркируется отдельно от сообщаемой информации с помощью разнообразных лексико-синтаксических или лексических формальных средств. В рассматриваемых переводах болгарских произведений нами были выявлены следующие способы передачи болгарских эвиденциальных форм на русский язык:

- Перевод формами изъявительного наклонения (88,4 %);
- Сложное предложение (7,3 %);
- Вводные конструкции (2,8 %);
- Конструкции с модальными речевыми частицами (ксенопоказателями) (0,9 %);
- Конструкции с модальными словами (0,6 %).

2.2.1.1.1 Перевод формами изъявительного наклонения

В рассмотренных нами примерах при переводе болгарских эвиденциальных форм на русский язык грамматическое значение

пересказывательности часто не было отражено переводчиками. Такие словоформы были переведены только формами изъявительного наклонения и, вследствие этого, не передают несвидетельский характер полученной информации. Переводчики, не имея возможности передать грамматическую эвиденциальную форму средствами русского языка, могут добавлять лексические маркеры эвиденциальности, но пользуются этим приемом далеко не во всех случаях. Данную тенденцию можно объяснить тем, что перенасыщение лексических маркеров и синтаксических средств могло бы усложнить восприятие текста для читателя и сделать перевод более искусственным, поэтому можно предположить, что переводчики сознательно отказывались от введения тех или иных переводческих трансформаций.

Предложения, где эвиденциальные формы переведены изъявительным наклонением, можно разделить на две группы:

- Предложения, где несвидетельский характер информации подсказан контекстом (ссылка на источник информации была добавлена переводчиком или присутствовала в оригинале и была переведена им; или содержит контекст, отсылающий читателя к давним событиям прошлого);
- Предложения, где переводчик не добавил какие-либо формальные средства для передачи эвиденциальности, и её значение в результате оказывается утерянным.

Прием лексического добавления

Во многих примерах, где ренарративные формы переданы изъявительным наклонением (без употребления специфических маркеров эвиденциальности), читатель может видеть продолжение истории или сюжетной линии, где ранее уже присутствовала ссылка на источник информации. Нами были выявлены случаи, где переводчик самостоятельно добавлял указание на получение информации с чужих слов. Например, это

обозначается в первом предложении абзаца, в то время как дальнейшее повествование, выраженное в болгарском языке эвиденциальными формами, в русском передано только формами изъявительного наклонения:

«Прехранвал се като всички клошари и не съвсем. Не бъркал в казаните за храна, поне не са го виждали. Връщал хартия» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 18). – «**Я узнал**, что он добывал себе пропитание почти так же, как все бомжи, но не совсем. Он никогда не рылся в мусорных баках, по крайней мере никто не видел, чтобы он этим занимался, а вместо этого сдавал макулатуру» (пер. М. Ширяевой).

«Била си направила кукла (той викаше истукан), голяма колкото тригодишно дете. Носела я навсякъде със себе си, приказвала ѝ, опитвала се да я храни, вечер лягала с нея в леглото»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 128). – «Она, **вспоминал он**, сделала себе куклу (дед назвал ее «истуканом») ростом с трехлетнего ребенка. Повсюду таскала ее за собой, говорила с ней, пыталась накормить, вечером ложила с ней спать» (пер. М. Ширяевой).

«Една вечер се прибирал, както обикновено, от работа. По това време вече го тормозела мисълта, че бавно изгубва слуха си. Случвало се да не чува часовника, телефона и някои по-тихо казани думи»(Г. Господинов, «И други истории»). – «**Рассказывают**, что однажды вечером он, как обычно, возвращался с работы. В то время его уже начала посещать навязчивая мысль о том, что он медленно теряет слух. Бывало, он не слышал тиканья часов, звонка телефона или некоторых слов, произнесенных тише обычного» (пер. М. Ширяевой).

Так, в первом примере читатель может понять о факте передачи информации с чужих слов благодаря введению переводчицей главной части сложноподчиненного предложения «я узнал, что..»; во втором примере присутствует указание на конкретный источник информации — говорящий пересказывает слова своего дедушки («вспоминал он»); в третьем примере

характер несвидетельской информации передан с помощью неопределенно-личной части сложного предложения «*рассказывают, что...*».

Перевод изъяснительным наклонением без введения лексического добавления

В ряде случаев читатель может понять, что рассказчик не был свидетелем описываемых событий, из контекста без наличия ссылки на источник информации. Например, в романе Д. Талева «*Железният светилник*» одна глава произведения полностью передана в эвиденциальных формах, поскольку в ней описывается жизнь прадедушки героини романа Султаны. Его детство, юность и приключения, произошедшие с ним до ее рождения, Султана наблюдать не могла, поэтому читатель понимает, что эта информация была кем-то ей рассказана:

«Така Серафим, дете още, седнал в дюкяна на баща си. Не търгувал дълго Серафим за науката си, макар след като вкусил от сладостта ѝ, тя да останала постоянна жажда в душата му и най-голяма гордост в живота му. Той вече познавал и силата ѝ, умеел и да я използва. Но много бързо го завладяла търговската страст...»(Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 58).

– «И Серафим еще мальчиком занял место отца за прилавком. Жаль было Серафиму расставаться с наукой, но, вкусив ее сладость, он на всю жизнь сохранил в душе жажду к знанию и всегда гордился своей ученостью. Он познал силу науки и умел ее использовать. Он не долго горевал – им овладела страсть к наживе...» (пер. Н. Н. Попова).

В других примерах читатель понимает, что рассказчик не видел описываемые события из контекста, поскольку они отсылают к древним временам или определенным историческим личностям. Например, в «*Естествен роман*» присутствует отсылка к Карлу Линнею, в то время как основная сюжетная линия романа разворачивается в XXI веке:

«Още навремето Карл Линей, бащата на ботаниката, познавайки точността на протичане на процесите при растенията, посади в секторите на един кръг такива цветя, които отваряли цветовете си в точно определен час на деня»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 110). – «Еще в те времена Карл Линней, отец ботаники, зная о точности протекания процессов жизнедеятельности у растений, подобрал и посади в секторе одного круга такие цветы, которые раскрывались в определенное время суток» (пер. М. Ширяевой).

В следующем примере читателю рассказывают легенду о том, как чертополох занял свое место на гербе Шотландии. Из контекста читатель также понимает, что главный герой романа, его современник, не был свидетелем этих событий и пересказывает распространенную легенду:

«Веднъж, когато датчаните решили да нападнат шотландската войска, един датчанин настъпил с бос крак магарешки бодил, каквито са твърде разпространени по бреговете на Шотландия, и извикал от болка. Шотландците чули вика, събудили се и прогонили датчаните завинаги»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 81). – «Однажды, когда датчане решили тайком напасть на шотландцев, один датчанин наступил на колючку, бурно разросшуюся по берегам Шотландии, и вскрикнул от боли. Шотландцы услышали крик, проснулись и прогнали датчан навсегда» (пер. М. Ширяевой).

Нами также были зафиксированы примеры, где какие-либо маркеры ренарратива отсутствуют в оригинале, и переводчик, в свою очередь, не вводит их в текст перевода произведения на русский язык, в результате чего читатель может не уловить несвидетельский характер информации и не понять, что речь идет о событиях, пересказанных с чьих-то слов. Так, в следующем предложении для русского текста может быть неясно то, что герои романа не присутствовали на крестинах, а только слышали о них:

«Миналата неделя едни наши роднини кръстили детето си Зоя»(Д. Талев, «Железният светилник», с. 262). – «В прошлое воскресенье наши родственники окрестили своего ребенка Зоей» (пер. Н. Н. Попова).

В следующем примере рассказчик пересказывает забавную историю, приключившуюся с его отцом, однако, поскольку в переводе на русский язык нет никаких синтаксических или лексических средств, передающих значение эвиденциальности, читатель может не понять, что персонаж не наблюдал данные события собственным глазами:

«Към полунощ баща ми излязъл с легена, промъкнал се до простора, запалил фенерчето и в този момент кучето се разлаяло, светнали прожекторите и четиримата милиционери начело с Феликс Едмундович го обградиха» (Г. Господинов, «И други истории»). – «Ближе к полуночи отец вышел с тазом, добрался до веревки, включил фонарик, и в этот момент собака залаяла, вспыхнули прожекторы, и четыре милиционера во главе с Феликсом Эдмундовичем окружили его» (пер. М. Ширяевой).

В следующем предложении в русском переводе также отсутствует какой-либо маркер ренарратива, из-за чего читатель не заметит, что новость о выздоровлении героя романа «Железният светилник» Лазара получена с чьих-то слов. Следует отметить, что, хотя данная деталь не влияет на сюжет романа, специфический маркер эвиденциальности, а именно указание на незасвидетельствованность, присутствует в оригинале произведения, но переводчик по каким-то причинам предпочел его опустить:

«Но мина доста време, стоката, която изпрати в Преспа, беше в чужди ръце, за Лазара чу, че се оправял вече...»(Д. Талев, «Железният светилник», с. 479). – «Но время шло, Лазар стал поправляться, в Преспе скопилось много товара...» (пер. Н. Н. Попова).

2.2.1.1.2 Сложное предложение

Воспроизведение чужой речи по своей синтаксической структуре может представлять сложноподчиненное или бессоюзное предложение с указанием

на конкретный или неопределенный источник информации или без него, если сообщение не имеет однозначной привязки к говорящему.

Источником информации может служить общепринятое мнение, при этом информация оформляется в неопределенно-личные или безличные предложения, с союзом *как* или *что*. Так, наша выборка показала, что в качестве неопределенно-личных предложений переводчики использовали *говорят, что..., рассказывают, что...* и др., а для безличных предложений нами было выявлено употребление вводного предложения *известно, что...: «Така Буда стоял 7 години под едно дърво»*(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 117). – «**Говорят**, что Будда сидел вот так под одним деревом целых семь лет» (пер. М. Ширяевой).

«Всяка година Венеция потъвала с два сантиметра»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 75). – «**Говорят**, что каждый год Венеция на два сантиметра уходит под воду» (пер. М. Ширяевой).

«Флобер мечтаел да напише книга за нищото, книга без каквато и да е външна фабула...» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 17). – «**Известно**, что Флобер мечтал написать книгу ни о чем, книгу без какой-либо внешней фабулы...» (пер. М. Ширяевой).

Особенно показательны последние 2 примера. Здесь Г. Господинов указывает на факты, известные всему миру, а не ограниченному кругу людей (жителям деревни, родственникам др.). При этом данных оборотов нет в болгарском оригинале, переводчица вводит их в текст произведения с целью создания впечатления об истинности сообщаемого факта.

Другим источником информации может быть конкретное лицо, сообщившее говорящему определенную информацию. Для сложноподчиненных предложений характерно следующее синтаксическое построение при нейтральной передаче фактов: от менее значимого предложения, которое оформляется как главная часть сложноподчиненного предложения с глаголом сообщения или предикатным именем, к более значимому, выражаемому изъяснительным придаточным [Козинцева 2007а:

91]. Данное положение в нашем материале представлено косвенной речью (28 примеров). Необходимо упомянуть, что косвенная речь почти не присутствовала в сборнике рассказов Г. Господинова «*И други истории*», т. к. это нарушило бы канву повествования.

«Имал доверие в мене» (Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 262). - [Аврам Немтур] «**Сказал, что доверяет мне**» (пер. Н. Н. Попова).

«Върнала се от работа и ме намерила както обикновено на люлеещия се стол» (Г. Господинов, «*Естествен роман*», с. 111). – «**Она рассказывает, что** вернулась с работы и, как всегда, застала меня в кресле-качалке» (пер. М. Ширяевой).

Союзы, употребляемые говорящим в сложном предложении, выражают отношение говорящего к достоверности высказывания, напр., в следующем предложении переводчик добавил союз *будто*, который показывает сомнение говорящего истинности сообщаемой информации: «...*че още когато е дошъл наместникът в Преспа, преструвал се, че не разбира нашенски...*» (Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 262) – «... когда наш наместник прибыл в Преспу, он прикинулся сперва, **будто** не понимает по-нашему...» (пер. Н. Н. Попова). В данном случае общий контекст недоверия в предложении оправдывает употребление данного союза.

Однако следует отметить, что в большинстве примеров введение косвенной речи не было решением переводчика для передачи эвиденциальных форм, а присутствовало в оригинальных текстах, напр.:

«Аврам Немтур казва, че съм изял три хиляди гроша общински пари» (Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 175). – «**Аврам Немтур говорит, что я** прикарманил 3 тысячи гроша общинных денег» (пер. Н. Н. Попова).

«Твърдеше, че текстовете били от бившият ѝ мъж, който искал да я злепостави» (Г. Господинов, «*Естествен роман*», с. 17). – «**Женщина утверждала, что** тексты были написаны ее бывшим мужем, который желал ее скомпрометировать» (пер. М. Ширяевой).

«Едни познати се оплакваха, че котките им непрекъснато се хвърляли от балкона, от деветия етаж»(Г. Господинов, *«Естествен роман»*, с. 80). – **«Одни знакомые жаловались, что все их кошки постоянно прыгали с балкона, с девятого этажа»** (пер. М. Ширяевой).

Наш материал также показал, что переводчики в ряде случаев предпочитали использовать бессоюзные вводные предложения, а не сложноподчиненные конструкции, где сам сообщаемый факт был бы зависимой клаузой, напр.:

«Точно тогава на вратата се звъннало» (Г. Господинов, *«Естествен роман»*, с. 84). – **«Как раз в тот момент, продолжала Эмма, раздался звонок в дверь»** (пер. М. Ширяевой).

«Жените предпочитали сами да отглеждат децата си...» (Г. Господинов, *«Естествен роман»*, с. 127). – **«Женщины, писал автор статьи, предпочитают сами растить и воспитывать детей...»** (пер. М. Ширяевой).

«Била си направила кукла (той викаше истукан), голяма колкото тригодишно дете»(Г. Господинов, *«Естествен роман»*, с. 128). – **«Она, вспоминал он, сделала себе куклу (дед назвал ее «истуканом») ростом с трехлетнего ребенка»** (пер. М. Ширяевой).

2.2.1.1.3 Конструкции с вводными словами

Перевод с помощью конструкций с вводными словами в нашем материале менее распространен — 2,8 %. В нашем материале зафиксирован перевод с помощью предложно-именных оборотов и вводных слов, ссылающихся на неопределенный источник информации. Употребляя вводные слова и адвербиальные обороты, семантически связанные главным образом с мышлением, речью и восприятием, говорящий подвергает сомнению истинность данной информации и отказывается нести ответственность за сообщаемый факт [Апресян 1995: 136], что обуславливает возможность такого перевода ренарративных форм.

На основе нашего материала конструкции с вводными словами, передающие значение болгарские эвиденциальные форм, представлены:

- Предложно-именными оборотами *по слухам* (2), *по мнению* (2).

Данные предложно-именные обороты вводят указание на источник информации в русском языке, благодаря чему говорящий дистанцируется от передаваемой информации и подчеркивает ее несвидетельский характер. Употребление оборотов *по слухам*, *по мнению* представлено в следующих примерах:

«И всичко в тях било с истинските имена, за което, **както й била казала приятелката**, можела да ни съди»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 17). – «И все имена в них были настоящими, за что, **по мнению ее подруги**, она может подать на нас в суд» (пер. М. Ширяевой).

«Тогава съм се осветил, **според жена ми**»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 84). – «Тогда, **по мнению жены**, я и пришел в себя» (пер. М. Ширяевой).

В приведенных примерах лексемы получения информации с чужих слов присутствуют и в болгарском оригинале, тем самым, ренарратив выражен на двух уровнях: грамматическом и лексическом. Однако нами также были выявлены примеры, где переводчик самостоятельно добавил данные предложно-именные обороты для выражения несвидетельского характера информации:

«... а Махалото (така му викаха) мислел да я изкара на люлката си, на люлееция се стол де...» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 15). – «... а Маятник (так его называли), **по слухам**, собирался перезимовать в своем гамаке, на качалке то есть...» (пер. М. Ширяевой).

«В градината му растели странни и непознати за селото растения» (Г. Господинов, «Естествен роман», с.100). – «**По слухам**, у него в саду росли странные и невиданные на селе растения» (пер. М. Ширяевой). Так, при переводе добавляется оборот *по слухам*, иначе семантика передачи чужой информации осталась бы непонятной для русского читателя.

- Вводные слова *говорят*, *известно* и др., указывающие на неопределенный источник сообщения.

Для передачи болгарских эвиденциальных ренарративных форм также используются вводные слова и конструкции с глаголом мысли, восприятия, речи, вводимые с помощью бессоюзной связи или союзом *как*. Данные вводные слова, напр., *говорят*, ссылаются на источник информации, не уточняя его. В нашем переводческом материале были зафиксированы употребления данных предложений.

В следующих примерах вводное слово *говорят* употреблено в начале предложения, тем самым оно дает представление о несвидетельском характере полученной информации. Следует отметить, что похожие или идентичные лексические маркеры представлены и в болгарских текстах:

«*Научих, че се сгодил за Божана*» (Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 311). – «**Говорят**, он обручился с Божаной» (пер. Н. Н. Попова).

«*Ами иди да я видиш, мамо. Тя, **май**, била нещо болна*» (Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 343). – «Ты бы навестила ее, мама. **Говорят**, она захворала» (пер. Н. Н. Попова).

«*Казват, некакъв турчин запалил чаршията. На другия ден още забегнал някъде, уплашил се*» (Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 481). – «**Говорят**, какой-то турок поджег, а сам испугался и сбежал» (пер. Н. Н. Попова).

В нашем материале также зафиксированы примеры, когда лексическое добавление вводного слова *говорят* является решением переводчика, напр.:

«*Една нощ неговият праядо пасял овците си далеч от селото...*» (Г. Господинов, «*И други истории*»). – «**Говорят**, однажды ночью его дед пас овец вдали от села...» (пер. М. Ширяевой).

«*Бил от кротките луди*» (Г. Господинов, «*Естествен роман*», с. 14). – «**Говорят**, он был тихим сумасшедшим» (пер. М. Ширяевой).

«*Очите му съвсем потънали в ямите си, а ръката му силно треперела, докато пишел телеграмата*» (Г. Господинов, «*Естествен роман*», с. 102).

– «**Говорят**, его глаза глубоко запали, а рука сильно дрожала, пока он писал телеграмму» (пер. М. Ширяевой).

2.2.1.1.4 Конструкции с модальными речевыми частицами (ксенопоказателями)

Частицы *мол*, *дескать*, *де*, *якобы*, или маркеры-ксенопоказатели, вводящие в повествование чужую речь, считаются исследователями наиболее специализированными лексическими маркерами эвиденциальности в русском языке [Козинцева 2007а, Плунгян 2008, Aikhenvald 2004: 10]. Обычно их значение связывают с указанием на то, что говорящий описывает некую ситуацию, известную ему только с чужих слов, при этом принято считать, что данные частицы выражают недостоверность высказывания по мнению говорящего. Используя данные частицы, говорящий не принимает на себя ответственность за достоверность сказанного, так как параметр истинности в таком случае снимается [Падучева 2011:8].

Эти частицы могут занимать в предложении свободную позицию. При их употреблении говорящий может относиться к передаваемой информации либо нейтрально, либо давать ей сниженную оценку, напр., при введении чужих слов с помощью частицы *якобы* говорящий маркирует свое отрицательное отношение к содержанию сообщения. Частицы *мол*, *де* и *дескать* также стилистически маркированы (в толковых словарях можно увидеть отметку *разг.* или *прост.*), сферой их употребления является разговорный стиль, поэтому в официальных сообщениях, где требуется высокий уровень достоверности, они не используются [Козинцева 2007а: 92].

Материал показал, что переводчики редко обращались к модальным частицам для передачи ренарративных форм (6 употреблений). Чаще всего их использовала М. Ширяева в переводах прозаических произведений Г. Господинова. Необходимо отметить, что наиболее употребительным ксенопоказателем является частица *мол* (5 употреблений).

«Но като казват едни, че църквата била тяхна, че я градили със свои пари, ще кажем и ние, че е наша, че и ние давахме пари за нея» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 313) – «Но раз некоторые говорят, что церковь ихняя, потому что построена она, **мол**, на их деньги, то мы тоже скажем, что она наша, потому что мы давали деньги на постройку» (пер. Н. Н. Попова).

«Майка ти каза, че ще се откаже от теб чрез "Държавен вестник", защото не искала да има незаконни внучета» (Г. Господинов, «И други истории», с. 71). – «Твоя мать сказала, что откажется от тебя через «Государственную газету», потому что, **мол**, не желает иметь незаконных внуков» (пер. М. Ширяевой).

«...те хубаво го бѣзикали другите, дето ми имал доверие и бѣхтел заради мене, пѣк аз тука съм си развявала опашката» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 97). – «...и правильно над ним другие смеялись, что он, **мол**, мне доверяет и вкалывает ради меня, а я тут хвостом крутила» (пер. М. Ширяевой).

Также нами было зафиксировано 1 употребление частицы *дескать*. Н. Д. Арутюнова отмечает, что данные модальные речевые частицы возможны в контексте, не содержащем глагол сообщения. В этих условиях частицы *мол* и *дескать* выражают не прямую передачу информации говорящим, а лишь его интерпретацию чужих слов, жестов, поведения [Арутюнова 1992]:

«Тя не го четяла редовно, но една приятелка ѝ показала броевете с откъсите, които пуснах» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 13). – «Сама она, *дескать*, читала ее лишь время от времени, но ее подруга показала ей номера, в которых я поместил те самые отрывки» (пер. М. Ширяевой).

Частицы *якобы* и *де*, также входящие в число ксенопоказателей, не были выявлены в нашем материале. Возможно, что данное явление связано с авторским стилем переводчика – например, в переводах М. Ширяевой ксенопоказатели встречаются чаще, чем в переводе Н. Н. Попова,

переводившего «*Железният светилник*» Д. Талева (5 и 1 случай соответственно). Также возможно, что данные частицы воспринимаются носителями языка как устаревшие: так, Н. Д. Арутюнова утверждает, что ксенопоказатели не характерны для современной разговорной речи, но они сохранились в художественной литературе. [Арутюнова 2000: 441]. Принимая точку зрения, что ксенопоказатели более употребительны в письменной литературной речи, можно предположить, что данные частицы не подходят в качестве лексического добавления стилистически — в рассмотренных нами произведениях более употребительна разговорная речь (отражено как современное состояние языка, так и разговорная речь болгар начала XX века, однако следует отметить, что переводы произведений были выполнены уже после 1950-х гг., когда ксенопоказатели уже начали терять свою актуальность).

2.2.1.1.5 Конструкции с модальными словами

При переводе болгарских эвиденциальных форм переводчики активно использовали прием лексических добавлений, а именно добавляли модальные слова, сообщающие о достоверности / недостоверности содержания высказывания, напр., *наверно, по-видимому, вероятно, кажется, как будто*, и пр. Такие модальные слова в нашем материале могут маркировать различную степень вероятности события и обладают широким спектром значения: от слабого сомнения (*вроде бы*) и сильного недоверия (*будто бы*) до полной уверенности (*очевидно*).

«Бил чел, че котките имат фино устроено ухо и други тънки усети» (Г. Господинов, «*И други истории*», с. 10). — «Он **вроде бы** где-то читал о том, что у кошек — замечательно тонкий слух и необыкновенная чуткость» (пер. М. Ширяевой).

«Някоя от овцете се била размърдала и се отрила в гърба му» (Г. Господинов, «*И други истории*», с. 5). — «**Наверное**, какая-то овца отбилась от стада и потерлась о его спину» (пер. М. Ширяевой).

«*Нещо изперкал след развода им*» (Г. Господинов, «*Естествен роман*», с. 13). – «Потом, после развода, он **будто бы** помешался» (пер. М. Ширяевой).
«...*се изкачи по останалите стъпала, прескочи и прага на вратата и остана там, види се, схванал най-сетне сериозността на положението*» (Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 46). – «...неторопливыми прыжками поднялся по остальным ступеням и уселся за порогом, **очевидно** догадавшись, что дело приняло серьезный оборот» (пер. Н. Н. Попова).

Следует отметить, что в последнем примере лексема *очевидно* не добавлена переводчиком, а используется для перевода модального слова *види се*, выражающую значение предположения в болгарском тексте.

2.2.1.2 Перевод форм конклюдива на русский язык

Перевод конклюдивных форм на русский язык менее богато представлен в нашем материале, поскольку произведения А. Баева и З. Евтимовой из нашего корпуса, в которых присутствует много конклюдивных форм, еще не были переведены на русский язык. Перевод некоторых рассказов Г. Господинова из сборника «*И други истории*» на русский язык также отсутствует.

Следует отметить, что в переводе на русский язык различие между формами конклюдива и ренарратива иногда теряется, но сохраняется факт передачи информации с чужих слов (благодаря контексту или лексическим и синтаксическим маркерам). Поскольку различие между конклюдивом (при передаче несвидетельской информации) и ренарративом существует в болгарском языке, скорее, формально [Ницолова 2006: 34], перевод ренарративных и конклюдивных форм возможен одними и теми же языковыми средствами, что подтверждается нашим материалом.

Нами были зафиксированы следующие способы перевода конклюдивных форм:

- Конструкции с модальными словами (40,7 %);

- Сложное предложение (38,8 %);
- Перевод формами изъявительного наклонения (20,5 %).

Далее мы рассмотрим их более подробно.

2.2.1.2.1 Конструкции с модальными словами

Так же, как и для перевода ренарратива на русский язык, переводчики использовали конструкции с модальными словами для перевода конклюдивных форм. Частотность их употребления для перевода конклюдива более высока, чем для перевода ренарративных форм – 40,7 %. Это объясняется тем, что модальные слова (например, *види се, вероятно, сигурно* и пр.) присутствовали в оригинальных текстах в большинстве рассмотренных нами примерах, в то время как при использовании ренарративных форм такие маркеры в оригинале употреблялись реже.

Наиболее употребительными модальными словами в русских переводах болгарских произведений являются модальное слово *навверноего* разговорный аналог *навверняка*. Данные модальные слова чаще всего использовались для перевода болгарского наречия *сигурно* на русский язык, напр.:

«Хрумва ми, че един от ония шест Божии дни сигурное траел според днешните ни представи към милион години» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 104). – «Мне приходит в голову, что один из тех шести Божественных дней **навверняка** продолжался, по нашим теперешним представлениям о времени, где-то миллион лет» (пер. М. Ширяевой).

«И *сигурно* никой не е идвал да види как работите» (Д. Галев, «Железният светилник», с.156) – «**Наверное**, никто никогда не заглядывал к вам, не видел, как вы работаете» (пер. Н. Н. Попова).

«*Сигурно* е имало начин да се видим и преди» (Г. Господинов, «И други истории», с. 70). – «**Наверняка** у нас была возможность увидеться и раньше» (пер. М. Ширяевой).

Болгарское модальное слово *сигурно* выражает высокую степень уверенности, и в другом переводе последнего примера из рассказа «*Божури и незабравки*» переводчица заменила его наречием *точно*, которое подчеркивает данное значение: «Мы **точно** встречались где-то раньше» (пер. А. Козловой).

Также в единичном случае нами было зафиксировано модальное слово *видать* для передачи предположения говорящего и перевода болгарского наречия *сигурно*, присутствующего в оригинальном тексте:

«*Нищо не казвал и тя **сигурно** си мислела, че му е намерила цаката*» (Г. Господинов, «*Естествен роман*», с. 132). – «Ни слова ей не сказал, а она, **видать**, думала, что нашла его слабое место» (пер. М. Ширяевой).

Следует отметить, что русское модальное слово *видать* относится к сниженному разговорному стилю, и в данном примере подходит к контексту: герой романа подслушивает сплетни других людей на улице, чья речь может отличаться от разговорного литературного языка. Возможно, это является причиной того, что в других примерах данное модальное слово не употребляется.

Вторыми по частотности модальными словами для перевода конклюдивных форм на русский язык наш материал показал модальные слова *может/может быть* и *возможно*. Выражающие более слабую степень уверенности, они явились заменой болгарским модальным словам со схожей семантикой. Так, переводчик использовал *может* для перевода модального глагола *може* с да-конструкцией на русский язык: «***Може** всичко да се е наредило иначе, казах си. **Може** човекът изведнъж да се е взел в ръце, **може** публикацията във вестника да го е вдигнала от вечния му стол...*» (Г. Господинов, «*Естествен роман*», с. 16). – «А **может**, сказал я себе, события развивались совсем по-другому. **Может**, тот человек вдруг взял себя в руки, **может**, публикация в газете заставила его подняться...» (пер. М. Ширяевой).

Материал показал, что модальное слово *возможно* замещает другие модальные слова, выражающие более низкую степень уверенности, которые

присутствуют в оригинальных текстах: *«Вероятно Хемингуэй е изглеждал така»*(Г. Господинов, *«Естествен роман»*, с. 79). – *«Возможно, именно так выглядел Хемингуэй»* (пер. М. Ширяевой).

В единичных случаях переводчики использовали другие модальные слова для передачи значений конклюдива. Нами были выявлены предложения с модальными словами *видимо* и *должно быть*, чьи соответствия также присутствовали в болгарских текстах, напр.:

«Училището беше до самата порта, ниска, приземна постройка; преди, види се, е служила за плевня или нещо подобно» (Д. Талев, *«Железният светилник»*, с. 156). – *«Школа помещалась возле самых ворот в низком, приземистом строении, которое когда-то, видимо, служило сараем»* (пер. Н. Н. Попова).

«Трябва да съм виждал някъде тази картинка» (Г. Господинов, *«Естествен роман»*, с. 79). - *«Я, должно быть, где-то видел подобную картинку»* (пер. М. Ширяевой).

2.2.1.2.2 Сложное предложение

Для выражения значения неуверенности, характерное для конклюдива, переводчики часто обращались к сложноподчиненным предложениям, где главная часть содержит глаголы мышления или эмоционального состояния, указывающие на предположительный характер информации, в то время как сама конклюдивная форма отражена в подчиненной части предложения. В качестве глаголов, употребляемых в главной части сложноподчиненного предложения присутствовали глаголы *знать, помнить, удивляться, полагать*, и др. Во всех случаях решение переводчика было обосновано оригинальным болгарским текстом – нами не были выявлены примеры, где переводчик трансформировал отрывок и добавлял главную часть сложноподчиненного предложения для передачи характера последующей информации.

Для выражения предположения нами были зафиксированы такие глаголы мышления как *сомневаться, подозревать, знать, верить*, указывающие на определенную степень уверенности говорящего:

«Помня как от муха станах пак аз и вече **бях сигурен**, че е дошъл моментът на шамарите»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 72). – «Я помню, как из мухи я снова стал собой и уже **не сомневался**, что пришло время подзатыльников» (пер. М. Ширяевой).

«**Не знам** дали е отказала "гъбите", но съм сигурен, че вече живееше с елфите» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 86). – «**Не знаю** уж, завязала ли она с «грибами», но уверен, что она уже давно жила среди эльфов» (пер. М. Ширяевой).

«**Подозирам**, че Бог е създал това странно семейство, за да ни каже нещо»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 126). – «Я **подозреваю**, что Бог создал это странное семейство, чтобы сказать нам что-то важное» (пер. М. Ширяевой).

«**Не вярвам** да се е натискала много» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 86). – «Как-то **не верится**, чтобы она очень старалась» (пер. М. Ширяевой).

В иных случаях для выражения сомнения или неуверенности использованы глаголы эмоционального состояния и восприятия, выражающие чувства говорящего:

«**Имах усещането**, че се е просмукало в мебелите, в тапетите, в мокета» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 46).– «У меня **было такое чувство**, что оно впиталось в обивку мебели, в обои, ковер» (пер. М. Ширяевой).

«**Сигурен съм**, че не са написали и ред на хартия» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 21).– «Я **уверен**, что на бумаге они не написали бы и строчки» (пер. М. Ширяевой).

«**Няма да се учудя**, ако всички скални рисунки из пещерите са чегъртани, докато първобитният човек е клечал по голяма нужда»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 21).– «Я **не удивлюсь**, если все наскальные рисунки в

пещерах нацарапаны за то время, пока первобытный человек справлял большую нужду» (пер. М. Ширяевой).

2.2.1.2.3 Перевод формами изъявительного наклонения без лексических маркеров предположения

Перевод формами изъявительного наклонения без каких-либо лексических или синтаксических маркеров, указывающих на конклюдентное значение передаваемой информации, также представлен в нашем материале. В целом предположение, высказанное говорящим, сопровождается контекстом, где читатель понимает, что герой не уверен в сообщаемой информации. Так, в рассказе «Кристин, която маха от влака» Г. Господинова герой решает осадить девушку, которая приветствует незнакомых людей, сидя в проезжающем поезде, и мысленно выстраивает цепочку событий в жизни одного человека, которому помахала девушка:

«На всичко отгоре адски му напомняш някаква жена, която е забутал толкова дълбоко в паметта си, че не си е позволявал да мисли за нея вече 38 години. И колкото повече мисли и отпива от мастиката, защото той междувременно си е взел шишето, толкова по-ясно му става как всичко е минало покрай него като ей този влак» (Г. Господинов, «И други истории»).

– «И даже больше, ты ему адски напоминаешь одну женщину, которую он настолько глубоко запрятал в памяти, что не позволял себе думать о ней уже 38 лет. И чем больше он думает и попивает мастику - он тем временем взял бутылочку, - тем яснее он понимает, что все в его жизни прошло мимо, как этот вот поезд» (пер. А. Говердовой).

В этом рассказе девушка высказывает предположение, которое в оригинале оформляется формой конклюдива. Поскольку в этом предложении автор также использует сослагательное наклонение, которое переводчик передает в тексте на русском языке, сомнение говорящего прослеживается и в русском переводе:

«Все пак, ако толкова съм му харесала, би могъл да ми отвърне, каквото и да му струва това»(Г. Господинов, «И други истории»). –«И все-таки, если я ему так понравилась, мог бы и ответить, чего бы ему это ни стоило» (пер. А. Говердовой).

В других предложениях можно также наблюдать размышления говорящего относительно событий, произошедших в его жизни, или его собственных наблюдений. Предлагая несколько вариантов, он использует союз *или* и формы конклюдива в болгарском оригинальном тексте. В переводе на русский язык значение конклюдива не передается какими-либо специальными маркерами, но оно улавливается читателем благодаря сохранению союза *или*, который присутствует в оригинале, напр.:

«**Или** съвсем съзнателно съм я забутал някъде из старателно подвързаните стари вестници, които старателно си подвързвам, така че никога да не я открия» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 59). – «**Или** совсем сознательно я сунул ее куда-нибудь в подшивку старых газет, которые бережно храню, да так, чтобы никогда ее не найти?» (пер. М. Ширяевой).

«Зелките всяка есен повтарят модата от времето на Мария Антоанета с вдигнатите яки. **Или** Мария Антоанета е имала око за зелките»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 125) – «Каждой осенью капуста повторяет моду времен Марии Антуанетты на пышные воротнички-стойки. **Или** Мария-Антуанетта подглядела это у капусты» (пер. М. Ширяевой).

Однако нами были зафиксированы случаи, где предположительный характер информации терялся при переводе произведения на русский язык. Так, когда Аврам Немтур приглашает Лазара его навестить, герой романа сомневается, что предложение о работе – единственная причина для данного приглашения. В русском переводе сомнение героя никак не передается:

«Нему [на Аврам Немтур] наистина му трябва човек в дюкяна. Но той е имал и друга некаква цел» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 262) - «Ему

на самом деле нужен человек. Но у него была еще и какая-то задняя мысль» (пер. Н. Н. Попова).

2.2.1.3 Выводы

Таким образом, наш материала показал, что переводчики редко обращались к специальным лексическим или синтаксическим средствам для перевода болгарских эвиденциальных форм на русский язык и часто передавали ренарративные и конклюдивные значения с помощью изъявительного наклонения без добавления специфических маркеров для выражения значений пересказа или умозаключения. Некоторые переводчики специально вводили лексические и синтаксические обороты для передачи эвиденциальных форм, нехарактерных для русского языка – чаще всего формальными средствами, указывающими на источник информации, свои переводы дополняла М. Ширяева. С другой стороны, Н.Н. Попов, переводивший *«Железният светилник»*, иллюстрировал вторичную засвидетельствованность редко, вводя необходимые маркеры только при их присутствии в болгарском оригинале. Однако это не умаляет ценность и качество его перевода, пережившего несколько переизданий. В ряде случаев для ренарративных форм был использован прием лексического добавления для указания источника информации.

При переводе конклюдивных форм на русский язык переводчики также вводили какие-либо дополнительные синтаксические конструкции или лексемы для выражения конклюдивного значения. В целом они составляют меньшинство, и их представляют ксенопоказатели, модальные и вводные слова и конструкции. В основном с помощью модальных слов передается семантика конклюдива. Это объясняется тем, что в нашем корпусе в оригинальных болгарских текстах, как правило, грамматическое выражение конклюдивного значения дублируется лексическим (модальными словами), и при переводе на русский язык модальные слова сохраняются.

Для передачи эвиденциальных значений также было выявлено употребление сложных предложений, одна часть из которых содержит ссылку на источник информации, что передает ее несвидетельский характер. Такой способ перевода был использован переводчиками как для передачи ренарративных, так и конклюдивных значений.

2.2.2 Перевод эвиденциальных форм на английский язык

В английском языке, как и в русском, категория эвиденциальности не является самостоятельной грамматической категорией, однако имеет коммуникативный статус и может быть выражена различными средствами и структурами разного уровня с сохранением категориального эвиденциального значения [Кобрина 2006: 95].

При разнообразии форм и средств выражения эвиденциальности в английском языке должен присутствовать главный, ключевой признак, позволяющий носителям языка распознать эту категорию в контексте. Такими признаками являются [по Кобрина 2003: 13]:

- Семантика глаголов или образованных от них существительных (напр., *inform – information, know – knowledge* и т.д.), которые указывают на эвиденциальный статус разных структур.
- Возможность данной структуры восприниматься вторичной по значимости в предложении. При таком условии она функционально нацелена только на выражение эвиденциальности.

Ослабление коммуникативной значимости выражения может происходить с помощью парентезации или упрощения синтаксической структуры, при которой снижается информативная значимость высказывания. Другой важный признак вторичного статуса эвиденциальности – коммуникативная неполноценность главной части, из-за которой наблюдается смысловая и синтаксическая зависимость от придаточной части. Придаточная часть несет в себе основную

информацию по причине того, что вторичной структурой оказывается главное предложение [Кобрина 2003: 15].

На основе нашего материала нами были выявлены следующие возможные способы перевода болгарских эвиденциальных форм на английский язык:

- Перевод формами изъявительного наклонения без добавления лексических маркеров (87,8 %);
- Сложные предложения и синтаксические конструкции (8,3 %);
- Перевод грамматическими и лексическими средствами, выражающими модальность (3,1 %);
- Конструкция *Complex Subject* (0,8 %).

В данном разделе будет рассмотрен перевод форм ренарратива и конклюдива вместе, т. к. для зафиксированных примеров в переводах на английский язык были использованы одни и те же языковые средства для передачи конклюдивных и ренарративных значений. Как мы уже упоминали ранее, формы ренарратива и конклюдива не всегда четко разграничиваются носителями языка, поэтому перевод различных эвиденциальных форм одними и те же средствами вполне возможен.

2.2.2.1 Перевод формами изъявительного наклонения без добавления лексических маркеров

Несмотря на существование различных способов выражения эвиденциальных значений в английском языке, чаще всего переводчики не прибегали к этим средствам, чтобы указать на источник информации или подчеркнуть значение предположения говорящего. В нашем материале было выявлено только 4 примера (а именно в переводе романа Д. Талева «*Железният светилник*»), где переводчик самостоятельно вводил синтаксические конструкции для выражения значения ренарратива или конклюдива (будут рассмотрены в работе далее). Иначе же значение

ренарратива без специальных маркеров оказывается утерянным. Это иллюстрирует следующий пример:

«...когато е дошъл наместникът в Преспа, преструвал се, че не разбира нашенски...»(Д. Талев, «Железният светилник», с. 262). - «...when he first came to Prespa, the Suffragan pretended he didn't understand our tongue...» (пер. М. Alexieva).

Ренарративная форма 3 л. ед. ч. *преструвал се* передает субъективное мнение отца героя, которого уже нет в живых, и герой пересказывает его слова другому человеку. В данном примере без сопровождения специальными лексическими маркерами или синтаксическими конструкциями формы английского языка не передают, действительно ли наместник притворился, или это сказанное кем-то субъективно-оценочное суждение.

Нами были выявлены и другие примеры перевода эвиденциальных форм изъявительным наклонением без каких-либо специфических языковых средств, указывающих на источник или характер информации. Они составляют абсолютное большинство в нашем материале — 87,8 %. Например, в следующих предложениях значение ренарратива в болгарских текстах не передано на английский язык:

«Някога, когато селото било голямо и живо, искали от околията да го правят град. Това било престижно, но след дълго умуване хората все пак отказали»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 130). – «Once when the village was big and lively, the district authorities wanted to make it a town. This was considered prestigious, but the local folks gave it some thought and said no» (пер. Z. Hristova).

«Намерил някакъв стар навес и пренощувал там. Не било лошо. В началото на есента времето още било топло. Няколко пъти се промъквал в къщи, за да се запаси с малко храна»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 145). – «He found some old shed and spent time there. It wasn't that bad. The early autumn the weather was still warm. He sneaked home several times for food»

(пер. Z. Hristova).

«Не бил по неговата воля бащиният му занаят. Той бил кротък човек, със слабо здраве. Разпродастоката, разпуснал овчари и слуги. Беда сполетяла семейството, грабеж и смърт, но всички си отдъхнали: бащата загинал трагично, дошла скръб в къщата, но и страхът от него изчезнал» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 57). – «His father's trade was not to his liking. He was a mild man in delicate health. He sold the cattle and dismissed the shepherds and servants. Misfortune had fallen upon the family, robbery and death, but they all sighed with relief: the father had perished tragically, sorrow had entered the house, but the fear of him had also disappeared» (пер. M. Alexieva).

Несмотря на отсутствие лексических или синтаксических маркеров, в большинстве случаев характер несвидетельской информации подсказывается читателю контекстом: так, в последнем примере приведенные предложения повествуют о событиях в жизни дедушки героини романа Султаны, которые ей рассказывали ее родственники. В повествовании они встроены в главу, содержащую истории жизни нескольких представителей ее рода, откуда читатель понимает, что описываемые события не наблюдались героиней.

Материал также показал несколько примеров, где значение умозаключения или предположения, характерное для конклюдива, не было передано в переводах болгарских произведений на английский язык, поскольку были использованы только глагольные формы изъявительного наклонения без специальных маркеров эвиденциальности, напр.:

«Не вярвам да се е натискала много» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 86). – «I don't think she insisted much» (пер. Z. Hristova).

«Зелките всяка есен повтарят модата от времето на Мария Антоанета с вдигнатите яки. Или Мария Антоанета е имала око за зелките» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 125). – «Each autumn the cabbages

mock the raised-collar style from the time of Marie Antoinette. Or Marie Antoinette had an eye for cabbages» (пер. Z. Hristova).

«Нищо не казал и тя **сигурно** си мислела, че му е намерила цаката» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 131). – «*He said nothing and she thought she'd got the knack of it*» (пер. Z. Hristova).

Следует отметить, что в последнем предложении в оригинале даже присутствует болгарское модальное слово *сигурно*, передающее сильную степень уверенности говорящего, однако по каким-то причинам переводчик решил его опустить.

2.2.2.2 Сложные предложения и синтаксические конструкции

Одним из способов выражения эвиденциальности в английском языке является употребление сложноподчиненных предложений с придаточным дополнительным или предикатным членом, где главная часть выполняет эвиденциальную функцию. В этой функции могут выступать следующие глаголы [Кобрина 2003: 16]:

- Глаголы речевой деятельности: *say, tell, declare, announce, report, inform, mention, claim, notify* и др.
- Глаголы ментальной деятельности:
 - глаголы знания, мнения, допущения, понимания: *know, think, consider, conclude, believe, learn, suppose, understand, get, admit, confess* и др.
 - глаголы предвосхищения или ожидания: *anticipate, expect, plan* и т.п.
 - глаголы памяти: *learn, forget, remember, recall* и т.д.
- Глаголы восприятия: *hear, feel, see, notice* и др.

Собранный материал показал 8,3 % употреблений подобных предложений от общего числа примеров. Необходимо отметить, что данные употребления преимущественно носят характер дословного перевода:

«После **Манда каза, че оставила** тенджера да ври на огъня» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 468). – «**Then Manda said she had left a saucepan cooking on the hearth**» (пер. М. Alexieva).

«Току-що беше излязла от лечение в клиника за наркомани, **твърдеше, че вече била чиста, но никъде не я вземали на работа**» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 86). – «**Just out of rehab, she claimed she was clean but nobody would hire her**» (пер. Z. Hristova).

«**Авторът разказваше как си говорил** няколко часа с един български кондуктор, при това без да знае думичка български» (Г. Господинов, «И други истории», с. 26). – «**The author recounted how he once had conversed for several hours with a Bulgarian conductor without speaking a word of Bulgarian**» (пер. А. Levitin и М. Levy).

«**Подозирам, че Бог е създал това странно семейство, за да ни каже нещо**» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 26). – «**I suspect that God created this rather peculiar family to tell us something**» (пер. Z. Hristova).

Однако были также выявлены предложения, где добавление главной части, указывающей на источник информации, для передачи ренарратива было решением переводчика, напр.:

«**Имал доверие в мене**» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 262). – «**He said he trusted me**» (пер. М. Alexieva).

Согласно О. А. Кобриной, эвиденциальность может выражаться безличными предложениями, где придаточная часть связана с главной частью комплетивной связью (тип связи между главным компонентом, который является семантически недостаточным, и зависимым компонентом, который восполняет недостающий информационный компонент в предложении). В данных структурах используются глаголы речемыслительной деятельности, но их количество ограничено, поскольку не все глаголы этого типа могут употребляться в пассивном залоге, характерном для безличных предложений в английском языке [Кобрина 2003: 17]. Нами было выявлено 5 употреблений предложений данного типа. Примечательно,

что подобную синтаксическую структуру также можно наблюдать и в болгарском тексте, напр.:

«**Говореше се, че цяла есен нощем дежурял в двора...**» (Г. Господинов, «И други истории», с. 86). – «***It was rumored that throughout the whole autumn he had spent every night on watch...***» (пер. А. Levitin и М. Levy).

«**Носеше се слух, че на младини се побъркал от много четене...**» (Г. Господинов, «И други истории», с. 12). – «***It was rumored that he had gone mad from too much reading...***» (пер. А. Levitin и М. Levy).

Одним из типов передачи эвиденциальности в английских безличных сложноподчиненных предложениях являются предложения с глаголом *seem* и местоимением *it* в качестве безличного подлежащего [Кобрина 2003: 17].

Материал показал одно употребление данной конструкции:

«**Сега всичко му изглеждало по-лесно: бил по-опитен, можел да вложи в работата си до четиристотин хиляди гроша, видял с очите си що е море и кораб...**» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 60). – «***It all seemed easier to him now: he was more experienced; he could put up to four hundred thousand groshes into his venture, he had seen with his own eyes what the sea and ships were like...***» (пер. М. Alexieva).

Эвиденциальность также может выражаться в виде парантез различного типа [Кобрина, 2003: 17, Кобрина 2005: 93, Kareem 2008: 94]. В терминологии английского языка под парантезой понимаются конструкции и структуры разных уровней в составе предложения, не связанные с главной частью какими-либо синтаксическими связями, т. е. их можно вычленировать из структуры высказывания без нарушения общего смысла предложения [Кобрина 2005: 93].

В нашем материале было выявлено одно употребление парантезы, выраженной словосочетанием. В качестве парантез словосочетаний выступают вводные конструкции или устойчивые единицы с модальными, оценочными и пояснительными словами, напр., *according to the story, to my mind, in my opinion, generally speaking* и др. [Кобрина 2003: 18]. В примере из

нашей выборки парентезой переводится придаточная часть сложноподчиненного предложения, которая в болгарском тексте отсылает на источник информации:

«И всичко в тях било с истинските имена, за което, както й била казала приятелката, можела да ни съди» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 13). – «...all the names were real, which, **according to her friend**, was reason enough for a lawsuit» (пер. Z. Hristova).

Необходимо также отметить случаи, когда переводчик самостоятельно вводит с помощью парентезы ссылку на источник сведений, отсутствующий в оригинале произведения, подчеркивая косвенный характер информации. Нами было выявлено три таких употребления:

«Хе, такъв един — умник. Учен човек бил» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 247). – «Eh, he's a wise one. And a scholar, **they say**» (пер. M. Alexieva).

«Дебелашки бил езикът ни...» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 257). – «Our tongue was crude, **he said**...» (пер. M. Alexieva).

«Те, фанариотите, големо гръцко царство ще правят. Те били по-горе от нас» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 172). – «Those Phanariots are busy preparing a great Greek kingdom. They are superior to us, **so they say**» (пер. M. Alexieva).

2.2.2.3 Перевод болгарских эвиденциальных форм грамматическими и лексическими средствами, выражающими модальность

Модальные глаголы

Значение эвиденциальности в английском языке также может передаваться с помощью различных лексико-грамматических, лексических и прагматических маркеров. Некоторые из них были выявлены в исследуемом материале для передачи ренарративных и конклюдивных форм.

В качестве грамматических маркеров эвиденциальности в английском языке некоторые исследователи [Буглак 2011, Моисенко 2013, Шакирова 2010, Barrera 2013, DeHaan 1999, Kareem 2008, Krzyzanowska 2013] указывают употребление таких модальных глаголов как *must* и *may*. Модальные глаголы могут выражать различные типы модальности, и в связи с этим А.Ю. Айхенвальд отмечает, что определить использование данных модальных глаголов в значении конклюдива или эпистемической модальности возможно только при их рассмотрении в определенном контексте [Aikhenvald 2004: 150].

Выбор модальных глаголов для передачи предположения зависит от степени уверенности говорящего. Модальный глагол *must* чаще всего ассоциируется с абсолютной уверенностью говорящего в сообщаемом им факте, поэтому некоторые исследователи, например [Буглак 2011: 31, Шакирова 2010], относят его к маркерам сильной эвиденциальности. Если говорящий считает, что обладает недостаточными данными для выведения логического умозаключения, то он употребляет средства выражения слабой эвиденциальности, к которым относятся глаголы *may / might, can / could* и др. маркеры. В таком случае говорящий высказывает свое предположение в форме отгадывания, у него нет убедительных доказательств, подтверждающих его предположение [Буглак 2011: 32].

На основе собранного материала было выявлено 5 употреблений глагола *must*, 2 предложения с глаголом *might* и одно употребление глагола *may*. Поскольку данные модальные глаголы подчеркивают значение предположения или уверенности говорящего, переводчики использовали их для перевода конклюдивных форм, напр.:

«**Предполагам**, че всичко това е минало за секунда през главата му и го е възпряло» (Г. Господинов, «И други истории», с. 36). – «**I guess all of that *must have crossed* his mind in an instant, preventing him from waving back»(пер. А. Levitin и М. Levy).**

«Трябва да съм виждал някъде тази картинка» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 79). – «*I must have seen that picture somewhere*» (пер. Z. Hristova), «Говореше се, че в безкрайните си нощни бдения може да е станал нежелан свидетел на обир или убийство, каквито тогава не липсваха в градчето» (Г. Господинов, «И други истории», с. 20). – «*Some said that during his many sleepless nights he might have unwittingly witnessed a robbery or a murder, things that were common in town at that time*» (пер. A. Levitin и M. Levy).

Также нами было выявлено несколько примеров, где в переводе на английский язык данные модальные глаголы передают болгарские ренарративные формы. Следует отметить, что в предложениях, где их использовал переводчик, тоже присутствует значение неуверенности, которое либо обусловлено контекстом (как в первом примере – герой не может с уверенностью сказать, что происходило между персонажами, т. к. не верит в правдивость слухов), либо на значение предположения указывает лексический маркер в болгарском оригинале (*види се* во втором примере):

«Да си затваря, кажи му, добре устата, какво имал, какво немал с Катерина» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 423). – «*He's to keep his mouth shut, tell him, about anything he may have had to do with Katerina*» (пер. M. Alexieva).

«Но, **види се**, силата му започнала да намалява и неочаквано станала в него рязка промяна» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 61). – «*But he must have been losing his strength and there was a marked and unexpected change in him*» (пер. M. Alexieva).

Модальные слова

В качестве одного из лексических маркеров эвиденциальности ряд исследователей [Буглак 2011, Козинцева 2007, Козловский 2017 и др.] описывают употребление таких модальных слов и наречий, как *allegedly, evidently, reportedly, apparently, probably, supposedly, expectedly, maybe* и др.,

указывающих на косвенный или предположительный характер информации. Это подтверждается и нашим материалом: было выявлено 18 предложений, содержащих наречия с семантикой умозаключения или неуверенности. Одним из наиболее употребительных является наречие *probably* (6 употреблений), однако также материал показал использование переводчиками модальных слов *surely*, *obviously*, *apparently* и др. Необходимо отметить, что употребление вышеперечисленных модальных наречий обусловлено наличием лексических единиц со схожей семантикой в болгарских текстах.

«*И сигурно никой не е идвал да види как работите*» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 156). – «*And surely no one has ever come to see how you work*» (пер. М. Alexieva).

«*Училището беше до самата порта, ниска, приземна постройка; преди, види се, е служила за плевня или нещо подобно*» (Д. Талев, «Железният светилник», с. 156). – «*The school was right next to the gate, a low one-storied building; formerly it had probably served as a barn or something of the kind*» (пер. М. Alexieva).

«*Лучше, че не е свикнал да получава пари*» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 14). – «*He was obviously not used to earning money*» (пер. Z. Hristova).

«*На оня сигурно вече му се повдигало от бял шоколад, обаче лапал и мълчал*» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 132). – «*The man was probably sick of it but nevertheless ate it in silence*» (пер. Z. Hristova).

Вышеприведенные примеры показывают, что использование модальных слов в переводах на английский язык более характерно для передачи конклюдивных форм. В последнем примере можно заметить единичное употребление модального слова *probably* для передачи ренарративной формы, однако переводчик использовал его в данном предложении для перевода болгарского наречия *сигурно*, которое так же выражает предположение говорящего.

На основе материала было зафиксировано, что чаще всего в исследованных текстах употребляется вводное модальное слово *maybe* (10 употреблений), которое можно причислить к маркерам слабой эвиденциальности [Буглак 2011: 32]. Здесь также прослеживается, что использование переводчиками модального слова *maybe* в текстах носит исключительно переводной характер, напр.:

«**Може** всичко да се е наредило иначе, казах си. **Може** човекът изведнъж да се е взел в ръце, **може** публикацията във вестника да го е вдигнала от вечния му стол и сега да работи някъде, дори пак да пише, да си е наел квартира, да е намерил друга жена» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 16). – «*I told myself maybe it all turned out okay. Maybe the man pulled himself together, maybe the publication in my newspaper got him out of his chair and off to work somewhere; maybe he even started writing again, rented an apartment and found a new wife*» (пер. Z. Hristova).

«**Сигурно** е имало начин да се видим и преди. <...> Не може да не сме се разминали на някой светофар» (Г. Господинов, «И други истории», с. 70). – «**Maybe** we've met before. <...> It's not possible that we haven't passed each other at some traffic light or other» (пер. A. Levitin и M. Levy).

2.2.2.4 Конструкция *ComplexSubject*

Complex Subject (также называемая *Subjective Infinitive Construction* или *Nominative-with-the-Infinitive Construction*) – конструкция, где инфинитив связан с именем существительным или личным местоимением предикатной связью. Одним из компонентов данной конструкции является подлежащее, другие части выполняют функцию составного глагольного сказуемого [Каушанская 2008: 239]. Чаще всего в данной конструкции глаголы употребляются в страдательном залоге и относятся к следующим подклассам [по Зеленщиков 2003, Каушанская 2008, Кобрина 2003]:

- Глаголы чувственного восприятия: *see, hear, notice, feel, observe* и др.

- Глаголы ментальной деятельности: *think, consider, know, expect, suppose, believe, understand, imagine* и др.
- Глаголы речевой деятельности: *say, report, declare, state* и т. д.

В нашем материале не были выявлены предложения с *Complex Subject* и глаголами речемыслительной деятельности и перцепции, указанными выше, но употребляются конструкции с другими глаголами, которые приводятся в грамматиках английского языка, а именно с глаголами *seem, appear, turn out, chance* (в значении *happen*). Необходимо отметить, что данные глаголы используются в конструкции *Complex Subject* в действительном залоге [Зеленщиков 2003: 253, Каушанская 2008: 241].

Материал показал три предложения с глаголом *seem* и единичные употребления с глаголами *turn out* и *chance* в конструкции *Complex Subject*, напр.:

«Онзи човек се оказал действително чужденец <...> Освен това се оказал и писател» (Г. Господинов, «И други истории», с. 29). – «**He indeed turned out to be a foreigner** <...> **Moreover, he turned out to be a writer**» (пер. А. Levitin и М. Levy).

«След тази случка дядо ми пътувал още трийсетина години по влаковете, но никога не му се удадо да срещне повторно онзи господин» (Г. Господинов, «И други истории», с. 30). – «**After that my grandfather traveled another 30 years or so with the trains, but he never chanced to meet that gentleman again**» (пер. А. Levitin и М. Levy).

Глагол *seem* в выявленных нами примерах частично передает семантику сомнения, неуверенности, поэтому вполне оправдано употребление данного глагола для передачи конюзивных форм. Однако в нашем материале конструкция с глаголом *seem* выступает для передачи форм ренарратива, сопровождающимися в болгарском тексте лексическими маркерами со значением предположения:

«*Види се, бил много усърден в работата си и бил алчен за богатство*» (Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 57). – «*He seemed to have been keen on his work and greedy for wealth*» (пер. М. Alexieva).

«*Тя, май, била нещо болна*» (Д. Талев, «*Железният светилник*», с. 343). – «*She seems to have been ill*»(пер. М. Alexieva).

2.2.2.4 Выводы

Таким образом, материал дает возможность сравнить глагольные системы английского и болгарского языков и их возможность передавать различные оттенки и значения эвиденциальности. Несмотря на то, что в обоих языках имеется развитая глагольная система, в английском языке категория эвиденциальности не грамматикализована, и это является причиной того, что в нашем материале перевод формами изъявительного наклонения без добавления каких-либо лексических или синтаксических средств является наиболее популярным среди переводчиков. Однако все же нами были зафиксированы примеры, где эвиденциальное значение болгарских форм было выражено с помощью сложносочиненных предложений и синтаксических конструкций, конструкции *Complex Subject* и различных модальных глаголов и модальных слов.

Переводчики болгарских произведений на английский язык реже обращались к добавлению маркеров эвиденциальности, чем переводчики на русский язык, и вследствие этого эвиденциальное значение подсказывается только контекстом (если отрывок, например, характеризуется „сказочным” повествованием) или же теряется вовсе, из-за чего читатель лишается возможности увидеть «полную картину».

2.2.3 Перевод эвиденциальных форм на македонский язык

2.2.3.1 Перевод форм ренарратива

Как и в болгарском языке, в македонском присутствует грамматикализованная система эвиденциальности, передающая несвидетельский или предположительный характер информации. Для выражения эвиденциальных значений в македонском языке используются различные формы перфекта: перфект I, образующийся с помощью вспомогательного глагола *сум* и *-л*-формы аориста и имперфекта (следует отметить, что в отличие от болгарского языка, где вспомогательный глагол в 3 л. ед. и мн. ч опускается только для выражения ренарратива, в македонском языке глагол-связка *сум* опускается во всех случаях употребления перфекта I), перфект II, который образуется с помощью вспомогательного глагола *има/нема* и страдательного причастия на *-но/-то* и синтаксические конструкции с глаголом-связкой *сум* и причастием на *-н/-т*, которые некоторые исследователи относят к перфекту III [напр., Макарцев 2013: 107]. Все вышеперечисленные формы были зафиксированы в нашем материале.

В целом нами были выявлены следующие способы перевода болгарских ренарративных форм на македонский язык:

- Перфект I (93 %);
- Перевод другими временными формами изъявительного наклонения (5,1 %);
- Синтаксические конструкции со вспомогательным глаголом *сум* и причастием на *-н/-т* (перфект III) (1,2 %);
- Перфект II (0,7 %).

2.2.3.1.1 Перфект I

В нашем материале было выявлено много примеров употребления перфекта I для передачи значений ренарратива и конклюдива. В целом таких

форм для перевода болгарских ренарративных форм оказалось большинство - 93 %.

Как и в болгарском языке, в македонском число темпоральных форм в пересказе меньше. Различают 3 темпоральные формы для выражения несвидетельской информации, при которых употребляется перфект I: 1) для пересказа событий, происходящих одновременно с ориентационным моментом, выделяют одну общую форму перфекта от глаголов несовершенного вида с -л-формой имперфекта для пересказа Н и И (*минато неопределено несвршено*); 2) для пересказа событий, предшествовавших по отношению к моменту речи – перфект с -л-формой, образованной от глагола совершенного вида, для пересказа А (*минато неопределено свршено*) и 3) для последующих событий по отношению к моменту речи используется одна общая форма для будущего и будущего в прошедшем [Усикова 2003: 217]. Соответствие глагольных форм перфекта I для передачи эвиденциальных значений и других темпоральных форм изъявительного наклонения представлено в таблице:

Темпоральные формы	Глагольные формы без эвиденциального значения	Формы перфекта I, передающие эвиденциальные значения
Настоящее время	<i>носам носиме носиши носите носи носат</i>	<i>сум носел сме носеле си носел сте носеле носел носеле</i>
Имперфект	<i>носев носевме носеше носевте носеше носеа</i>	
Аорист	<i>носив носивме носи носивте носи носија</i>	<i>сум носил сме носиле си носил сте носиле носил носиле</i>
Будущее время	<i>ќе носам ќе носиме ќе носиши ќе носите ќе носи ќе носат</i>	<i>ќе сум носел ќе сме носеле ќе си носел ќе сте носеле ќе носел ќе носеле</i>
Будущее в прошедшем	<i>ќе носев ќе носевме ќе носеше ќе носевте ќе носеше ќе носеа</i>	

Для передачи ренарративных форм Н или И, употребляемых в болгарских произведениях, переводчик заменял их аналогичными формами перфекта I с -л-формами от глаголов несовершенного вида в македонском тексте, напр.:

«Прехранвал се като всички клошари и не съвсем. Не бъркал в казаните за храна, поне не са го виждали. Връщал хартия. Бил от кротките луди» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 14). – *«Се хранел како сите клошари, но не сосема. Не буричкал по контејнерите, барем го немаат видено. Продавал стара хартија. Бил еден од оние кротки лудаџи»* (пер. Н. Маџирова).

«Привечер било, а Младена седяла с момиченцето си, моята майка, която тѣмко се учела да ходи по пѣтеката...» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 55).– *«Било приквечер, а Младена седела со своето девојченце, мојата мајка која токму тогаш се учела да оди по патеката...»* (пер. Д. Крстевскогo).

«Ходела все прибулена, но походката и жестовете ѝ издавали увереност, каквато нямали тукашните жени» (А. Баев, «Светата крѣв», с. 105).– *«Одела забулена, но нејзините движења и гестови покажувале сигурност, каква што немале тукашните жени»* (пер. Б. Георгиева).

Также для перевода некоторых форм с болгарского на македонский язык переводчик изменял временную форму глаголов, сохраняя при этом значение пересказа благодаря употреблению перфекта I. С помощью замены вида глагола с несовершенного на совершенный или использования синонима с другим видовым значением, в македонском переводе действие уже имеет завершённый характер, напр.:

«После, докато татко търсеше подходящата подкова, фелдфебелът се разприказва, каза, че война се задавала и трябвало да се стягаме всичките, мобилизация идела...» (А. Баев, «Светата крѣв», с. 14). – *«Подоцна, додека татко ми бараше соодветна потковица, фелдфебелот се расприкажа, рече дека војната започнала, требало да се подготвиме сите, идела*

мобилизација...»(пер. Б. Георгиева).

«На Младена донасял чувал с храна, в който безразборно били нахвърляни домати, картофи, лук, хляб и лукчета» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 81).– «На Младена ѝ донел вреќа со храна, во кои собрал домати, компири, кромид, леб и лукчиња» (пер. Д. Крстевскогo).

Для передачи завершенных в прошлом действий, выраженных ренарративным аористом в болгарском оригинале, переводчик использовал перфект I с -л-формой глагола совершенного вида в македонском языке, напр.:

«Викнал майстори, измазал кџата, оградил мястото, а на бебето само дето луната между облаците не свалил, че да я закове над бебешката люлка» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 55). – «Викнал мајстори, ја бојадисал куќата, го оградил местото, а на бебето само месечината меѓу облаците што не му ја симнал да ја закова на бебешката лулка» (пер. Д. Крстевскогo).

«Дошла в Ја. с пџтувацџа цирк от С. Влюбила се в татко и останала тук, а циркџт отпџтувал подир седмица-две и повече не се вџрнал за неџ»(А. Баев, «Светата крџв», с. 26).–«Дошла во Ја. со патувачкиот циркус од С. Се заљубила во татко ми и останалатука, а циркусот отпатувал по недела-две и веќе не се вратил по неџ» (пер. Б. Георгиева).

«Човекџт нищо не казал, смачкал бланката, взел нова и написал: "Отивам си". Платил и излязъл» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 102). – «Човекот ништо не рекол, го збрчкал формуларот, зел нов и напишал: «Си заминувам». Платил и излегол» (пер. Н. Маџирова).

Для пересказа будущего времени и будущего в прошедшем в македонском языке употребляется вспомогательная частица *ќе* + перфект I. Наш материал показал, что переводчики использовали данную модель для передачи соответствующих временных форм ренарратива, представленных в болгарских текстах:

«Само една английска шевна машина не продавала, защото ако съвсем изпаднала, щяла да я заложу» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 52).–

«Само една англиска машина за шиене не ја продавала, затоа што ако сосем осиромашела, ќе ја заложела» (пер. Д. Крстевскогo).

«Божо каза, че утре щял да свали овците по-рано към село» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 107).– «Божо рече дека утре ќе ги однесел овците порано накај село» (пер. Д. Крстевскогo).

«Пушел на прозореца от сутрин до вечер и дори ноцем, ако човек минел по тясната уличка край реката, щял да види огънчето на цигарата му в мрака»(А. Баев, «Светата крџ», с. 101). –«Пушел на прозорецот од утро до вечер, дури и ноќе, ако човек поминел по тесната уличка край реката, ќе го видел жарчето од цигарата во неговата рака» (пер. Б. Георгиева).

Однако следует отметить, что форма Б со значением ренарратива встречается в переводах на македонский язык чаще, чем в оригинальных текстах. Данное явление может быть обусловлено тем, что в изъявительном наклонении нейтральная форма будущего времени с частицей *ќе* и глаголом совершенного вида в настоящем времени и имперфекте в македонском языке служит для выражения обычных, многократно повторяющихся действий [Усикова 2003: 204]. Поскольку контекст требует употребления форм ренарратива вместо будущего или будущего в прошедшем изъявительного наклонения, переводчик использует пересказывательные формы данных глаголов, сохраняя семантику исполнения персонажем многократных обыденных действий. В нашем материале были зафиксированы несколько таких случаев, напр.:

«Като припнел кочџт нагоре из баира, Божо не можел да го стигне и така ракијата му се запазвала за по-дџлго време» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 98).– «Кога ќе го потерал овенот нагоре по ридот, Божо не можел да го стигне и така ракијата му стоела неиспиена подолго време» (пер. Д. Крстевскогo).

«Петлите не кукуригали сутрин, докато пеел на бебето, и гаргите по клоните на тополите млъкваха, щом той си отворел устата» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 54).– «Петлите не кукурикаше наутро додека му пеел на бебето и враните по гранките на тополите замолкнаха итхом ќе отворел уста» (пер. Д. Крстевскогo).

«Вечер двамата – Горан и куцият – си пиеле заедно ракийка и като се напиеле, Куцият пеел така, като че под ребрата имал двацет и едно срца» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 58).– «Навечер двајцата – Горан и овој што поткривнувал– си пиеле заедно ракија и откако ќе се напиеле, куциот така пеел небаре под ребрата имал двацет и едно срце» (пер. Д. Крстевскогo).

Что касаетя перевода ренарративных форм перфекта и плюсквамперфекта, в македонском языке нет специальных форм перфекта I для пересказывания - исследователями выявлены только специальные формы для пересказа перфекта II и III (см. [Усикова 2003: 217]). Поэтому для перевода данных глагольных форм, присутствующих в болгарских текстах, в некоторых случаях переводчик использовал формы перфекта I с глаголами СВ и НСВ, напр.:

«Никога не се бил чувствал толкова свободен»(Г. Господинов, «Естествен роман», с. 145). – «Никогаи не се чувствувал толку слободен» (пер. Н. Маџирова).

«Била си направила кукла (тој викаше истукан), голяма колкото тригодишно дете» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 128). – «Си направила кукла (тој викаше кумир) голема колку тригодишно дете» (пер. Н. Маџирова).

«Така баба ми Младена почти си била стъпила на краката, когато Горан, мъжът ѝ, се върнал» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 55).– «Така баба ми Младена речиси застанала на нозе, кога Горан, нејзиниот маж се вратил» (пер. Д. Крстевскогo).

«Двете били от рода на Черневите, стара възрожденска фамилия, от

която бил останал само някакъв далечен племенник»(А. Баев, «Светата кръв», с. 71). – «Двете биле од фамилијата Черневи, старо преродбеничко семејство, од кое останал само некој далечен предок, поручик во коњицата...»(пер. Б. Георгиева).

Перевод сложноподчиненным предложением с союзом *како да*

Сложноподчиненные предложения с союзом *како да* в македонском языке служат для выражения сравнения и вводят придаточную часть, которая обычно относится к главному предложению в целом [Усикова 2003: 275]. После частицы *да* может находиться глагол в темпоральных формах настоящего времени или перфекта – в этом случае *да*-конструкция с глагольной формой на *-л-* может указывать на результат действия или на модальное значение пересказа [Усикова 2003: 213].

Материал показал несколько употреблений, где перевод болгарских ренарративных форм был выполнен с помощью подчинительного союза *како да* и перфекта I, напр.:

«И ракијата им станала не толкова сладка, абе какво ти, направо им загорчала, тѝй им загорчала, че строшили чаишите, пѝк станали да се махат, да се прѝждосат по дяволите, дявол ги взел»(А. Баев, «Светата кръв», с. 134). – «И ракијата повеќе не им беше толку вкусна, како сосема да им загорчала, толку им загорчала што ги искрише чаишите, па станале да се караат, да се тераат по ѓаволите, ѓавол да ги земе» (пер. Б. Георгиева).

«Ей това ги сравнило със самата ч-ска земя, направо ги заровило, сякаш се била разтворила под краката им да ги погълне всичките...» (А. Баев, «Светата кръв», с. 134). – «Ова ги срамнило до земја, целосно ги ничкосало, како да се отворила од под нивните нозе и целосно да пропаднале...» (пер. Б. Георгиева).

Следует отметить, что во втором предложении союз *како да* в

переводе произведения на македонский язык замещает болгарское модальное слово *сякаш*, выражающее, главным образом, сравнение.

В некоторых случаях в предложении присутствовало несколько сложноподчиненных частей, выражающих сравнение, и тогда способ их перевода зависел от решения переводчика. В следующем примере переводчик использовал союз *како да* + перфект I и *како* (с опущением частицы *да*) + перфект I для введения нового сложноподчиненного предложения со схожей семантикой:

*«Той му пјал и така пјал, **како че** десет срца имал под ребрата и **како че** сам той имал щерка на тоя свят»* (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 57).
– *«Тој му пеел и му пеел како да имал десет срца под ребрата и **како** само тој имал ќерка на сиот бели свет»* (пер. Д. Крстевскогo).

В этом примере с помощью союза *како да* переводчик передает модальную конструкцию *како че*, которая обычно вводит сравнительный оборот и присутствует в оригинальном тексте.

2.2.3.1.2 Перевод ренарратива другими временными формами изъявительного наклонения

В материале были зафиксированы случаи перевода болгарских эвиденциальных форм различными временными формами изъявительного наклонения (формами настоящего времени, имперфекта или аориста), не выражающими эвиденциальное значение, без добавления каких-либо лексических маркеров для передачи соответствующих значений. Всего нами было выявлено 45 таких случаев, что составляет 5,1 % от общего числа. Необходимо отметить, что во многих предложениях перевод эвиденциальных форм другими временными формами изъявительного наклонения сопровождается формами перфекта I для передачи форм со сходным эвиденциальным значением: переводчик использовал разные формы для передачи однородных членов или глаголов в сложносочиненных предложениях, напр.:

«Баца ми, Кирил Харитов, си падал малко анархист и бил откаран в участъка с първите забрани от къщите им още на другия ден след атентата в С. - на Разпети петък» (А. Баев, «Светата кръв», с. 26).— «Татко ми Кирил Харитов беше анархист и бил однесен во полициската станица, веднаш по првите кукни притвори, веќе следниот ден по атентатот во С. – на Велики петок» (пер. Б. Георгиева).

«Жена му, Катја, загинала в атентата в Света Недеља, била там с малкият им син, кога адската машина гръмнала» (А. Баев, «Светата кръв», с. 34).—

«Жена му, Катја, загина во атентатот на Света Недеља, била таму со помалиот син, кога неколната машина загрмела» (пер. Б. Георгиева).

«Монахините казваха, че през малкият процес можели да минат само праведниците, грешниците засядали и требвало да ги вадят с вџе. Тук се оттегляли на пост и молитва с дни» (А. Баев, «Светата кръв», с. 66).—

«Монахињите рекоа дека низ малиот процес може да поминат само праведните, грешните се заглавувале и требале да ги вадат со јаже. Тука со денови се оддаваат на пост и на молитва» (пер. Б. Георгиева).

Можно отметить, что употребление временных форм А и И в первом и втором примере вполне обосновано — они представляют неоспоримые факты, отражающие действительность: так, отец героя действительно когда-то был анархистом («Татко ми Кирил Харитов беше анархист...»), а жена другого персонажа погибла на самом деле («Жена му, Катја, загина во атентатот на Света Недеља...»).

Обычно формы А и И в македонском языке используются в том случае, когда говорящий хочет подтвердить достоверность событий, о которых идет речь. При употреблении -л-форм, говорящий решает не подтверждать определенную информацию или может подразумевать, что эта информация не основана на непосредственном наблюдении или является предположением [Kramer, Mitkovska 2011: 291]. Нельзя сказать, что герой наблюдал события, переданные формами Н, И и А своими глазами — во всех вышеперечисленных примерах говорящий еще не родился и получал эту

информацию с чужих слов — со слов своего отца, учителя или монахинь.

Можно предположить, что выбор временной формы глагола для перевода обусловлен тем, что семантика пересказа уже передается другими глагольными формами в том же предложении (кроме того, в последнем примере контекст пересказа может быть обнаружен читателем из глагола *рекоа*), а также индивидуальным стилем переводчика – возможно, переводчик чувствовал меньшую дистанцированность говорящего от определенной информации. В нашем материале также были выявлены случаи, когда глаголы, выраженные в оригинальном болгарском тексте временной формой индикатива, в переводе на македонский язык предстают в перфекте I, напр.:

«Вярно, казах си, Никола наистина си е бил камишика, може и от страх да го е сторил , ама зацо пък Гергана, като вижда везира <...>взема, че си мие пред него краката?»(А. Баев, «Светата кръв», с. 36).—*«Вистина, си помислив. Никола не се појавил, може и од страв го сторилтоа, но зошто пак Гергана, кога го видела везирот, наместо да се тргне, почнала да си ги мие нозете пред него?»* (пер. Б. Георгиева).

«Иначе, казваха, била с добро сърце, помагала много на фронтоваците, които се заврџаха осакатени в Ј.»(А. Баев,«Светата кръв», с. 20). – *«Инаку, велеа, била со добро срце, многу помагалана луѓето што оделе на фронт и осакатени се враќале во Ја»* (пер. Б. Георгиева).

В последнем примере можно отметить, что к употреблению форм ренарратива, которые переводчик использует в македонском тексте вместо нейтральных форм, присутствующих в болгарском оригинале, подталкивает глагол *казваха* (*велеа*), обозначающий несвидетельский источник информации.

В материале также зафиксированы случаи, где единичные болгарские ренарративные формы (находящиеся не в составе однородных членов или сложного предложения) переводятся временными формами изъявительного наклонения. Вследствие этого, значение ренарратива теряется в переводах на

македонский язык и пропадает дистанцированность говорящего от полученной информации. В следующих примерах ренарратив в болгарских текстах подчеркивает, что говорящий узнал информацию с чужих слов, но в переводах это не отражено:

«А той отврѣщаше, че ей тѣй, на майтан, даже не харесвал АББА, и се заливаше от смях» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 72). – *«А тој одговараше дека ете така, без врска, дури «АББА» не му се ни допаѓа, и се кинеше од смеа»* (пер. Н. Маџирова).

«Беше чувала, че женското мляко струвало скъпо в града, но билетът до Перник беше десет лева» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 97). – *«Имаше слушнато дека женското млеко е скапо во градот, но билетот до Перник беше десет лева»* (пер. Д. Крстевскогo).

«Оттогава Виолета не слушала музика, изпитвала панически ужас от музиката и предпочитала немите филми...» (А. Баев, «Светата кръв», с. 20). – *«Оттогаш Виолета не слуша музика бидејќи доживува паничен страв од музиката и ги претпочита само немите филмови...»* (пер. Б. Георгиева).

«Така и не узна, че Виолета е в лагера в Скравена – като врага на народа... Пуснали я през јануари 1962» (А. Баев, «Светата кръв», с. 128). – *«Така и не дозна дека Виолета е во логорот Скравена — като непријател на народот. Ја пуштија во јануари 1962 година»* (пер. Б. Георгиева).

2.2.3.1.3 Синтаксические конструкции со вспомогательным глаголом сум и причастием на -н/-т (перфект III)

В нашем материале были зафиксированы случаи перевода болгарских эвиденциальных форм на македонский язык перфектом III, или синтаксическими конструкциями с глаголом-связкой сум в различных темпоральных формах и и причастием на -н/-т, которое согласуется в роде и числе с субъектом действия в активном залоге и с косвенном дополнением в пассиве. Семантическое отличие темпоральных форм

перфекта I и II от конструкции с глаголом *сум* и причастием *-н/-т* состоит в том, что данная конструкция может выражать только актуальный результат конкретного действия, в то время как формы перфекта I и II — актуальный результат как конкретного, так и обобщенного прошлого действия [Усикова 2003: 208].

У перифрастических конструкций типа *сум* + причастие на *-н/-т* так же, как у перфекта II, существуют пересказывательные формы, где вместо глагола *сум* выступает причастие *бил* и изменяется по лицам и числам. Всего было выявлено несколько случаев употребления перфекта III для перевода болгарских форм ренарратива в активном залоге:

«Синът им Румен се хващал като нас - по строежите. Запилявал се за дълго» (А. Баев, «Светата кръв», с. 109). — «Син им Румен работел како нас — по градилиштата. Долго време бил заминат» (пер. Б. Георгиева).

«Очите му съвсем потънали в ямите си, а ръката му силно треперела, докато пишел телеграмата» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 102). — «Очите сосема му биле потонати во очните шумплини, а раката силно му треперела додека ја пишувал телеграмата» (пер. Н. Маџирова).

Также нами были зафиксированы несколько употреблений конструкции *сум* + причастие *-н/-т* в пассивном залоге, напр.:

«Твърдеше, че текстовете били от бившият ѝ мъж, който искал да я злепостави» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 17). — «Твърдеше дека текстовите биле напишани от нејзиниот поранешен маж, кој сакал да ја посрамоти» (пер. Н. Маџирова).

2.2.3.1.4 Перфект II

К перфектным временам в македонском языке, кроме перфекта I, относится и перфект II, который образуется с помощью вспомогательного глагола *има/нема* + причастия на *-но/-то*. Причастие выступает в неизменяемой форме ср. р. ед. ч. и указывает на результат действия, в то

время как вспомогательный глагол *има/нема* несет грамматическую информацию о времени, лице и числе [Усикова 2003: 207].

В нашем материале случаи перевода болгарских эвиденциальных форм перфектом II представлены немногочисленно - 0,7 % от общего числа форм, однако они достаточно разнообразны. Нами были зафиксированы примеры, где вспомогательный глагол *има/нема* предстает в различных глагольных временах, в т.ч. в пересказе.

В нашем материале были выявлены единичные случаи употребления перфекта II с глаголом-связкой *има*:

«...так ѝ каза леля Рени, майката на Марко – вече ги бил забравил и си имал друга леличика, някаква испанка» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 151). – «...така ѝ рече тета Рени, майката на Марко – веќе ги има заборавено и си имал друга тетка, некаква си Шпанка» (пер. Д. Крстевского).

«Говореше ми често за баба си Маргарита, която я гледала, докато станала на десет» (А. Баев, «Светата кръв», с. 132). – «Често ми говореше за баба ѝ Маргарита, која ја има чувано додека наполнила десет години» (пер. Б. Георгиева).

Сложно сказать, почему в последнем примере переводчик предпочел использовать непересказывательную форму перфекта II со вспомогательным глаголом *има* при переводе с болгарского языка при наличии прошедшего временного контекста. Формы перфекта II имеют те же основные темпоральные значения, что и перфект I — наличие результата совершившегося действия, актуального для момента речи, и возможно, переводчик хотел передать эвиденциальное значение ближе к исходному высказыванию.

Наш материал показал случаи употребления вспомогательного глагола *има* в прошедшем временном плане при переводе болгарских эвиденциальных форм. Данную форму исследователи относят к плюсквамперфекту II [Макарцев 2013: 107, Усикова 2003: 207, Friedman

2002: 29], который выражает результат действия для прошедшего ориентационного момента. Нами было зафиксировано несколько таких употреблений, напр.:

«Момичето вървеше по пътеката, цялото слънце на лятото легнало в косата ѝ, синият цвят на небето взел, че останал целият в дългата ѝ рокля» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 180). – *«Девојката одеше по патеката, целото сонце на летото легнало во нејзината коса, сината боја на небото се имаше преселено во нејзиниот долг фустан»* (пер. Д. Крстевскогo).

«Така и го намерили- с цигара в рџка, която била опърлила прџстите му, преди да угасне...»(А. Баев, «Светата крџв», с. 101). – *«Така и го нашле,— со цигара во рака, која му ги имаше изгорено прџстите, пред да се угаси...»* (пер. Б. Георгиева).

Следует отметить, что в последнем примере перфектом II с глаголом *имаше* переводится форма ренарративного плюсквамперфекта, присутствующего в оригинальном тексте. Как показывает материал, перфект II с глаголами *има* и *имаше* может служить для перевода болгарских перфектных форм ренарратива на македонский язык, однако следует отметить, что данные формы перфекта II изъявительного наклонения не несут пересказывательной семантики.

Нами были зафиксированы случаи перевода ренарративных форм II с помощью специальных пересказывательных форм перфекта II, где вспомогательный глагол *има* получает суффикс *-л*. Во всех таких формах, кроме 3 л. ед. и мн. ч., к образованному причастию *имал* и неизменяемому причастию на *-но/-то* добавляется глагол-связка *сум*, которая изменяется по лицам и числам.

Материал показал два употребления пересказывательной формы перфекта II, с помощью которых были переданы ренарративные формы II в болгарских произведениях:

«...като се развика, че сѝм го лѝгала, че той там жена не бил поглеждал, карал по две смени...» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 97). – «...кога се развика дека сум го лажела, дека тој таму немал жена погледнато, дека издржувал по две смени...» (пер. Н. Маџирова).

«Влязла тя в банята и там, на огледалото, със собственото ѝ червило она бил написал: «186 шоколада!!» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 132). – «Влегла во бањата и таму, на огледалото, со нејзиниот кармин, оној имал напишано: «186 чоколади!!» (пер. Н. Маџирова).

2.2.3.2 Перевод форм конклюдива

Для выражения умозаключения и предположения в македонском языке исследователи отмечают употребление форм перфекта I или частицы *ќе* + *да*-конструкции с глаголами имперфекта, аориста или формами перфекта I в зависимости от темпорального плана произошедшего события [Усикова 2003: 211-212]. В нашем материале не было выявлено использование конструкции *ќе* + *да* с глаголами в разных временных формах, однако материал показал, что возможно употребление некоторых способов перевода, которые были описаны выше для перевода ренарративных форм. Для выражения ренарративных и конклюдивных значений в македонском языке служат одни и те же средства, и исследователи отмечают, что, напр., для перфекта I любое употребление данной глагольной формы может быть интерпретировано по-разному – как временной формы, подчеркивающей результативность действия, так и формы, передающей конклюдивное или ренарративное значение, и иногда обращение к контексту не всегда может обеспечить однозначность определения значения перфекта [Макарцев 2013: 110].

Нами были зафиксированы следующие способы перевода конклюдивных форм с болгарского языка на македонский:

- Перфект I (89,6 %);

- Перевод другими временными формами изъявительного наклонения (6 %);
- Синтаксические конструкции со вспомогательным глаголом сум и причастием на -н/-т (перфект III) (4,4 %).

2.2.3.2.1 Перфект I

Болгарские конклюдивные формы, переданные перфектом I в македонском языке составляют абсолютное большинство – 89,6 %. Переводчики использовали данную глагольную форму для выражения различных временных форм конклюдива в болгарском языке, например, для передачи Н и И конклюдива:

*«Хрумва ми, че един от ония шест Божји дни **сигурно** е траел според днешните ни представи към милион години»*(Г. Господинов, *«Естествен роман»*, с. 104). – *«Ми доаѓа на ум дека еден од оние шест Божји денови **сигурно** траел околу милион години според нашите денешни претстави за времето»* (пер. Н. Маџирова).

*«**Сигурно** в предишния си живот си била законодател»* (З. Евтимова, *«Пернишки разкази»*, с. 69). – *«**Сигурно** во претходниот живот си била законодавец»* (пер. Д. Крстевскогo).

*«Господин учителю, **може би** Гергана не е очаквала, че везирът ще тръгне да я задиря?»* (А. Баев, *«Светата кръв»*, с. 37). – *«Господине учителе, **можеби** Гергана не очекувала дека везирот ќе почне да се шегува со неа?»* (пер. Б. Георгиева).

*«**Може би** Виолета си е била една и съща от самото начало, но аз съм я възприемал различна заради собствената си заблуда...»* (А. Баев, *«Светата кръв»*, с. 82). – *«**Можеби** Виолета била една иста личност од самиот почеток, но јас сум ја чувствувал различно, поради сопствената си заблуда...»* (пер. Б. Георгиева).

Следует отметить, что во всех болгарских примерах, представленных выше, конклюдив выражен на двух уровнях: с помощью грамматических

конклюдивних форм и с помощью модальных лексических маркеров (*сигурно, може би*), которые были сохранены при переводе произведений на македонский язык.

Для передачи аористной формы конклюдива, присутствующей в текстах на болгарском языке, переводчики часто использовали формы перфекта I с -л-формами глаголов совершенного вида, напр.:

«Подозирам, че Бог е създал това странно семейство, за да ни каже нешто» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 126). – *«Претпоставувам дека Бог го создал ова необично семејство за да ни каже нешто»* (пер. Н. Маџирова).

«Имам чувството, че сџвсем се е чалнал» (А. Баев, «Светата крџв», с. 35).–

«Имам претчувство дека сосема се мрднал» (пер. Б. Георгиева)

«Той е завел твоя Гошко при ластовиците и кокичетата, за да оздравее, и после двамата са довели пролетта в нашия блок» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 49).– *«Тој го однел твојот Гошко кај ластовиците и кокичињата, за да оздрави и потоа двајцата ја донеле пролетта во нашето маало»* (пер. Д. Крстевскогo).

«... може би точно това е взривило любовта им, изпепелило я еи от нея е останала само черната пепел на нагона за власт над другия»(А. Баев, «Светата крџв», с. 107).–*«...можеби токму тоа ја одвеало нивната љубов, ја изгорело и од неа останала само црна пепел со нагон за власт над другите»* (пер. Б. Георгиева).

Для единичных конклюдивных форм II и B, зафиксированных в материале, переводчик использовал другой способ перевода, который будет рассмотрен далее.

Перевод сложноподчиненным предложением с союзом *како да*

На основе нашего материала было выявлено несколько случаев употребления сложноподчиненных предложений с союзом *како да и*

глаголом в форме перфекта I для перевода конклюдивных форм в болгарском языке. С помощью такой конструкции были переданы различные временные формы конклюдива: редкие формы перфекта и плюсквамперфекта, будущего и будущего в прошедшем, а также зафиксировано использование данной конструкции для перевода конклюдивного аориста. Следует отметить, что здесь, как и в ренарративе, в оригинальных текстах присутствуют модальные слова и конструкции, передающие значение сравнения, и переводчики использовали *како да* для введения сравнительного придаточного. Так, несколько примеров из болгарских произведений содержат наречие *сякаш*, употребляющееся вместе с конклюдивными формами:

«А от артистите я привлече единствено възрастният Хари Бор от голямата любов на Бетовен... Да, и другият мустакач чичко - Джон Баримор в Двадесети век, **сякаш** векът от самото начало се е бил забързал към края си...» (А. Баев, «Светата кръв», с. 20). – «А од актери ја привлекува единствено возрастниот Хари Бор од Големата љубов на Бетовен... Да, и другиот чичко со мустаки – Џон Баримор во Дваесетиот век, **како** векот од самиот почеток да се забрзал кон својот край...» (пер. Б. Георгиева).

«Тапата беше запечатана с восък. **Сякаше** щял да я хвърлив реката» (А. Баев, «Светата кръв», с. 102). – «Тапата беше запечатана со восок. **Како да сакал** да го фрли во реката» (пер. Б. Георгиева).

В другом, единичном примере для перевода конклюдива, сложноподчиненное предложение с союзом *како да* было использовано переводчиком для передачи модальной конструкции *като че*, вводящую сравнительное придаточное в болгарском языке:

«Виж какъв е боклук, **като че** си копалс него на нивата и са го настъпали кравите – изрече погнусено крѣчмарят» (З. Евтимова, «Пернишки разкази», с. 61). – «Гледај какво губре е ова, **како да** си копал со него по нивата и го газелле крави – згасено рече крѣчмарот» (пер. Д. Крстевскогo).

2.2.3.2.2 Перевод другими временными формами изъявительного наклонения

Как и для перевода ренарративных форм, материал показал, что переводчики использовали формы И и А для передачи значения конклюдива с болгарского языка. Такие случаи перевода глаголами других временных форм не многочисленны — они составляют всего 6 % от общего числа. Следует отметить, что при переводе конклюдивных форм на македонский язык в примерах присутствуют синтаксические и лексические маркеры, указывающие на значение предположения или сомнения, но они также приведены в болгарских текстах, и, следовательно, носят переводной характер.

Нами был зафиксирован случай употребления формы И изъявительного наклонения в одном контексте вместе с перфектом I, передающим умозаключение говорящего:

«Не знам дали сѝм виждалнея самата в детството ѝ, или сѝнят се е опитвал да замести огромната липса в живота ми» (А. Баев, «Светата крѝв», с. 104). — *«Не знам дали сум ја видел самата неа во нејзиното детство, или сонот се обидување да го замени огромниот недостиг во мојот живот»* (пер. Б. Георгиева).

Возможно, переводчик выбрал глагол в имперфекте для передачи конклюдивной формы в данном примере, т. к. значение предположения уже выражено первой формой (*сум ја видел*), и введение двух форм перфекта I было бы излишним.

Также на основе нашего материала было выявлено единичное употребление А изъявительного наклонения для перевода болгарской конклюдивной формы, несмотря на присутствие в тексте лексического маркера *може би*, сохраненного переводчиком. Для перевода второй формы конклюдива переводчик применил прием синтаксической трансформации, объединив части сложноподчиненного предложения и заменив вторую конклюдивную форму отглагольным существительным:

«Може би е ненавиждал Виолета, като е прехвърлял несъзнателно собствената си вина върху нея...» (А. Баев, «Светата кръв», с. 107).— «Можеби ја замрази Виолета, со непромисленото префрлање на сопствената вина врз неа...» (пер. Б. Георгиева).

2.2.3.2.3 Синтаксические конструкции со вспомогательным глаголом сум и причастием на -н/-т (перфект III)

В нашем материале были зафиксированы несколько случаев, где переводчики использовали формы перфекта III для передачи конклюдивных форм в македонском языке. В отличие от примеров употребления синтаксических конструкций с глаголом-связкой сум и причастием на -н/-т, изложенных в данной работе для перевода ренарративных форм на македонский язык, для конклюдива сум представлен только в формах изъявительного наклонения. Это подтверждает, что причастие бил, которое употребляется в данной конструкции в ренарративе, используется только для пересказа.

Материал показал несколько словоформ, где перфект III с глаголом сум используется в настоящем времени для передачи конклюдивной формы болгарского языка, напр.:

«Помня как от муха станах пак аз и вече бях сигурен, че е дошъл моментът на шамарите» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 72).— «Паметам како од мува станав пак јас и веќе бев сигурен дека е дојден моментот на шлаканиците» (пер. Н. Мацирова).

«Мислех, помислих си, че всичко е минало, че не се е случвало, че сѝм сѝнувал» (А. Баев, «Светата кръв», с. 57).— «Мислев, си помислив дека сè е минато, дека не се случило, дека сум сонувал» (пер. Б. Георгиева).

Также нами было выявлено единичное употребление конструкции со вспомогательным глаголом сум и причастием на -н/-т в имперфекте, которое переводчик использовал для перевода болгарской формы конклюдива на македонский язык:

«Имах усещането, че се е просмукало в мебелите, в тапетите, в мокета» (Г. Господинов, «Естествен роман», с. 46). – *«Имав чувство дека беше впиена во мебелот, во тапетите, во теписонот»* (пер. Н. Маџирова).

2.2.3.3 Выводы

В целом материал показал, что перевод ренарративных и конклюдивных форм, выявленных в текстах произведений на болгарском языке, в большинстве был передан способами, описанными в последних исследованиях по эвиденциальности в македонском языке (наиболее полно они представлены в работах [Макарцев 2013, Усикова 2003, Stanojoski 2018], а именно: формами перфекта I и II, а также синтаксическими конструкциями со вспомогательным глаголом *сум* и причастием на *-н/-т* (перфектом III). Для перевода эвиденциальных форм на македонский язык переводчики отдавали предпочтение перфекту I, благодаря его семантике, функциональным возможностям и частотности употребления в македонском языке (несмотря на кодифицированность перфекта II и III в современном литературном македонском языке, они более характерны для западной группы диалектов [Усикова 2003: 207]). Поскольку болгарские эвиденциальные формы развились из перфектных форм и перфект I в македонском языке приобрел значения пересказа и умозаключения, данная форма наиболее близка для передачи значений ренарратива и конклюдива.

Однако в материале также был зафиксирован и перевод эвиденциальных форм другими временными формами изъявительного наклонения, отличными от значения результата. Данный способ перевода составляют меньшинство для болгарских эвиденциальных форм (5,2 % соответственно в целом для конклюдива и ренарратива), вследствие этого можно предположить, что данные способы перевода в различных контекстах были решением переводчика и не являются широко распространенными для передачи эвиденциальных значений.

2.3 Выводы

В рассмотренных произведениях болгарской художественной литературы нами было зафиксировано 1644 эвиденциальных форм, из которых формы ренарратива составляют абсолютное большинство - 1506 употреблений (91,6 % от общего числа). Конклюдивные формы представляют 138 словоформ (8,4 % от общего числа), в то время как дубитативные формы не были выявлены в нашем материале.

Ренарратив, зафиксированный в произведениях болгарских писателей, представляет большое разнообразие временных форм: наиболее распространенными являются формы аориста — 752 употребления. Следующие по частотности — формы настоящего времени и имперфекта, которые составляют 700 словоформ. В материале также представлены другие временные формы ренарратива: формы перфекта и плюсквамперфекта (44 употребления) и будущего времени и будущего в прошедшем (11 случаев).

В нашем материале также зафиксированы различные формы лица и числа в эвиденциальных формах: наиболее употребительными в болгарской художественной прозе являются формы 3 л. ед. ч. (1242) и 3 л. мн. ч. (243). В рассмотренных произведениях были выявлены редкие формы 1 л. ед. ч. — 9 употреблений, а также формы 2 л. ед. ч. (11 случаев) и 2 л. мн. ч. (2 словоформы). Ренарративные формы 1 л. мн. ч. не были выявлены в проанализированной прозе болгарских писателей.

Материал показал, что наиболее употребительным временем для конклюдива так же является аорист — 75 словоформ, второе место по частотности в выборке занимают формы настоящего времени и имперфекта — 61 употребление. Конклюдивные формы перфекта / плюсквамперфекта и будущего / будущего в прошедшем представлены в рассмотренных произведениях единичными случаями.

Как и в ренарративе, конклюдивные формы в материале больше всего

представлены формами 3 л. ед. ч. — 98 употреблений. Следующими по частотности являются формы 1 л. ед. ч. — 19 словоформ и 3 л. мн. ч. — 11 случаев. Формы 2 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. составляют по 5 употреблений для каждой словоформы. Конклюдивные формы 2 л. мн. ч. в материале не представлены.

Далее нами были рассмотрены переводы данных произведений на русский, английский и македонский языки и зафиксированы различные способы перевода болгарских эвиденциальных форм. Для русского языка, где эвиденциальность не является самостоятельной грамматической категорией, были выявлены следующие способы перевода ренарративных форм:

- перевод формами изъявительного наклонения (с использованием приема лексического добавления или без него) — 88,4 %;
- Сложноподчиненными или бессоюзными сложными предложениями — 7,3 %;
- перевод с помощью конструкций с вводными словами (напр., *по слухам, по мнению, говорят, известно* и др.) — 2,8 %;
- Конструкциями с модальными речевыми частицами (ксенопоказателями), такими как *молидескать* — 0,9 %;
- Конструкциями с модальными словами (напр., *вроде бы, будто бы, наверное, очевидно* и др.) — 0,6 %.

Конклюдивные формы менее богато представлены в болгарских произведениях, переведенных на русский язык. Как отмечают исследователи, различие между конклюдивом и ренарративом существует в болгарском языке, скорее, формально [Ницолова 2006: 34], поэтому перевод ренарративных и конклюдивных форм возможен одними и теми же языковыми средствами. В нашем материале были выявлены следующие способы перевода болгарских конклюдивных форм на русский язык: перевод конструкциями с модальными словами (40,7 %), перевод сложным предложением (38,8 %) и перевод, выполненный с помощью глагольных форм изъявительного наклонения без каких-либо лексических или

синтаксических маркеров (20,5 %).

В английском языке, как и в русском, категория эвиденциальности не грамматикализована, и перевод эвиденциальных форм на английский язык может быть выполнен с помощью различных лексико-грамматических, лексических и прагматических маркеров. В данном разделе работы мы рассмотрели способы перевода как ренарративных, так и конклюдивных форм вместе, не разделяя их, т. к. для зафиксированных примеров наш материал показал употребление одних и тех же языковых средств для передачи конклюдива и ренарратива. Нами были выявлены следующие способы перевода болгарских эвиденциальных форм на английский язык:

- Перевод формами изъявительного наклонения без добавления лексических маркеров — 87,8 %;
- Сложноподчиненными предложениями с придаточным дополнительным, безличными сложными предложениями, а также с помощью парантез различного типа — 8,3 %;
- Перевод грамматическими и лексическими средствами, выражающими модальность (модальными глаголами *must*, *might* и *may*; добавлением модальных слов *probably*, *maybe*, *surely*, *obviously* и др.). — 3,1 %;
- Перевод с помощью конструкции *Complex Subject* — 0,8 %.

В македонском языке, в отличие от русского и английского, эвиденциальность является самостоятельной грамматической категорией. Наш материал показал, что для перевода болгарских ренарративных форм на македонский язык переводчики использовали:

- Перфект I (включая сложноподчиненные предложения с союзом *како да* и перфектом I) — 93 %;
- Перевод другими временными формами изъявительного наклонения (а именно с помощью настоящего времени, аориста и имперфекта) — 5,1 %;
- Синтаксические конструкции со вспомогательным глаголом *сум* и

причастием на *-н/-т* (перфект III) (1,2 %);

- Перфект II (0,7 %).

Для перевода конклюдивных форм, зафиксированных в рассмотренных болгарских произведениях, на македонский язык наиболее продуктивным является перфект I (89,6 %), однако материал показал, что также возможен перевод конклюдива формами аориста и имперфекта изъявительного наклонения (6 %) и перфектом III (4,4 %).

Проанализированный переводной материал показал, что в языках, где категория эвиденциальности не является самостоятельной грамматической категорией, перевод глагольными формами изъявительного наклонения является наиболее распространенным среди переводчиков (ср. 88,4 % в русском и 87,8 % в английском языках). В македонском для выражения значений ренарратива и конклюдива самым употребительным способом перевода является перфект I, который, как и болгарские перфектоподобные формы, со временем приобрел дополнительные значения передачи несвидетельской информации и умозаключения или предположения.

Заключение

Современный болгарский язык имеет сложную эвиденциальную систему, выражающую различные значения: передача событий, непосредственно наблюдаемых говорящим (индикатив), пересказ информации, полученной от другого лица (ренарратив), предположение говорящего на основе наблюдаемой ситуации (конклюдив) и эпистемическая невозможность, или сомнение говорящего (дубитатив).

В работе были проанализированы 1644 формы косвенных эвиденциалов, употребленных в произведениях болгарской художественной литературы. На основе собранного материала было выявлено 1506 употреблений ренарративных форм и 138 словоформ конклюдива. Дубитатив не был зафиксирован в рассмотренных произведениях.

Состав ренарратива представлен следующими временными формами:

- настоящего времени и имперфекта – 46,5 %,
- аориста – 49,9 %,
- перфекта и плюсквамперфекта – 2,9 %
- будущего времени и будущего в прошедшем – 0,7 %.

Ренарративные формы будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем не были выявлены в рассмотренном материале.

Наиболее употребительной временной формой конклюдива в исследуемых произведениях является форма конклюдивного аориста – 54,4 %. Реже употребляются формы имперфекта – 44,2 %, в то время как конклюдивные формы плюсквамперфекта и будущего в прошедшем в материале представлены в единичных случаях (0,7 % для каждой словоформы).

При переводе эвиденциальных форм с болгарского на русский язык значение передачи сведений с чужих слов или умозаключения не было

отражено в большинстве случаев – чаще всего были использованы временные формы изъявительного наклонения без добавления каких-либо лексических и синтаксических маркеров (88,4 %). При наличии специфических маркеров эвиденциальности в оригинальных текстах болгарских произведений, переводчики сохраняли их, и при переводе, таким образом, ренарративные и конклюдивные значения были отражены. В других случаях переводчики добавляли при переводе подобные лексические маркеры эвиденциальности, отсутствующие в болгарских оригиналах. Материал показал, что в русском языке эвиденциальные значения могут быть также выражены с помощью сложноподчиненных и бессоюзных сложных предложений (7,3 %), вводных конструкций (2,8 %), ксенопоказателей (0,9 %) и конструкций с модальными словами (0,6 %).

Эвиденциальные маркеры, передающие значение ренарративных и конклюдивных форм болгарского языка, в текстах переводов исследуемых произведений на английском языке использовались переводчиками реже по сравнению с переводами данных произведений на русский язык. Поскольку категория эвиденциальности в английском языке, как и в русском, не грамматикализована, абсолютное большинство болгарских форм конклюдива и ренарратива были переданы временными формами изъявительного наклонения без добавления каких-либо лексических маркеров (87,8 %). В других случаях эвиденциальные значения пересказывания и предположения были выражены в английских переводах с помощью различных синтаксических конструкций: сложными предложениями с дополнительной придаточной частью (8,3 %), конструкцией Complex Subject (0,8 %), а также с помощью лексических средств: модальных глаголов и модальных слов и наречий (3,1 %).

Как и в болгарском языке, в македонском категория эвиденциальности грамматикализована, и наш материал показал, что формы перфекта I, которые могут выражать как ренарративные, так и конклюдивные значения, являются наиболее распространенными для перевода болгарских

эвиденциальных форм (93 %). В меньшей степени эвиденциальные формы, присутствующие в оригинальных болгарских произведениях, были переданы другими временными формами изъявительного наклонения — настоящим временем, имперфектом и аористом (5,1 %), при этом в одном предложении могут быть представлены как формы перфекта I, выражающие эвиденциальные значения, так и другие временные формы индикатива, употребленные переводчиками для передачи неоспоримых фактов действительности. Также для перевода ренарративных и конклюдивных форм переводчиками были использованы синтаксические конструкции со вспомогательным глаголом *сум* и причастием на *-н/-т*, или формы перфекта III (1,2 %), и формы перфекта II (0,7 %).

Различные способы перевода ренарративных форм с болгарского языка на русский были рассмотрены и перечислены в трудах многих исследователей [напр., Дёмина 1959, Маслов 1981, Шанова 2014 и др.], однако новизна данной работы состоит в том, что в ней представлены используемые переводчиками средства передачи болгарских эвиденциальных форм не только на русский, но и на английский язык, не описанные лингвистами ранее. Результаты исследования позволяют сравнить и сопоставить различные переводческие решения, характерные для русского и английского языков, где категория эвиденциальности не грамматикализована, что может послужить материалом для дальнейших исследований.

Для македонского языка глагольные формы, выражающие эвиденциальные значения, также широко представлены в работах современных ученых [напр., Усикова 2003, Макарцев 2013, Friedman 2002 и др.], однако исследование, проведенное в данной работе позволяет сопоставить выражение категории эвиденциальности в данных языках на параллельных материалах и выявить наиболее употребительные формы для выражения эвиденциальных значений при переводе с болгарского на македонский язык.

В работе представлены и описаны наиболее употребительные синтаксические конструкции и лексические показатели, передающие эвиденциальные значения, а также приводится частотность употребления этих средств для перевода эвиденциальных форм болгарского языка на русский и английский языки, где данная категория не грамматикализована. Фактический материал и выводы могут быть использованы при составлении учебно-методических пособий для студентов по теории и практике перевода.

Список сокращений

- Л. – лицо;
Ед. ч. – единственное число;
Мн. ч. – множественное число;
Н – настоящее время;
И – имперфект;
А – аорист;
П – перфект / плюсквамперфект;
Б – будущее время / будущее в прошедшем;
Р – ренарратив;
Д – дубитатив;
К – конклюдив.

Список источников

1. Баев А. Светата кръв. София: Корпорация Развитие КДА, 2016. - 146 с.
2. Баев А. Светата кръв. Скопје: Антолог, 2018. - 146 с.
3. Господинов Г. Естествен роман. Пловдив: Жанет-45, 2013. - 152 с.
4. Господинов Г. Естественный роман. М.: Центр книги Рудомино, 2012. - 192 с.
5. Господинов Г. И други истории. Пловдив: Жанет-45, 2008. - 101 с.
6. Господинов Г. Кальсоны истории (перевод Э. Мезенцевой). URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/s23.html> (Дата обращения: 16.11.2019).
7. Господинов Г. Пионы и незабудки. Восьмая ночь (перевод М. Ширяевой). URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2005/9/gg20.html> (Дата обращения: 17.11.2019).
8. Господинов Г. Природен роман. Скопје: ИЛИ-ИЛИ, 2018. - 158 с.
9. Евтимова З. Пернишки раскази. Пловдив: Жанет-45, 2012. - 253 с.
10. Евтимова З. Пернички раскази. Скопје: МАГОР ДОО Скопје, 2019. - 256 с.

11. Студентско преводаческо майсторство (преводи на млади преводачи). Катедра «Русистика». Книга 2. Велико Търново: УИ «Св. св. Кирил и Методий». 2012. - 151 с.
12. Студентско преводаческо майсторство (преводи на млади преводачи). Катедра «Русистика». Книга 4. Велико Търново: УИ «Св. св. Кирил и Методий». 2018. - 160 с.
13. Талев Д. Железният светилник. София: Захарий Стоянов, 2002. - 498 с.
14. Талев Д. Железният светилник. София: Свят, 1990. - 440 с.
15. Gospodinov G. And Other Stories. Illinois: Northwestern University Press, 2007. - 96 p.
16. Gospodinov G. Natural Novel. London: Dalkey Archive Press, 2005. - 136 p.
17. Talev D. The Iron Candlestick. Sofia: Foreign Languages Press, 1964. - 392 p.

Список использованной литературы

1. Алексова 2003 – Алексова К. Адмиративът в съвременния български език. София: Сема РИ, 2003. - 216 с.
2. Алексова 2003а – Алексова К. Удостоверителен перфект или умозаключителен аорист – от теоретичните основи към преподаването на чужденци. URL: http://belb.info/personal/aleksova/aleksova_confer40.pdf (Дата обращения: 11.05.2022).
3. Алексова 2004 – Алексова К. Отношението модалност – евиденциалност – презумптивност (с оглед и на българския език). URL: <http://belb.info/personal/aleksova/mod-ev-prezumpt.pdf> (Дата обращения: 07.04.2022).
4. Алексова, материалы лекций по болгарской филологии – Алексова К. Глаголната категория евиденциалност (модус на изказването на действието) в съвременния български език.
5. Алексова 2015а – Алексова К. Употреби на дубитатива в съвременния български език // Филологическият проект – кризи и перспективи. Сборник

- доклади от международна научна конференция (24-26 април 2015). Велико Търново: Фабер, 2015. С. 297–314.
6. Алексова 2015б – Алексова К. Значение и форми на дубитатива в съвременния български език // Да (пре)откриваш думите. Юбилеен сборник, посветен на проф. д.ф.н. Вера Маровска. Пловдив: УИ «Паисий Хилендарски». 2015. С. 35-48.
 7. Алексова 2016 – Алексова К. Темпорална парадигма на българския дубитатив // Българистични четения - Сегед 2015, 11–12 юни 2015 г. Szeged: JATEPress. 2016. С. 39-53.
 8. Алексова 2016а – Алексова К. Дубитативът в съвременния български език, лексикалните модификатори за достоверност и маркерите за емотивност // Отговорността пред езика. Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. Добриня Даскалова. Шумен: УИ «Епископ Константин Преславски». 2016. С. 23-41.
 9. Алексова 2016б – Алексова К. Конклузивът и неговите употреби в съвременния български език. URL: <https://liternet.bg/publish7/kaleksova/konkluzivyt.htm> (Дата обращения: 17.04.2020).
 10. Алексова 2019 – Алексова К. Дубитативът в съвременния български език в типологически аспект. URL: https://www.slav.uni-sofia.bg/exist/apps/evogramm/data/pdf/KA-Yubiley_R_Vlahova.pdf (Дата обращения: 29.04.2022).
 11. Андрейчин 1977 – Андрейчин Л. Из историята на нашето езиково строителство. София: Народна просвета, 1977. - 255 с.
 12. Апресян 1995 – Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. - 767 с.

13. Арутюнова 1992 – Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52-79.
14. Буглак 2011 – Буглак С. И. Источники информации в формировании высказывания (на материале английского и русского языков). Chisinau: Palmarium Academic Publishing, 2012. - 344 с.
15. Герджиков 1982 – Герджиков Г. Тъй нареченото преизказване и въпросът за модалните категории, които глаголят може да притежава // Съпоставително езикознание. 1982. Том VII. №4. С. 21–38.
16. Герджиков 1984 – Герджиков Г. Преизказването на глаголното действие в българския език. София: Наука и изкуство, 1984. - 269 с.
17. Дёмина 1959 – Дёмина Е. И. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Издательство АН СССР, 1959. - 440 с.
18. Дёмина 1970 — Дёмина Е. Към историята на модалните категории на българския глагол // Български език. 1970. № 5. С. 410–420.
19. Иванчев 1976 – Иванчев С. Проблеми на развитието и функционирането на модални категории в българския език // Помагало по българска морфология: Глагол / под ред. Пашов П., Ницолова Р. София: Наука и изкуство, 1976. С. 348-360.
20. Иванчев 1984 – Иванчев С. Миналите разказвателни системи в българския език // Български език. 1984. №1. С. 27-32.
21. Зеленщиков 2003 – Зеленщиков А. В., Емельянова О. В. и др. A New University English Grammar (Грамматика современного английского языка): Учебник для студ. высш. заведений / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. С. Петровой - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр “Академия”, 2003. - 640 с.
22. Золотова 1988 – Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. - 440 с.

- 23.Каушанская 2008 – Каушанская В. Л., Ковнер Р. Л., Кожевникова О. Н. и др. A Grammar of the English Language (Грамматикаанглийскогоязыка) / под ред. Е. В. Ивановой - М.: Айрис Пресс, 2008. - 384 с.
- 24.Кобрина 2003 – Кобрина О. А. Категория эвиденциальности в современном английском языке (семантика и средства выражения): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. СПб, 2003.
- 25.Кобрина 2005 – Кобрина О. А. Категория эвиденциальности: её статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. №1.С. 86-98.
- 26.Кобрина 2006 – Кобрина О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 90-100.
- 27.Козинцева 1994 – Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. №3. С. 92–104.
- 28.Козинцева 2007 – Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвист. исслед. РАН; отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13-36.
- 29.Козинцева 2007а – Козинцева Н. А. Косвенный источник информации в высказывании // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвист. исслед. РАН; отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 85-105.
- 30.Куцаров 1994 – Куцаров И. Едно екзотично наклонение на българския глагол. София: УИ «Св. Климент Охридски», 1994. - 223 с.
- 31.Куцаров 1994а – Куцаров И. Проблеми на българска морфология. Пловдив: УИ«Паисий Хилендарски», 1994. - 180 с.
- 32.Куцаров 1997 – Куцаров И. Лекции по българска морфология. Пловдив: УИ«Паисий Хилендарски», 1997. - 213 с.
- 33.Макарцев 2010 – Макарцев М. М. Эвиденциальность в болгарском языке: проблемы типологической классификации // Acta linguistica petropolitana.

- Труды института лингвистических исследований. 2010. Том VI(3). С. 112-119.
- 34.Макарцев 2013 – Макарцев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб: Нестор-История, 2013. - 444 с.
- 35.Маслов 1956 - Маслов Ю. С. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения // Сборник в чест на Александър Теодоров-Балан. София, 1956. С. 311-318.
- 36.Маслов 1981 – Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981. - 407 с.
- 37.Мирчев 1953 – Мирчев К. Историческа граматика. София: Наука и изкуство, 1953. - 304 с.
- 38.Молошная 1991 – Молошная Т. Н. Аналитические формы косвенных наклонений в славянских языках // Советское славяноведение. 1991. №4. С. 76-87.
- 39.Мосинец 2018 – Мосинец А. Г. Конклюдив в русско-болгарских и болгарско-русских переводах художественной литературы // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета: 28–29 ноября 2018 года, Москва / Ред. колл.: М. Л. Ремнёва и др. – М.: МАКС Пресс, 2018. С. 211-214.
- 40.Мосинец, Алексова 2019 – Мосинец А. Г., Алексова К. С. Дубитатив и конклюдив в современном болгарском языке: сферы употребления и тактики перевода // XLVIII Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб, 2019. С. 19-29.
- 41.Ницолова 2003 – Ницолова Р. Семантическая гиперкатегория «Характеристика говорящим сообщаемой информации» и её связь с временем и лицом глагола // Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В. П. Недялкова (1928-2009). 2010. С. 108-112.

42. Ницолова 2006 – Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица в болгарском языке // Вопросы языкознания. 2006. №4. С. 27-45.
43. Ницолова 2007 – Ницолова Р. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвист. исслед. РАН; отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 107-196.
44. Ницолова 2008 – Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2008. - 523 с.
45. Падучева 2011 – Падучева Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* // Известия РАН. Серия литературы и языка, 70 (3). 2011. С. 13-19.
46. Падучева 2013 – Падучева Е. В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013. С. 9-29.
47. Пенчев 1967 – Пенчев Й. Към въпроса за времената в съвременния български език // Български език. 1967. № 2. С. 131-143.
48. Плунгян 2008 – Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: «мол», «якобы» и другие // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen / под ред. В. Wiemer, В. А. Плунгян. München: Sagner, 2008. С. 285-311.
49. Плунгян 2011 – Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. - 672 с.
50. Скоробач 2020 – Скоробач Н. Ю. Категория эвиденциальности как средство формирования модальности сомнения в текстах публицистического дискурса // Известия ВГПУ. 2020. №4. С. 134-39.
51. Станков 1969 – Станков В. Българските глаголни времена. София: Наука и изкуство, 1969. - 199 с.
52. Станојоски 2018 – Станојоски И. Формите на евиденцијалноста во македонскиот и во бугарскиот јазик низ призмата на бугарската

- лингвистичка традиција // Knowledge – Internationaljournal. 2018. Vol. 23.5. С. 1393-1397.
53. Теодоров-Балан 1987 – Теодоров-Балан А. Четвърто наклонение // Избрани произведения / под ред. В. Попова, Б. Вълчев. София: Наука и изкуство, 1987. - 334 с.
54. Трифонов 1905 – Трифонов Ю. Синтактични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола съм в новобългарския език // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. 1905. Том 69. Кн. 1-2. С. 1- 40.
55. Търпоманова 2015 – Търпоманова Е. Евиденциалност в балканските езици: български и албански. София: Ни Плюс, 2015. - 212 с.
56. Усикова 2003 – Усикова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. - 376 с.
57. Храковский 2007 – Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвист. исслед. РАН; отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600-632.
58. Шакирова 2010 – Шакирова Р. Д., Ахунзянова Р. Р. Инференциальность и средства её выражения в английском языке // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 21. С. 42-45.
59. Шанова 2011 – Шанова З. К. Глагольная система болгарского языка и категории эвиденциальности и эпистемической модальности // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 143-145.
60. Шанова 2014 – Шанова З. К. Граматични въпроси на превода от български на руски език // Трети международен конгрес по българистика. 23-26 май 2013 г. Секция «Български език». Подсекция «Българистиката в чужбина.

- Преподаване на български език. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2014. С. 117-129.
61. Якобсон 1972 – Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / сост. О. Г. Ревзина. – М.: Наука, 1972. С. 95-113.
62. Aikhenvald 2004 – Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. - 480 p.
63. Barrera 2013 – Barrera I. O., Toledo E. Q. May and must as inferential evidential markers in a corpus of English scientific texts. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.835.8660&rep=rep1&type=pdf> (Дата обращения 03.05.2020).
64. Boas 1911 — Boas F. Handbook of American Indian languages. Part 1. Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology Bulletin 40. Washington: Government Printing Office, 1911.
65. Bybee 1985 – Bybee J. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form. Amsterdam: Benjamins, 1985. - 235 p.
66. De Haan 1999 – De Haan F. Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries // Southwest Journal of Linguistics. 1999. №18. P. 83-101.
67. DeLancey 1997 – DeLancey S. Mirativity: The Grammatical Marking of Unexpected Information // Linguist. Typology. 1997. Vol. 1, №1. P. 33-52.
68. Dendale 2001 – Dendale, P., Tasmowski, L. Introduction: Evidentiality and Related Notions // Journal of Pragmatics. 33 (3). 2001. P. 339–348.
69. Evidentiality 1986 – Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / ed. by W. Chafe, J. Nichols. Norwood, NJ.: Ablex, 1986. Pp. 261-272. - 346 p.
70. Von Fintel, Gillies 2007 - An Opinionated Guide to Epistemic Modality. URL: <http://web.mit.edu/fintel/fintel-gillies-2007-ose2.pdf> (Дата обращения: 11.05.2022).
71. Friedman 2002 – Friedman V. Macedonian (Languages of the World / Materials 117). Munich: LinCom Europa, 2002. - 60 p.

72. Givón 1982 — Givón T. Evidentiality and epistemic space // *Studies in language*. 1982. №6 (1). P. 23–49.
73. Guentcheva 1996 – Guentchéva Z. Le médiatif en bulgare // *L'Énonciation médiatisée*. Paris: Louvain, 1996. P. 47-70.
74. Jakobson 1957 – Jakobson R. Shifters, Verbal categories, and the Russian Verb. Cambridge: Harvard University, 1957. - 14 p.
75. Kramer, Mitkovska 2011 – Kramer C., Mitkovska L. Macedonian: a course for beginners and intermediate students. Wisconsin, 2011. - 558 p.
76. Lindstedt 1985 – Lindstedt J. On the Semantics of Tense and Aspect in Bulgarian. Helsinki: Helsingin Yliopisto, 1985. - 320 p.
77. Willett 1988 — Willett T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in language*. 1988. № 12. P. 51–97.

Приложения

Приложение 1

Таблица эвиденциальных временных форм в болгарском языке

Индикатив	Ренарратив	Дубитатив	Конклюдзив
Настоящее время и имперфект (Сегашно време и минало несвършено време)			
1. н ^о ся / н ^о сех	н ^о сел (-а, -о) съм	бил съм н ^о сел (-а, -о)	н ^о сел (-а, -о) съм
2. н ^о сиш / н ^о сеше	н ^о сел (-а, -о) си	бил си н ^о сел (-а, -о)	н ^о сел (-а, -о) си
3. н ^о си / н ^о сеше	н ^о сел (-а, -о)	бил н ^о сел (-а, -о)	н ^о сел (-а, -о) е
1. н ^о сим / н ^о сехме	н ^о сели сме	били сме н ^о сели	н ^о сели сме
2. н ^о сите / н ^о сехте	н ^о сели сте	били сте н ^о сели	н ^о сели сте
3. н ^о сят / н ^о сеха	н ^о сели	били н ^о сели	н ^о сели са
Аорист (Минало свършено време)			
1. н ^о сих	н ^о сил (-а, -о) съм	бил съм н ^о сил (-а, -о)	н ^о сил (-а, -о) съм
2. н ^о си	н ^о сил (-а, -о) си	бил си н ^о сил (-а, -о)	н ^о сил (-а, -о) си
3. н ^о си	н ^о сил (-а, -о)	бил н ^о сил (-а, -о)	н ^о сил (-а, -о) е
1. н ^о сихме	н ^о сили сме	били сме н ^о сили	н ^о сили сме
2. н ^о сихте	н ^о сили сте	били сте н ^о сили	н ^о сили сте
3. н ^о сиха	н ^о сили	били н ^о сили	н ^о сили са
Перфект и плюскваперфект (Минало неопределено и минало предварително време)			
1. н ^о сил (-а, -о) съм / бях н ^о сил (-а, -о)	бил съм н ^о сил (-а, -о)		бил съм н ^о сил (-а, -о)
2. н ^о сил (-а, -о) си / беше н ^о сил (-а, -о)	бил си н ^о сил (-а, -о)		бил си н ^о сил (-а, -о)
3. н ^о сил (-а, -о) е / беше н ^о сил (-а, -о)	бил н ^о сил (-а, -о)		бил е н ^о сил (-а, -о)
1. н ^о сили сме / бяхме н ^о сили	били сме н ^о сили		били сме н ^о сили
2. н ^о сили сте / бяхте н ^о сили	били сте н ^о сили		били сте н ^о сили
3. н ^о сили са / бяха н ^о сили	били н ^о сили		били са н ^о сили
Будущее время и будущее в прошедшем (Бъдеце време и бъдеце в миналото)			
1. щ ^е н ^о ся /	щял съм да н ^о ся	щял съм бил да н ^о ся	щял съм да н ^о ся

<i>щях да нoся</i>			
<i>2. щe нoсиши / щеше да нoсиши</i>	<i>щял си да нoсиши</i>	<i>щял си бил да нoсиши</i>	<i>щял си да нoсиши</i>
<i>3. щe нoси щеше да нoси</i>	<i>щял да нoси</i>	<i>щял бил да нoси</i>	<i>щял e да нoси</i>
<i>1. щe нoсим / щяхме да нoсим</i>	<i>щели сме да нoсим</i>	<i>щели сме били да нoсим</i>	<i>щели сме да нoсим</i>
<i>2. щe нoсите / щяхте да нoсите</i>	<i>щели сте да нoсите</i>	<i>щели сте били да нoсите</i>	<i>щели сте да нoсите</i>
<i>3. щe нoсят / щяха да нoсят</i>	<i>щели да нoсят</i>	<i>щели били да нoсят</i>	<i>щели са да нoсят</i>
<i>Будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем (бъдеще предварително и бъдеще предварително в миналото)</i>			
<i>1. щe съм нoсил (-а, -o) / щях да съм нoсил (-а, -o)</i>	<i>щял съм да съм нoсил (-а, -o)</i>	<i>щял съм бил да съм нoсил (-а, -o)</i>	<i>щял съм да съм нoсил(-а, -o)</i>
<i>2. щe си нoсил (-а, -o) / щеше да си нoсил (-а, -o)</i>	<i>щял си да си нoсил (-а, -o)</i>	<i>щял си бил да си нoсил (-а, -o)</i>	<i>щял си да си нoсил (-а, -o)</i>
<i>3. щe e нoсил (-а, -o) / щеше да e нoсил(-а, -o)</i>	<i>щял да e нoсил (-а, -o)</i>	<i>щял бил да e нoсил (-а, -o)</i>	<i>щял e да e нoсил (-а, -o)</i>
<i>1. щe сме нoсили / щяхме да сме нoсили</i>	<i>щели сме да сме нoсили</i>	<i>щели сме били да сме нoсили</i>	<i>щели сме да сме нoсили</i>
<i>2. щe сте нoсили / щяхте да сте нoсили</i>	<i>щели сте да сте нoсили</i>	<i>щели сте били да сте нoсили</i>	<i>щели сте да сте нoсили</i>
<i>3. щe са нoсили / щяха да са нoсили</i>	<i>щели да са нoсили</i>	<i>щели били да са нoсили</i>	<i>щели са да са нoсили</i>

**Распределение временных форм ренарратива и конклюдива в
рассмотренных произведениях**

Ренарратив

В романе *«Железният светилник»* Д. Талева

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
1 л. ед.ч.	-	1	-	-
2 л. ед.ч.	1	-	-	-
3 л. ед.ч.	124	165	4	-
1 л. мн.ч.	-	-	-	-
2 л. мн.ч.	-	2	-	-
3 л. мн. ч.	13	21	-	-

В романе *«Естествен роман»* Г. Господинова

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
1 л. ед.ч.	2	4	-	-
2 л. ед.ч.	-	1	-	-
3 л. ед.ч.	126	122	10	2
1 л. мн.ч.	-	-	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	31	32	-	-

В сборнике рассказов *«И други истории...»* Г. Господинова

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
1 л. ед.ч.	-	-	-	-
2 л. ед.ч.	-	-	-	-
3 л. ед.ч.	105	101	14	3
1 л. мн.ч.	-	-	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	29	12	3	-

В романе *«Светата кръв»* А. Баева

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
1 л. ед.ч.	-	1	-	-
2 л. ед.ч.	-	-	-	-
3 л. ед.ч.	88	106	7	2
1 л. мн.ч.	-	-	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	41	25	-	1

В сборнике рассказов *«Пернишки разкази»* З. Евтимовой

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
--	-----	---	------	-------------

1 л. ед.ч.	1	-	-	-
2 л. ед.ч.	2	7	-	-
3 л. ед.ч.	116	139	6	2
1 л. мн.ч.	-	-	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	21	13	-	1

Конклюдив

В романе «Железният светилник» Д. Талева

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
1 л. ед.ч.	-	-	-	-
2 л. ед.ч.	-	-	-	-
3 л. ед.ч.	3	3	-	-
1 л. мн.ч.	-	-	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	-	-	-	-

В романе «Естествен роман» Г. Господинова

	И	А	Пл	Б в прош.
1 л. ед.ч.	1	1	-	-
2 л. ед.ч.	-	-	-	-
3 л. ед.ч.	5	20	-	-
1 л. мн.ч.	3	1	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	1	4	-	-

В сборнике расказов «И други истории...» Г. Господинова

	И	А	Пл	Б в прош.
1				
1 л. ед.ч.	-	2	-	-
2 л. ед.ч.	1	-	-	-
3 л. ед.ч.	5	4	-	-
1 л. мн.ч.	-	1	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	1	-	-	-

В романе «Светата кръв» А. Баева

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
1 л. ед.ч.	10	4	-	-
2 л. ед.ч.	-	-	-	-
3 л. ед.ч.	21	14	1	1
1 л. мн.ч.	-	-	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	2	-	-	-

В сборнике рассказов «Пернишки разкази» З. Евтимовой

	Н/И	А	П/Пл	Б/Б в прош.
1 л. ед.ч.	1	-	-	-
2 л. ед.ч.	2	2	-	-
3 л. ед.ч.	4	17	-	-
1 л. мн.ч.	-	-	-	-
2 л. мн.ч.	-	-	-	-
3 л. мн. ч.	1	2	-	-